

Чарльз
Хайэм

Торговля с врагом

Банк на все случаи • Деньги
нацистов в американском банке •
Секреты „Стандард ойл“ • Хозяин
мексиканской нефти • Телефонный
заговор • Стальные шарики на
вес золота • Махинации кинопро-
мышленников • Автомобильная
промышленность и преступное со-
трудничество • Магнат - изобретатель •
Графиня - шпионка • „Братство“
замечает следы •

Чарльз Хайем

Торговля с врагом

Charles
Higham

**Trading With The
Enemy:
An Exposé of The
Nazi-American
Money Plot
1933—1949**

New York
1983

Чарльз
Хайэм

Торговля с врагом

Предисловие
В. А. МАТВЕЕВА

Москва
Прогресс
1985

ББК63.3(7США)
Х15

Общая редакция
кандидата исторических наук Е. Н. Кулькова

Перевод с английского М. Н. Барсеговой
и Н. А. Мюрисеп

Редактор Т. Л. Комарова

Хайэм Ч.

Х15 **Торговля с врагом: Пер. с англ./ Предисл.
В. А. Матвеева.— М.: Прогресс, 1985.— 256 с.**

Книга известного американского писателя и публициста разоблачает преступные связи крупнейших корпораций США с фашистской Германией. Используя архивные документы, рассекреченные в 1978—1980 гг., дневники и воспоминания видных политических деятелей США, автор показывает, что представители большого бизнеса Соединенных Штатов Америки оказывали германским монополистам политическую, финансово-экономическую помощь, снабжали нацистов важными разведывательными данными в ущерб интересам собственной страны и ее союзников.

Х 0804000000—378 45—85
006(01)—85

ББК63.3(7США)
9(М72)

© Charles Higham, 1983

© Предисловие, перевод на русский язык с сокращениями, издательство
«Прогресс», 1985

Предисловие

Эта книга — плод большой кропотливой работы, проделанной американским публицистом Чарльзом Хайэмом, в области, тщательно охраняемой на Западе от постороннего взора. Речь идет о закулисной предыстории и истории второй мировой войны, возникшей, как известно, внутри капиталистической системы, как и первая мировая война. Однако между этими двумя конфликтами имеются и свои специфические различия. Межимпериалистические противоречия, достигшие крайней остроты, были основным, определяющим фактором военного взрыва 1914 года. Что же касается второй мировой войны, то к указанному фактору прибавился другой: антисоветские, антикоммунистические тенденции во внешней политике западных держав были пружиной, которой ловко пользовались фашистские агрессоры, расчищая себе путь к широким захватам и аннексиям, являвшимся частью их стратегии завоевания мирового господства.

Классовое родство капиталистического бизнеса, погоня его столпов за прибылями во что бы то ни стало, любой ценой привели еще во время первой мировой войны к тому, что монополистические тресты воюющих держав тайно сотрудничали через подставные фирмы, нейтральные страны и другими способами. Немало фактов такого сотрудничества получили в свое время огласку. Чарльз Хайэм рисует широкую панораму закулисных сделок крупного бизнеса США, а также Великобритании с нацистским бизнесом в период второй мировой войны. Помимо частнособственнического, стяжательского мотива, участников такого альянса толкала на сотрудничество общая враждебность к первому в мире социалистическому государству, к Советскому Союзу.

Настойчивость, упорство автора книги в поисках документов, их анализа позволили ему обнаружить новые факты о тайном сотрудничестве между американскими (так же, как и британскими, французскими) монополиями и германским крупным капиталом, которые стали достоянием гласности еще в середине 20-х годов.

Но одно дело — мирное время, другое — военное. Торговля с врагом была преступлением против нации. Каж-

дая из фирм, компаний, занятая грязнейшим «бизнесом» такого рода, рисковала быть привлеченной к судебной ответственности у себя в стране. Рисковала... Однако ни одна из американских монополий, осуществлявшая сделки с нацистами во время войны, так и не предстала перед правосудием. А список таких коллаборационистов включает в себя самые громкие имена.

И поныне процветают «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Форд», «Дюпон», «Дженерал моторс», ИТТ, вложившие наряду с банками, промышленными корпорациями других капиталистических стран позорную лепту в подготовку и развязывание второй мировой войны. Ныне некоторые их партнеры в лице промышленных баронов Рура, банков, вскормивших нацизм, сменили название. Новые вывески не затронули существа, характера таких объединений, чья роль в рамках государственно-монополистического капитализма, будь то в ФРГ, Великобритании, Франции, США или в других странах развитого капитализма, является, как правило, решающей в сфере экономической и весьма значительной, нередко определяющей в сфере политической.

Данная книга, принадлежащая перу буржуазно-либерального автора, разумеется, не может претендовать на более или менее полный анализ роли монополистического капитала основных империалистических держав в связи с подготовкой и возникновением второй мировой войны. Ч. Хайзм такой задачи перед собой не ставил. За пределами книги остается рассмотрение комплекса острейших межимпериалистических противоречий, носителями которых выступали соперничавшие между собой на рынках сбыта, источниках сырья монополии ведущих капиталистических стран.

Главная тема книги — показать, как в погоне за прибылями монополии США, с одной стороны, и нацистской Германии, с другой, несмотря на обострявшуюся конкуренцию и даже на то, что с конца 1941 года США оказались в состоянии войны с фашистскими державами, не прекращали сотрудничества. Кроме того, они, как подчеркивает автор, пытались объединить усилия, чтобы добиться изоляции СССР и решить за его счет острейшие проблемы, раздиравшие капиталистический лагерь.

Обобщенных выводов такого рода в книге нет, но они логически вытекают из всего огромного фактического материала, собранного и изложенного автором с большой добросовестностью. Существует обширная литература о взаимодействии монополистического капитала и соперничавших между собой капиталистических держав в условиях обострившихся межимпериалистических противоре-

чий. Одно, на первый взгляд, противоречит другому. Сотрудничество и соперничество... Но именно в этом проявлялась диалектика складывавшейся в капиталистическом мире обстановки. Данная книга имеет большую источниковедческую ценность — в ней содержатся малоизвестные или совсем неизвестные факты, почерпнутые из документов, извлеченных из недавно рассекреченных архивов. Конечно, не все еще известно, но то, что удалось разыскать автору, проливает новый свет на тайное тайных англо-американской политики в годы второй мировой войны.

Сознавая приближение военного взрыва, заправили монополистического капитала в США пытались действовать по нескольким направлениям. Одни из них стремились предотвратить столкновение между агрессорами и т. н. «западными демократиями», подталкивая фашистские державы к «крестовому походу» против СССР. Другие, понимая неизбежность схватки с фашистскими державами, хотели заранее договориться с нацистскими монополиями о сохранении тайных каналов «делового сотрудничества» в военное время. Коварнейшие замыслы реализовались в соответствующих договоренностях. А они осуществлялись на практике и в разгар войны, оказывая значительное материальное содействие военной машине агрессоров.

Руины Варшавы, Ковентри, Роттердама, смерть и разрушение, которые сеяли на улицах Лондона «Фау», варварские злодеяния нацистов в Дахау, Освенциме, Трешлинке, где в душегубках гибли миллионы людей,— ко всему этому причастны монополии США и других стран, именовавших себя «демократиями». Через своих партнеров в США, Великобритании заправили нацистского бизнеса продолжали и после начала войны получать необходимые для вермахта сырье и промышленное оборудование. Под контролем гитлеровцев в самой Германии и на оккупированных территориях продолжали действовать филиалы многих американских концернов. Причитающиеся их владельцам за океаном прибыли исправно переводились нацистами на соответствующие банковские счета!

Как все это могло происходить? Неужели правительства США и Великобритании не знали, что творилось у них под носом? Приводимые в книге данные не оставляют на сей счет никаких сомнений: в высших правительственных инстанциях Вашингтона и Лондона не только знали, но и во многих случаях санкционировали подобные махинации. Были, конечно, случаи, когда власти вмешивались и прекращали незаконные операции. Но чаще они бездействовали.

Вопрос о причинах такого потворства — иначе это не назовешь! — волнует Чарльза Хайзма. Он справедливо указывает на засоренность официальных ведомств Вашингтона деятелями реакционнейшего толка, которые симпатизировали нацистам и во многих случаях выполняли функции доверенных лиц монополий, банков, связанных с нацистским бизнесом. Ачесон, братья Даллесы, Джеймс Форрестол — таковы лишь некоторые персонажи из этого клана американских политиков, потворствовавших связям с нацистским бизнесом. Документы, поднятые Хайзмом, неопровержимо свидетельствуют: нити партнерства тянулись из контор ведущих монополий США к чинам СС, гестапо, сидевшим в штабах германских фирм и компаний. Недостатка в сигналах от многих американцев, узнававших о тех или иных фактах альянса с противником, не было. Сам Ф. Рузвельт и многие из его окружения неоднократно выражали озабоченность по поводу преступной практики. Автор, кстати, в позитивном плане освещает мероприятия ФБР и его директора Э. Гувера по выявлению и пресечению связей американского бизнеса с нацистской Германией, а также подрывной деятельности нацистов в США. Однако не следует забывать, что это — далеко не единственная сторона деятельности ФБР, которое, сочетая функции уголовной и тайной полиции, активно использовалось и используется правящими кругами США для преследования прогрессивных организаций.

Почему же президент США не использовал имевшиеся у него полномочия, чтобы положить конец преступному бизнесу?

Объяснение, приводимое автором книги, выглядит не очень убедительно. Рузвельт, дескать, опасался громкого политического скандала, если бы имевшиеся в распоряжении властей факты были преданы огласке, а это в свою очередь могло бы помешать усилиям США в борьбе против врага. Тут явно не все ладно с точки зрения логики. Ведь пособничество нацистским монополиям как раз и наносило значительный ущерб военным усилиям США. Своевременное выявление таких «тройских коней» в среде деловых кругов США пошло бы только на пользу делу антифашистской борьбы.

И разве американцы в своем подавляющем большинстве не поддержали бы своего президента, решишь он сказать им всю правду о тех, кто ставил свои узкоэгоистические интересы выше национальных в час смертельной опасности для страны, для всего человечества!

Так что и с данной точки зрения доводы Хайзма являются маловесомыми.

Чтобы дать удовлетворительный ответ на данный вопрос, следует обратиться к истокам сотрудничества между монополиями США и других западных стран с Германией.

Германский империализм смог восстановить свой военно-промышленный потенциал прежде всего за счет притока колоссальных средств из-за океана. По официальным данным министерства торговли США, с октября 1924 года до конца 1929 года германская промышленность получила через банки США свыше одного миллиарда долларов — внушительная сумма в те времена. Львиная доля этих денег досталась крупнейшим монополистическим объединениям — таким, как сложившийся в 1925 году концерн в области химической индустрии «И. Г. Фарбениндустри», Стальной трест и другие. Из первой же серии американских займов 30 млн. долларов получил Стальной трест, 25 млн. — горно-металлургическая компания Тиссена, 10 млн. — Всеобщая компания электричества, 34 млн. — концерн «Сименс-Шуккерт» и другие.

Паутина картельных связей соединила Рур с Уолл-стрит, Сити с Руrom, Рур с французским «Комите де Форж». Чуть ли не на другой день после образования «И. Г. Фарбениндустри», а именно — 1 января 1926 г., предприятия концерна заключили соглашения с Дюпонами, в соответствии с которыми мировой рынок пороха был поделен между «И. Г. Фарбен», Дюпонами и британским концерном «Импэриел кемикл индастрис». Рокфеллеровская «Стандард ойл оф Нью-Джерси» таким же образом сговорилась в 1927—1929 годах с «И. Г. Фарбен» о разделе рынков на синтетический каучук и бензин. «Дженерал электрик» заключила картельное соглашение с Крупном, «Алкоа» — с «И. Г. Фарбен» и т. д.

Важно подчеркнуть, что картели имели целью не только раздел рынков и установление на них диктатуры цен. В рамках таких соглашений осуществлялся сговор против СССР.

К началу 30-х годов в Германии действовало более шестидесяти предприятий — филиалов американских фирм и компаний. Концерн «Дженерал моторс» тесно сотрудничал с «Опелем». Треть капиталов «Всеобщей компании электричества» находилась под контролем «Дженерал электрик». Не менее двух пятых немецкой телефонной и телеграфной промышленности подпало под прямой контроль американского концерна ИТТ, связанного с династией Морганов. «Стандард ойл» держала в руках более 90 процентов всего капитала германо-американской нефтяной компании, владевшей третью

всех наливных пунктов Германии перед второй мировой войной.

Новые выгодные для нацистской верхушки Германии сделки были заключены в 1938—1939 годах с заправилами Уолл-стрит. В марте 1938 года Морган и другие столпы американской сталепромышленности завершили переговоры с европейским Стальным картелем, где господствовал нацистский капитал. Подписанный американцами картельный договор предусматривал выплату «бонусов», премий промышленникам той страны, которая не использовала квоты экспорта стали. Этот пункт пришелся весьма по вкусу гитлеровцам, учитывая, что гонка вооружений поглощала в нацистской Германии всю продукцию ее сталеплавнения.

Успешно были закончены и другие переговоры между монополиями США и Германии. «Стандард ойл» совместно с англо-голландским концерном «Ройял датч-Шелл» пришли к договоренности с «И. Г. Фарбен» о создании нового картеля.

Следует учитывать, что такие сделки заключались в разгар спровоцированного гитлеровской верхушкой кризиса в Центральной Европе. После поглощения Австрии в марте 1938 года опасность нацистского вторжения нависла над Чехословакией. И в то время, как британские правящие круги взяли на себя в тот период лидерство в попытках оформления широкого капиталистического соглашения против СССР, с официальных трибун в США раздавались речи душевспасительного характера, когда на деле требовались твердые и согласованные действия всех, кому были дороги интересы безопасности, для отпора фашистским агрессорам. Так, 27 августа 1938 года госсекретарь США К. Хэлл заявил, что «сохранение всего, что ценно и важно для каждого народа, зависит от соблюдения торжественных обязательств, принятых десять лет назад». Имелся в виду подписанный в 1929 году пакт Келлога об отказе от войны. Об этом говорилось в то время, когда фашистские державы продемонстрировали свое пренебрежение к нормам международного права.

Действия правительства США были красноречивее таких мало что значащих деклараций. 12 мая 1938 года госдепартамент сообщил, что не поддерживает резолюции об отмене эмбарго на вывоз оружия в Испанию, внесенной в конгресс. Таким образом, вопрос об оказании помощи республиканской Испании снова был похоронен, как того добивались Гитлер, Муссолини и Чемберлен. Их не могла не вдохновить и политика США на Дальнем Востоке, где японские милитаристы вели войну против

китайского народа, опираясь в немалой степени на поддержку правящих кругов США. Оттуда в Японию шли ценные стратегические материалы и даже вооружения.

Уолл-стрит приводил в движение все рычаги своего огромного аппарата, руководствуясь стремлением к организации антисоветского похода. Один из ставленников монополистических трестов США Герберт Гувер в начале 1938 года совершил турне по Европе, побывав в Австрии, Чехословакии, Польше, Германии, Англии, Франции. Гувера приняли Гитлер и Геринг, с ним встречался Чемберлен. Вернувшись в США, он объявил, что «почетная миссия Германии—на Востоке». Продолжая интриги антисоветского характера с нацистами, англо-французские правители знали, что поддержка могущественных кругов США им обеспечена.

Весьма двусмысленной, мягко говоря, была позиция правительства США в связи с позорным мюнхенским сговором осенью 1938 года, в результате чего правители Великобритании и Франции отдали Чехословакию на заклятие нацистским захватчикам в расчете, что те двинутся дальше против СССР. Не участвуя формально в этой чудовищной сделке, правительство США тем не менее фактически благословило Чемберлена и Даладье на выдачу Чехословакии агрессорам.

В предвоенный период правящие круги США были отнюдь не сторонними наблюдателями установления самых тесных связей между американскими и германскими монополиями—они санкционировали, поощряли такие связи, исходя из своих реакционных замыслов.

Инерция такого предвоенного курса США была слишком сильна, чтобы сразу исчезнуть с вступлением США в войну. Правомерно говорить о нежелании правительства Ф. Рузвельта полностью разрывать и в изменившихся обстоятельствах с позорной традицией политического курса США, складывающегося не годами, а десятилетиями... Требования борьбы с нацистским врагом, угрозавшим США смертельной опасностью, окончательно не искоренили тенденции в политике США и Великобритании, которые сыграли роковую роль в подготовке и развязывании второй мировой войны.

И вот почему так резко качнулся в сторону антисоветизма маятник внешнеполитического курса США и Великобритании сразу после окончания войны. Дремавшие, поддерживавшиеся за кулисами силы воспрянули духом. Тузы монополистического капитала принялись хлопотать над разжиганием гораздо более желанной для них, чем борьба против фашизма, «холодной войны» против Со-

ветского Союза и молодых народно-демократических режимов в Восточной Европе.

Одновременно стали предприниматься планомерные усилия для защиты в Западной Германии деятелей, игравших не последнюю роль в нацистской иерархии.

Так единая цепь связывает середину 20-х годов, когда монополии США и других стран Запада начали налаживать сотрудничество с германскими промышленниками, банкирами, видя в них «оплот порядка» в центре Европы, с периодом после окончания второй мировой войны, когда те же американские монополии через своих эмиссаров в госдепартаменте и других официальных учреждениях встали на путь саботажа принятых государствами — участниками антигитлеровской коалиции решений, соглашений о денацификации, демилитаризации, декартелизации на территории бывшего «рейха».

И если такие эмиссары Рокфеллеров, Дюпонов, Фордов, наделенные деликатными поручениями своих шефов, старались держаться в военные годы в тени, то при президентах Трумэне, Эйзенхауэре они уже не довольствовались такой ролью, а встали у дирижерских пультов, возглавив важные ведомства Вашингтона. Не были забыты их дружки в среде поверженного фашистского аппарата. Главные нацистские военные преступники понесли заслуженное наказание в Нюрнберге. Но многие на территории Западной Германии не только остались безнаказанными, но и получили назначения на ответственные посты.

Такой «финал» не может оставить равнодушным ни автора книги «Торговля с врагом», ни ее читателей. Можно не сомневаться — тема, поднятая Чарльзом Хайзмом, найдет живой отклик у исследователей, которые во имя исторической правды внесут свой вклад в разоблачение тайных сговоров монополистов, стоивших народам стольких жертв, стольких испытаний.

В. Матвеев

7 декабря 1941 года Япония напала на Перл-Харбор¹. После этого дня национального позора американские финансово-промышленные круги, казалось бы, должны были приложить все свои усилия для осуществления главной цели — борьбы с врагом. Американскую общественность заверяли, что с началом войны представители большого бизнеса и правительство прервали все деловые контакты с врагом. Это было необходимо для поддержания морального духа миллионов американцев: тех, кто сражался с оружием в руках, и тех, кто остался дома, ожидая их возвращения.

Однако приходится с горечью констатировать, что во время второй мировой войны ряд крупных финансистов и промышленников, а также отдельные ответственные лица в правительстве предпочли собственную выгоду интересам государства: наращивая военный потенциал США, они одновременно помогали укреплять военную машину нацистской Германии.

Впервые я столкнулся с этим фактом в 1978 году, когда работал над рассекреченными документами для биографии Эррола Флинна, звезды американского кино, связанного с нацистами. В дипломатических документах Национального архива я нашел многочисленные упоминания о видных деятелях, которые, как я привык считать, были искренне преданы интересам Америки, но здесь фигурировали как лица, подозреваемые в подрывной деятельности.

Мне приходилось и раньше слышать о том, что кое-кто из крупных американских, английских и немецких коммерсантов вступил в сговор с тем, чтобы сохранить деловые контакты и после Перл-Харбора. Я также знал о том, что

¹ Перл-Харбор — военно-морская база США на Гавайских островах. 7 декабря 1941 г. союзная с фашистской Германией Япония нанесла по сосредоточенным на этой базе главным силам Тихоокеанского флота США внезапный и сокрушительный удар, что знаменовало начало войны на Тихом океане. — *Здесь и далее примечания редактора, за исключением оговоренных примечаний автора и переводчиков.*

некоторые правительственные чиновники оказывали им свое содействие. Но мне никогда не приходилось видеть документов, подтверждающих это. Постепенно я стал подбирать обрывочные сведения по интересующей меня теме. Процесс оказался изнурительно медленным и затянулся на два с половиной года. Но то, что я узнал, глубоко взволновало меня.

Я был потрясен, узнав, что целый ряд руководителей крупнейших американских корпораций до и после Перл-Харбора тесно сотрудничали с нацистскими корпорациями, в том числе и с «И. Г. Фарбен», колоссальным нацистским промышленным трестом, приложившим руку ко всему тому, что произошло в Освенциме¹. Представители большого бизнеса образовали своеобразное сообщество, которое я назвал «братством». Члены этого «братства» имели общие источники финансирования, входили в одни и те же советы директоров компаний и банков. На международном уровне к их услугам были «Нэшнл сити» или «Чейз нэшнл». Интересы членов «братства» защищали нацистские юристы Герхард Вестрик и Генрих Альберт. Финансовые и промышленные короли были связаны с Эмилем Пулем, крупнейшей фигурой в нацистской экономике, фактическим главой гитлеровского «Рейхсбанка» и Банка международных расчетов (БМР)².

Дельцов сближал принцип «бизнес прежде всего».

Спаянные реакционной идеологией, члены «братства» строили свои планы на будущее в расчете на установление фашистского господства, не придавая значения вопросу о том, кто именно из фашистских лидеров реализует свои честолюбивые амбиции.

Многие были готовы не только сотрудничать с немцами в течение всей войны, но и выступали за проведение мирных переговоров с Германией. Их вполне устраивало, чтобы Германия после окончания войны выполняла функции полицейского государства, обеспечивающего «братству» право на финансовую, экономическую и политическую автономию. Когда стало очевидным, что Герма-

¹ Освенцим — концентрационный лагерь фашистской Германии на территории оккупированной Польши. Каторжный труд узников использовался для строительства в Польше военно-промышленных предприятий концернов Круппа — «И. Г. Фарбениндустри». В Освенциме было уничтожено 4 млн. граждан СССР, Польши, Югославии, Чехословакии, Франции и других стран.

² Международная финансовая организация, объединяющая центральные банки 30 стран (1975 г.); в настоящее время — европейский вспомогательный орган Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития.

ния проигрывает войну, бизнесмены стали вести себя намного «патриотичней». Сразу после войны они устремились в Германию, чтобы защитить свою собственность, восстановить нацистских друзей на руководящих постах. Для того чтобы обеспечить «братству» лучшую перспективу, они помогли спровоцировать «холодную войну».

С самого начала я понял, что докапываться до истины придется долго. Тщетно пытался я найти в книгах, посвященных истории монополий, упоминания об их грязных делах во время второй мировой войны. Мне стало ясно, что авторы этих трудов сознательно скрывали факты, компрометирующие корпорации. Поэтому и по сей день подавляющее большинство американцев даже не подозревает, какую роль играло «братство» во второй мировой войне. Немало усилий по утаиванию этих фактов приложило и правительство, причем делало оно это не только во время войны, но и после ее окончания. Это и понятно: ведь миллионы англичан и американцев хорошо помнили длинные очереди на бензоколонках и острую нехватку бензина в стране. Нетрудно представить реакцию граждан США и Великобритании, заяви им, что в 1942 году корпорация «Стандард ойл» торговала горючим с Германией через нейтральную Швейцарию и что горючее, предназначавшееся союзникам, получал их противник. Их охватил бы справедливый гнев. Как бы они были возмущены, узнай, что после событий в Перл-Харборе «Чейз бэнк» заключал миллионные сделки с врагом в оккупированном Париже с полного ведома правления этого банка в Манхэттене; что во Франции грузовики, предназначенные для немецких оккупационных войск, собирались на тамошних заводах Форда по прямому указанию из Дирборна (штат Мичиган), где находится дирекция этой корпорации; что полковник Состенес Бен, глава многонациональной американской телефонной корпорации ИТТ, в разгар войны отправился из Нью-Йорка в Мадрид, а оттуда в Берн, чтобы оказать помощь гитлеровцам в совершенствовании систем связи и управляемых авиабомб, которые варварски разрушали Лондон (та же компания участвовала в производстве «фокке-вульффов», сбрасывавших бомбы на американские и британские войска); что шарикоподшипники, которых так недоставало на американских предприятиях, производивших военную технику, отправлялись латиноамериканским заказчикам, связанным с нацистами. Причем делалось это с тайного согласия заместителя начальника управления военного производства США, который одновременно был деловым партнером родственника рейхсмаршала Герин-

га¹ в Филадельфии. Заметим, что в Вашингтоне обо всем этом отлично знали и либо относились с одобрением, либо закрывали глаза на подобные действия.

Правительство санкционировало сомнительные сделки такого рода как до, так и после Перл-Харбора. Через шесть дней после 7 декабря 1941 года вышел президентский указ, регламентировавший правовые условия, при которых могло быть предоставлено официальное разрешение на торговлю с врагом. И правительство действительно во время войны часто давало такие разрешения. ИТТ было дозволено продолжать торговлю со странами «оси» и Японией вплоть до 1945 года, несмотря на то что эта корпорация была самым тесным образом связана с разведслужбой США. Правительство не предприняло каких-либо шагов против концерна «Форд», и он продолжал свою деятельность в пользу Германии на территории оккупированной Франции. На махинации банка «Чейз» и банка Моргана в оккупированном Париже смотрели сквозь пальцы. Установлено, что «Рейхсбанк» и нацистское министерство экономики дали гарантию главам некоторых американских корпораций, что после победы Германии их собственности не будет причинено никакого вреда. Таким образом, боссы многонациональных корпораций бросали игральную кость, на каждой стороне которой была шестерка. Кто бы ни победил в войне, силы, действовавшие за кулисами событий, не остались бы в проигрыше.

Важно учитывать также и размеры американских вкладов в нацистской Германии к моменту событий в Перл-Харборе, которые составляли примерно 475 млн. долларов. Инвестиции «Стандард ойл» оценивались в 120 млн. долларов; «Дженерал моторс» — 35 млн. долларов; ИТТ — 30 млн. долларов; «Форд» — 17,5 млн. долларов. Исходя из того, что США находились в состоянии войны со странами «оси», американской стороне было бы патриотичнее прекратить деятельность своих компаний в Германии независимо от того, как поступят с ними нацисты: национализировать или сольют с промышленной

¹ Герман Геринг (1893—1946) — один из руководителей фашистской Германии и главных нацистских военных преступников. Организатор гестапо (тайной государственной полиции) и системы концлагерей. С 1933 г. — имперский министр авиации и глава правительства Пруссии, с 1935 г. — главнокомандующий военно-воздушными силами. Имперский уполномоченный по «четырёхлетнему плану» военно-экономической подготовки к войне с 1936 г. Глава промышленного концерна «Рейхсверке Герман Геринг» с 1937 г. Несет ответственность за развязывание второй мировой войны, грабежи и зверства на оккупированных территориях. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни. Покончил жизнь самоубийством.

империей Геринга. Однако погоня за прибылью толкнула на циничное решение: избежать конфискации, объединив американские предприятия в холдинговые компании, чьи доходы переводились бы на американские счета в немецких банках и хранились бы там до конца войны. Важно отметить, что в документах я нигде не обнаружил и намек на то, что Рузвельт пытался привлечь к ответственности американцев, замешанных в сговоре с нацистами, даже в то время, когда Гитлер создавал впечатление, будто он полон решимости наказать отдельных немецких членов «братства», выдвинув против них обвинение в предательстве интересов нацистского государства. Гитлер и его министр почт Вильгельм Онезорге попытались было пресечь деятельность ИТТ в Германии (эта компания не скрывала своих явных связей с противником). Но они оказались бессильны. Дело в том, что руководитель контрразведки Вальтер Шелленберг¹ был одним из директоров и акционером ИТТ, а вмешиваться в дела гестапо не решался даже Гитлер.

В позиции Рузвельта по-прежнему многое остается неясным. Как искусный политик, он манипулировал действиями сил, склонных к закулисному заговору и предательству. Накануне событий в Перл-Харборе он позволил Джеймсу Муни из «Дженерал моторс» и Уильяму Дэвису из «Дэвис ойл компани», пронацистские симпатии которых были известны, встретиться для приватной беседы с Гитлером и Герингом. При этом за Муни и Дэвисом было установлено тщательное наблюдение. На протяжении всей войны Эдгар Гувер, Адольф Берли, Генри Моргентау и Гарольд Икес постоянно информировали президента о случаях незаконной деятельности корпораций как внутри страны, так и за ее пределами. Рузвельт умело скрывал от руководителей корпораций, что следит за каждым их шагом. Президент понимал, насколько важную роль играют корпорации в общих военных усилиях США, и старался не препятствовать торговым сделкам, независимо от того, имеется на них официальное разрешение или нет. Одним словом, он вел страну к победе в войне и скрывал от широкой общественности то, что, по его мнению, ей знать не следовало. Именно поэтому на торговлю с противником был наброшен тот покров секретности, который я взялся приподнять. Причем, чем больше фактов я обнаруживал, тем страшнее мне становилось.

¹ Бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг в 1941—1945 гг. руководил немецко-фашистской разведывательной службой за рубежом. Он являлся начальником 6-го управления (Служба разведки за рубежом), входившего в состав главного управления имперской безопасности (РСХА).

Мне казалось, будто я водолаз, погружающийся в отравленные воды.

Почему же многие члены военной администрации США проявляли терпимость к сотрудничеству с врагом и после Перл-Харбора? Ответить на этот вопрос можно однозначно: в противном случае могло произойти публичное разоблачение. Преданные гласности деловые связи и последующее запрещение их на основе антитрестовского законодательства¹ вызвали бы громкий скандал. К тому же члены руководства отдельных компаний настойчиво убеждали правительственных чиновников в том, что привлечение к суду, а тем более заключение в тюрьму лишит их возможности трудиться на благо дальнейшего укрепления военной мощи США. Таким образом, правительство не могло, а вернее, не стало вмешиваться в их дела. Позже, с началом «холодной войны», к развязыванию которой заправили корпораций приложили столько усилий, правду о деятельности «братства» пришлось скрывать еще тщательнее.

Свою книгу я начал с рассказа о Банке международных расчетов в Базеле (Швейцария) отнюдь не случайно. Подробности о деятельности этого банка изложены в дневниках Генри Моргентау, министра финансов США в правительстве Рузвельта. Эти дневники хранятся в Мемориальной библиотеке Ф. Д. Рузвельта в Гайд-парке (штат Нью-Йорк). Сведения о БМР можно найти и в докладах Лочлина Карри, сотрудника экономического аппарата Белого дома при Рузвельте, с которым я подолгу беседовал по телефону, поскольку он живет в Боготе (Колумбия), куда был сослан после лишения американского гражданства в 1956 году за деятельность по разоблачению американско-нацистских связей. Еще одним источником послужили отчеты покойного Орвиса Шмидта из управления по контролю за иностранными капиталами. Многие я разыскал и в немецких архивах: Эмиль Пуль, вице-президент, фактически глава «Рейхсбанка» и видная фигура в деятельности «братства», направлял в конце войны доклады своему номинальному начальнику д-ру Вальтеру Функу из Швейцарии прямо в Берлин.

¹ Антитрестовское законодательство—законы, принятые в США и некоторых других странах в конце XIX—начале XX века. Формально запрещающие тресты и монополии, эти законы, в сущности, были попыткой ограничить наиболее грубые и откровенные формы их деятельности. Антитрестовское законодательство, представляющее собой яркий пример буржуазного реформизма, призвано создать у народных масс иллюзию борьбы капиталистического государства с монополиями и их злоупотреблениями.

Я также получил материалы о деятельности рокфеллеровского банка «Чейз нэшнл». Выяснилось, что его парижское отделение оказывало услуги нацистскому верховному командованию вплоть до конца войны. Моргентау, вероятно, не сомневался, что историки в будущем проявят интерес к особо секретным архивным документам «Чейз нэшнл». И в своих дневниках он дал понять, что эти документы можно будет найти в архиве министерства финансов. С помощью сотрудника министерства Ральфа Корпа я сумел получить доступ к большей части документов банка «Чейз нэшнл».

От «Чейз нэшнл» нить потянулась, естественно, к компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» — самому крупному бриллианту в короне рокфеллеровской империи. Мне удалось добиться разрешения пользоваться хранящимися в отделе дипломатической переписки Национального архива ранее закрытыми материалами о деятельности этой корпорации. Я обнаружил в Национальном архиве документы компаний «Стерлинг продактс», «Дженерал анилайн энд филм», а кроме того, материалы, разоблачающие сделки крупного нефтяного дельца Уильяма Родса Дэвиса. Крайне необходимые для меня архивы ИТТ и РКА («Рэдио корпорейшн оф Америка») оставались долгое время засекреченными, и доступ к ним я получил, прождав чуть ли не целый год. Засекреченные документы, касающиеся «СКФ индастриз», хранятся в филиале Национального архива в г. Сьютлэнд (штат Мэриленд). В общедоступном Фонде Дж. Муни в Джорджтаунском университете Вашингтона есть сведения о деятельности «Дженерал моторс». Очень ценным источником являются и неопубликованные дневники Гарольда Икеса, с которыми можно ознакомиться в отделе рукописей Библиотеки конгресса США.

Сложнее оказалось проследить за деятельностью Форда в оккупированной Франции. В перечнях документов, имеющихся в министерстве финансов, я не обнаружил ничего, что могло бы облегчить поиски. Однако я знал, что в свое время министерство финансов создало специальную комиссию по расследованию деятельности компании Форда. Нужно было разыскать кого-нибудь, кто принимал участие в ее работе. И тут я вспомнил, что после войны вышла книга «Дьявольские химики». Ее автор, Джошиа Дюбуа, был одним из представителей министерства финансов США на Нюрнбергском процессе. Книга — своего рода отчет о суде над руководителями компании «И. Г. Фарбениндустри», нацистского промышленного треста, тесно связанного с Уолл-стрит.

Я перечитал книгу, чтобы найти ключ к разгадке.

Дюбуа пишет, что он родом из г. Кэмден (штат Нью-Джерси). Туда я и решил написать. Может быть, автор книги вернулся после войны в родные места? Предположение подтвердилось. Возвратившись в Кэмден, Дюбуа полностью ушел в дела семейной адвокатской конторы.

Я хотел выяснить, нет ли у него архивных материалов по делу Форда, которые, как мне казалось, в силу важности содержащихся в них сведений должны были храниться в его личном архиве. Ведь Моргентау, зная суть дела, не решился бы оставить их в министерстве финансов. Дюбуа ответил, что интересующие меня документы, вероятно, хранятся у него, включая и письма Эдзела Форда¹ управляющему фирмы в оккупированной нацистами Франции, в которых он требовал усовершенствовать систему поставок легковых автомобилей и грузовиков для Германии. Несколько недель спустя Дюбуа написал, что обшарил весь чердак, но бумаг не нашел — как сквозь землю провалились! Однако обещал продолжить поиски. Затем он угодил в больницу, где перенес серьезную операцию. Вернувшись домой и не окрепнув как следует, он продолжил поиски. Желание рассказать людям правду заставило его собрать остатки сил, забираться на чердак и рыться в бумагах. Наконец, потеряв уже всякую надежду, он нашел документы. Материалы основного досье носили такой разоблачительный характер, что Дюбуа не решился переслать их по почте или даже с курьером. Мне нужно было ехать к Дюбуа, работать в его кабинете. Но тут возникли новые осложнения: в ожидании поступления новых документов я не мог отлучиться из дому для продолжительной поездки в восточные штаты. Договорились, что я перезвоню.

Неподалеку от конторы Дюбуа находится Университет имени Рутгерса. Я позвонил туда и попросил подыскать студента для исследовательской работы. Мы договорились с секретаршей Дюбуа, что этот студент перепишет документы у него дома. Когда он это сделал, я послал за ними курьера. После ознакомления с документами мне стало ясно, что недостающие слова в кроссворде найдены.

Я старался писать эту книгу по возможности беспристрастно, не морализируя. Я не стремился бросить тень на существующие ныне корпорации и их руководство. В связи с этим предвижу упреки в мой адрес: ряда упомянутых в книге лиц уже нет в живых, зачем ворошить прошлое? На это я ответил бы так: миллионы людей погибли во время второй мировой войны. Эта книга — дань их священной памяти.

¹ Сын основателя компании Генри Форда.

Ясным майским утром 1944 года, когда молодые американцы гибли в неравных боях на береговых плацдармах фашистской Италии¹, в здание полностью контролируемого нацистами Банка международных расчетов (БМР) в Базеле вошел Томас Харрингтон Маккитрик. Этот лощеный американский джентльмен являлся президентом банка, и сегодня ему предстояло председательствовать на очередном, четвертом — в военное время — собрании руководства БМР. Сидя за одним столом, коллеги из Германии, Японии, Италии, Англии и США обсуждали весьма важные вопросы. Такие, например, как поступление 378 млн. долларов золотом, переведенных в банк нацистским режимом после Перл-Харбора на хранение, — фашистские главари надеялись использовать их после войны. Золото было частично награблено в национальных банках Австрии, Голландии, Бельгии и Чехословакии, а частично переплавлено из золотых коронок, оправ для очков, портсигаров, зажигалок и обручальных колец убитых в концлагерях евреев.

Банк международных расчетов был создан в 1930 году объединенными усилиями крупнейших мировых банков, в том числе и Нью-Йоркским федеральным резервным банком². Вдохновителем этого предприятия являлся Гельмар Шахт, в то время президент «Рейхсбанка», а позднее нацистский министр экономики, располагавший могущественными связями на Уолл-стрит. Ему, а позже

¹ В мае 1944 г. после длительного перерыва возобновилось наступление англо-американских войск, высадившихся в Италии летом 1943 г. При активной поддержке бойцов итальянского Сопротивления им удалось занять Рим. Однако затем, несмотря на громадное превосходство в силах, они оказались неспособны преодолеть оборону противника, закрепившегося на так называемой Готской линии. Немецкие войска в Италии сложили оружие только 29 апреля 1945 г.

² Единственный из 12 федеральных резервных банков США, осуществляющий валютные операции; сумма баланса 32 млрд. долларов (на конец 1976 г.).

его преемнику Вальтеру Функу¹ оказывал поддержку один из самых влиятельных гитлеровских банкиров — Эмиль Пуль.

Быстро распознав тягу Гитлера к войнам и аннексиям, Шахт еще до триумфа ефрейтора в рейхстаге позаботился о создании такого учреждения, которое позволило бы сохранить связи между воротилами финансового мира и осуществлять сделки даже в случае международного конфликта. С согласия заинтересованных сторон в Устав БМР была включена статья, обеспечивающая банку неприкосновенность. Независимо от того, окажутся хозяева БМР в состоянии войны или нет, банк не подлежал ни конфискации, ни ликвидации, а его деятельность — контролю. Устав банка подписали с согласия своих правительств представители Банка Англии, «Рейхсбанка», Банка Франции, Банка Италии и других крупнейших банков, а также принадлежащего клану Морганов частного «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк». Учрежденный в соответствии с так называемым «планом Юнга»² — по имени Оуэна Юнга, одного из банкиров из клана Морганов, — БМР был задуман как финансовая организация, призванная обеспечить взимание репарационных платежей, наложенных на Германию после первой мировой войны. Однако менее чем через год после создания банк стал выполнять прямо противоположные функции, превратившись в канал, по которому американские и британские деньги беспрепятственно перекачивались в резервуары нацистов. К началу второй мировой войны БМР полностью перешел под контроль Гитлера. В правление банка, которое возглавлял Томас Маккитрик, входили: Герман Шмиц, глава гигантского промышленного треста «И. Г. Фарбениндустри»³, барон Курт фон Шрёдер, глава

¹ Вальтер Функ (1890—1966) — один из руководителей фашистской Германии и главных нацистских преступников. После установления в Германии фашистской диктатуры в 1933 г. был назначен государственным секретарем в министерство пропаганды. С 1937 по 1945 г. возглавлял министерство экономики, одновременно с 1939 г. являлся президентом «Рейхсбанка». Ответственен за экономическую и финансовую подготовку и обеспечение ведения захватнической войны германским империализмом. Международным военным трибуналом в Нюрнберге в 1946 г. приговорен к пожизненному тюремному заключению.

² План взимания репарационных платежей Германии, разработанный в 1929—1930 гг. взамен «плана Дауэса»; по одностороннему решению правительства Германии его действие практически прекратилось с 15 июля 1931 г.

³ Германский военно-химический концерн, основанный в 1925 г. и расчлененный после второй мировой войны на три юридически самостоятельные компании в ФРГ: БАСФ, «Байер» и «Хёхст»; находившаяся на территории современной ГДР часть активов концерна перешла в народную собственность.

кельнского «И. Г. Штейн банк», щедро финансировавший гестапо, Вальтер Функ из «Рейхсбанка» и, конечно, Эмиль Пуль. Двое последних были назначены в правление лично Гитлером¹.

Первым президентом БМР стал ловкий банкир из клана Рокфеллеров Гейтс Макгарра. В 1933 году он покинул этот пост. Его сменил 43-летний Леон Фрезер, фигура весьма колоритная. До прихода в банк он сменил множество занятий: был репортером нью-йоркской газеты «Уорлд», специализировавшейся на политических скандалах, уличным оратором, владельцем липовой компании и даже... комедийным актером, правда неудачным. Леон Фрезер плохо разбирался в вопросах экономики и финансов, зато у него были огромные связи во влиятельных деловых кругах, а главное — страстная преданность миру денег, не признающему ни границ, ни верности родине. За первые два года гитлеровского правления Фрезер приложил максимум усилий, чтобы превратить БМР в инструмент финансирования германской экономики. И хотя в 1935 году он пересел в президентское кресло «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» и обосновался в его главной квартире на Манхэттене, влияние на деятельность БМР он сохранил вплоть до 40-х годов.

Остальные директора банка также принадлежали к могущественной финансовой группировке: Винченцо Аццолини, искушенный в финансовых делах глава Банка Италии; невероятно честолюбивый и жестокий Ив Бреар де Буазанже, член руководства Банка Франции; Александр Галопин, представляющий бельгийскую банковскую группу (в 1944 году его, как пособника нацистов, казнили борцы Сопротивления).

Деятельность БМР с самого начала вызывала подозрения у министра финансов США Генри Моргентау. Он не доверял толстосумам и власти имущим, несмотря на то что принадлежал к кругам весьма состоятельным. Честный и требовательный к себе, Моргентау считал своим долгом всегда и всюду разоблачать коррупцию. Долговязый, нескладный, с лысеющей куполообразной головой, пронзительным фальцетом, маленькими сверлящими глазками под неизменным пенсне и нервной, неуверенной улыбкой — таким стал в зрелые годы Моргентау, сын посла США в Турции, назначенного президентом Вудро Вильсоном во время первой мировой войны. Еще юношей Моргентау пришел к убеждению: прожить честно в

¹ Устав БМР подписали представители центральных банков Англии, Франции, Бельгии, Италии, Германии, трех частных банков США («Д. П. Морган энд компани», «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» и «Фёрст нэшнл бэнк оф Чикаго») и частных банков Японии.

продажном обществе и не запятнать свое имя можно, лишь усердно трудясь на собственном клочке земли. В возрасте 22 лет он одолжил деньги у отца и купил тысячу акров земли в долине Гудзона. Волей судьбы он оказался соседом Франклина Д. Рузвельта¹. В годы первой мировой войны обе семьи сблизились, их связала крепкая дружба. Элинор Моргентау была неразлучна со своей почти тезкой Элеанорой Рузвельт. В то время как звезда Рузвельта стремительно поднималась на политическом небосклоне, Моргентау все глубже погружался в дела своего хозяйства. В начале 20-х годов он основал газету под названием «Америкэн эгрикалчурист», которая выступала за предоставление государственных кредитов фермерам. Став в 1928 году губернатором штата Нью-Йорк, Рузвельт назначил Моргентау председателем фермерской кредитной ассоциации. Находясь на этом посту, будущий министр финансов выступал за проведение реформ в отношении сельскохозяйственных рабочих.

Легенда гласит: однажды морозным зимним днем 1933 года Рузвельт и Моргентау встретились на границе своих владений. Разговорились. Моргентау посетовал: «Замирает жизнь в наших краях...» Тогда Рузвельт сказал: «Как бы ты посмотрел на то, чтобы стать министром финансов...»

Моргентау создал хорошо отлаженный аппарат, в руководстве которым проявлял мягкость в сочетании с военной четкостью. Особым доверием министра пользовался его заместитель Гарри Декстер Уайт. В отличие от Моргентау он не мог похвастаться знатным происхождением. Уайт родился в нищей семье евреев-эмигрантов. Его юность прошла в суровой борьбе за существование. Этот невысокий, остролицый, энергичный человек как мог помогал отцу, имевшему небольшое скобяное дело. Получив гарвардскую стипендию и добившись профессорского звания в Лоуренс-колледже, штат Висконсин, Уайт сделал карьеру экономиста.

Моргентау решил, что необходимо обстоятельно разобраться в деятельности БМР, и с этой целью направил в Базель своего представителя. К сожалению, его выбор пал на Мерля Кохрана, личность весьма сомнительную. Официально Кохран назначили секретарем американского посольства в Париже, где он попал под начало друга Рузвельта, по-талейрановски двуличного посла Соединенных Штатов. Большую часть времени Кохран проводил в Базеле, подробно информируя о замыслах БМР

¹ 32-й президент США от демократической партии, избравшийся начиная с 1933 г. на этот пост четыре раза.

одновременно и Моргентау и Корделла Хэлла¹. Кохран симпатизировал нацистам и одобрял деятельность БМР, о чем красноречиво свидетельствуют его многочисленные докладные записки. Моргентау относился к политическим суждениям Кохрана с определенной долей скептицизма, однако продолжал пользоваться его услугами, ибо знал: немцы доверяют Кохрану и по многим вопросам держат его в курсе событий. Чуть ли не ежедневно Кохран обедал то со Шмицем или Шрёдером, то с Функом или Эмилем Пулем, то с другими нацистами из руководства БМР. Из почерпнутых в беседах за столом сведений он мог составить отчетливую картину планов БМР на будущее.

В марте 1938 года, когда гитлеровцы вступили в Вену, большая часть похищенного австрийского золота немедленно перекочевала в сейфы БМР. Нацисты — директора банка категорически возражали против обсуждения этого вопроса на заседаниях правления в Базеле. Кохран в своих сообщениях Моргентау также умолчал о вопиющем факте грабительства. В итоге австрийское золото оказалось в руководимом Функом «Рейхсбанке», где перешло под особый контроль Эмиля Пуля, занимавшего одновременно пост и президента «Рейхсбанка», и директора БМР. Примечательно, как Кохран характеризовал Пуля в своем письме Моргентау от 14 марта 1939 года: «Я много лет знаю Пуля. Он финансист с огромным опытом». Не менее лестно отзывался он и о Вальтере Функе.

Однако время для таких хвалебных отзывов было выбрано неудачно. На следующий день после того, как было написано письмо, гитлеровские войска двинулись на Прагу. Члены правления Чешского национального банка были взяты под арест. Нацисты, угрожая оружием, потребовали выдать национальное сокровище страны — золотые запасы, оценивавшиеся в 48 млн. долларов. Перепуганные члены правления банка сообщили, что золото уже передано БМР, а оттуда должно быть переправлено по их распоряжению для большей безопасности в Банк Англии. Наивные люди! Они и не подозревали, что его глава, эксцентричный Монтэгю Норман, обладатель пикантной бородки а-ля Ван Дейк и любитель путешествий, был ярым приверженцем Гитлера.

По приказу немецких захватчиков члены правления Чешского национального банка обратились к голландскому представителю в руководстве БМР Дж. Бейену с просьбой вернуть чешское золото в Базель. Согласовав этот вопрос с главным управляющим БМР Роже Обузном

¹ Корделл Хэлл — госсекретарь США в 1933—1944 гг.

из Банка Франции, Бейен позвонил в Лондон и дал указание Норману вернуть золото. Норман немедленно подчинился. Золото через Базель было передано в Берлин для закупки стратегических товаров, необходимых Германии в предстоящей войне.

Никто бы так и не узнал об афере, если бы не молодой, расторопный лондонский журналист и экономист Поль Айнциг. Он выведал все об этом золоте через знакомых в Банке Англии и тут же отослал в «Файнэншл ньюс» статью, которая вызвала в Лондоне настоящую сенсацию. Вскоре Айнциг встретился с членом парламента от оппозиционной лейбористской партии Джорджем Страуссом, и с этого момента они вместе повели расследование.

Однажды воскресным вечером Моргентау, стремившийся узнать истину, позвонил британскому министру финансов сэру Джону Саймону. Мерль Кохран прислал Моргентау телеграмму, в которой, как и следовало ожидать, пытался обелить БМР и категорически отвергал обвинения Айнцига, утверждавшего, что БМР — послушное орудие в руках нацистов.

Моргентау хотел выяснить мнение британского министра по этому поводу. Ответ был более чем сдержан: «У нас не принято прерывать воскресный обед для решения деловых вопросов, тем более по телефону».

«Что поделаешь, сэр Джон,— ответил Моргентау,— у нас все наоборот. Мы уже 40 лет все дела решаем исключительно по телефону!»

Сэр Джон Саймон и в дальнейшем уклонился от разговора с Моргентау. Тогда Джордж Страусс обратился 15 мая с официальным запросом к премьер-министру Невиллу Чемберлену: «Это верно, что национальные сокровища Чехословакии попали к немцам?» «Нет, не верно»,— ответил премьер-министр. Для справки: Чемберлен был крупнейшим пайщиком в компании «Империл кемикл индастриз» — партнере «И. Г. Фарбениндустри», глава которой, Герман Шмиц, входил в состав правления БМР. Ответ Чемберлена вызвал бурю в палате общин. Айнциг не отступал. Он был уверен, что Норман осуществил эту сделку тайно и с согласия Джона Саймона. Саймон же, отвечая на вопрос Страусса, заявил, что ему ничего не известно.

На следующий день Айнциг дотошно выспрашивал видного политического деятеля Англии сэра Генри Стракоша. Тот поначалу отказался сообщить подробности своего разговора с сэром Саймоном, но в конце концов признал, что Саймон обсуждал вопрос о передаче чешского золота.

Айнциг торжествовал. Он тут же сообщил новость Страуссу, который сделал очередной запрос Саймону во время дебатов в парламенте 26 мая. Сэр Саймон вторично попытался увильнуть. Но на сей раз яростную кампанию против злополучного министра финансов повел Уинстон Черчилль.

Моргентау хотел знать подробности. 9 мая он получил от Кохрана письмо из Базеля, весьма его заинтересовавшее. Кохран писал:

«В Базеле царит самая сердечная атмосфера. Большинство банкиров давно знают друг друга. Такого рода сотрудничество им настолько же приятно, насколько и полезно. Я переговорил со всеми. Некоторые из них выразили пожелание, чтобы государственные деятели их стран прекратили посылать проклятия в адрес друг друга, отправились бы лучше вместе на рыбную ловлю с президентом Рузвельтом или на Всемирную ярмарку и, преодолев ложную гордость и собственные комплексы, постарались установить климат взаимопонимания, который бы способствовал решению многих насущных политических проблем».

Эта картина всеобщего благодушия едва ли убедила Моргентау. 31 мая агентство Ассошиэйтед Пресс сообщало из Швейцарии, что в результате долгих закулисных дебатов между БМР и Банком Англии чешское золото окончательно осело в берлинских сейфах.

История с чешским золотом не давала покоя Айнцигу. Вторая мировая война близилась к концу, когда он столкнулся в Лондоне с Дж. Бейеном и попросил рассказать, как все произошло. Бейен вывернулся: «Видите ли, все это не более чем вопрос техники. Фактически золото никогда и не покидало Лондона». На секунду Айнциг потерял дар речи.

Истина заключалась в том, что золоту действительно не надо было покидать Лондон, чтобы им могли воспользоваться в Берлине. Согласно договору между БМР и банками-членами, сделки обычно совершались путем простого приведения в соответствие золотых депозитных счетов. Искушенные финансисты считали, что прямая передача денег сложна и опасна, поскольку суммы должны были фигурировать в таможенных декларациях. Таким образом, единственное, что нужно было сделать Монтэгю Норману,—это дать указание Бейену списать со счета Банка Англии 40 млн. долларов и компенсировать ту же сумму из авуаров Чешского национального банка в Лондоне. Стараниями Курта фон Шрёдера и Эмиля Пуля к 1939 году в БМР было депонировано огромное количество награбленного в оккупированных гитлеровцами стра-

нах золота и ценностей, а БМР в свою очередь вложил миллионы в германскую промышленность. БМР оказался послушным инструментом в руках Гитлера, что происходило при активной поддержке Великобритании, которую она продолжала оказывать даже после того, как вступила в войну с Германией. При этом Отто Нимейер оставался английским директором БМР, а Монтэгю Норман — его председателем на протяжении всей войны.

Как раз в разгар событий вокруг чешского золота Томас Харрингтон Маккитрик был назначен президентом БМР, а Эмиль Мейер от Швейцарского национального банка — его председателем. Близкий друг Морганов, представитель могущественной Уолл-стрит, Маккитрик олицетворял международное финансовое «братство». Он родился в Сент-Луисе, образование получил в Гарварде, где еще в студенческие годы стал издавать газету «Кримсон», там же выучил французский, итальянский и немецкий языки. В 1911 году ему была присвоена степень бакалавра искусств. Следующей ступенью карьеры неожиданно оказался пост председателя американо-британской торговой палаты, многие члены которой явно симпатизировали нарождающемуся фашизму. Будучи директором «Ли, Хиггинсон энд компани», Маккитрик сумел доказать лояльность «братству», предоставив гитлеровской Германии значительные кредиты.

В начале 1940 года Маккитрик вылетел в Берлин. Он должен был встретиться с Куртом фон Шрёдером и обсудить план действий на случай, если США вступят в войну с Германией.

Война в Европе уже шла полным ходом, и Моргентау с растущим недоверием следил за Маккитриком, однако его действиям не препятствовал. В этой ситуации приходилось больше полагаться на донесения разведки министерства финансов, чем на сообщения Кохрана относительно положения в БМР. В июне 1940 года Моргентау получил данные о том, что Александр Галопин, представлявший в совете директоров БМР Банк Бельгии, перехватил 228 млн. долларов в золоте, переведенные бельгийским правительством Банку Франции, и отправил их через Дакар в «Рейхсбанк» Эмилю Пулю.

Чтобы вернуть золото оккупированной фашистами страны, оказавшиеся в изгнании представители Банка Бельгии в Нью-Йорке возбудили иск против Банка Франции, интересы которого представлял сенатор штата Нью-Йорк Фредерик Кудер. По иронии судьбы адвокатом бельгийцев оказался Джон Фостер Даллес, а его юридическая контора «Салливан энд Кромвель» представляла в

США интересы «И. Г. Фарбениндустри». Верховный суд решил дело в пользу Банка Бельгии, обязав Банк Франции выплатить указанную сумму из своих авуаров в Федеральном резервном банке.

В ноябре 1942 года гитлеровские войска оккупировали всю Францию. Сенатор Кудер заявил, что теперь, когда Германия «поглотила» Банк Франции, последний юридически утратил право обжаловать это судебное решение. По-прежнему выполняя поручения Банка Франции, Кудер лживо утверждал, что поддерживать связь с Францией стало невозможно и только специальный представитель этого банка вправе распорядиться его авуарами в Федеральном резервном банке. В результате золото осталось в руках нацистов.

27 мая 1941 года госсекретарь Корделл Хэлл по просьбе Моргентау направил по телеграфу послу США в Лондоне Джону Вайнанту указание подробно доложить о политике правительства Великобритании в отношении БМР. Моргентау никак не мог примириться с тем, что Великобритания оставалась членом контролируемого нацистами финансового учреждения и, более того, играла в нем ведущую роль, а Монтэгю Норман и сэр Отто Нимейер из Банка Англии по-прежнему заседали в совете директоров. Вайнант встретился за ленчем с Нимейером и в представленном 1 июня отчете весьма положительно оценил результаты состоявшейся беседы.

Нимейер заверил, что БМР, согласно Уставу, по-прежнему остается «законным и неприкосновенным». Он подтвердил, что Великобритания, как и раньше, будет поддерживать отношения с банком в полном объеме при посредничестве Маккитрика. Все официальные контакты с БМР Нимейер, по его словам, осуществлял через министерство финансов Англии, а его переписка, по его же просьбе, подвергалась цензуре. На вопрос о чешском золоте Нимейер ответил: «Да, в прессе дело получило плохой резонанс из-за ошибочного подхода к вопросу со стороны парламента». Далее он подтвердил, что правительство Великобритании по-прежнему оставалось клиентом банка и получало от него дивиденды. Учитывая, что немецкие вклады составляли значительную часть капитала БМР, дивиденды, получаемые англичанами, несомненно, имели «нацистский привкус». И тем не менее Нимейер ратовал за продолжение сотрудничества англичан с банком. Негласная поддержка Великобритании, по его мнению, была необходима «для сохранения руководящей позиции в банке, когда будет решаться его судьба в зависимости от исхода войны».

В конечном счете позиция Нимейера сводилась к

следующему: «Сейчас не время обсуждать сложные юридические аспекты отношений между различными странами, оккупированными немцами... Маккитрику следует оставаться в Швейцарии и защищать БМР от любых опасностей. Для решения срочных вопросов ему, конечно, понадобится постоянный контакт с американским посланником в Швейцарии».

13 июля 1941 года Ивар Рут, из руководства Банка Швеции, написал своему другу Мерлю Кохрану, возвратившемуся в Вашингтон, о последнем общем собрании директоров банка и последовавшем завтраке в базельском ресторане «Три короля». По его словам, во время завтрака было решено, что Маккитрик в ближайшее время отправится в Соединенные Штаты, чтобы «изложить американским друзьям... по возможности мягко и ненавязчиво» политику БМР. Рут коснулся в письме и других вопросов: «Я надеюсь, что наши друзья за границей поймут политическую необходимость, вынудившую немцев перебросить дивизию в Финляндию по железной дороге через Швецию»¹.

5 февраля 1942 года, почти два месяца спустя после Перл-Харбора, «Рейхсбанк», германское и итальянское правительства выразили свое согласие с кандидатурой Маккитрика в качестве главы БМР вплоть до конца войны. В одном из документов содержалось следующее немаловажное утверждение: «Мнение Маккитрика нам всегда хорошо известно и сомнений не вызывает». В благодарность Маккитрик обеспечил заем на сумму в несколько миллионов швейцарских золотых франков немецкому оккупационному режиму в Польше и коллаборационистскому правительству Венгрии. Невероятно, но факт: в течение всей войны большинство членов правления БМР свободно пересекали границы враждующих европейских государств для встреч в Париже, Берлине,

¹ Правительство фашистской Германии в день вероломного нападения на СССР 22 июня 1941 г. потребовало от нейтральной Швеции предоставить возможность перебросить одну дивизию из Норвегии через шведскую территорию в Северную Финляндию. Несмотря на протест большинства населения, шведское правительство удовлетворило это требование. 26 июня 1941 г. первые железнодорожные эшелоны с немецкими войсками, направлявшимися в Финляндию, пересекли шведскую границу. С тех пор немецко-фашистское командование стало регулярно использовать шведские железные дороги для переброски живой силы и военных материалов на северное крыло советско-германского фронта. Лишь после победы Советской Армии в битве под Курском (5 июля—23 августа 1943 г.), когда неизбежность полного разгрома фашистской Германии стала очевидной, шведское правительство сочло целесообразным закрыть транзитные перевозки немецких войск через территорию своего государства.

Риме или в Базеле, что, впрочем, отрицалось. Гельмар Шахт, например, провел большую часть войны в Женеве и Базеле, где заключал закулисные сделки, выгодные фашистской Германии. И тем не менее у Гитлера были основания заподозрить Шахта в том, что он в интересах «братства» плетет интриги против самого фюрера. Гитлер в конце войны заключил его в тюрьму. После Перл-Харбора на протяжении всех военных лет БМР по-прежнему упоминался во всех официальных справочниках как банк — корреспондент Федерального резервного банка в Вашингтоне.

В Лондоне член парламента от лейбористской партии Джордж Страусс продолжал кампанию по разоблачению БМР. В мае 1942 года он сделал запрос по поводу этого банка преемнику сэра Джона Саймона, министру финансов сэру Кингслей Вуду. Ответ был таков:

«В свете существующих международных обязательств наша страна действительно имеет определенные финансовые интересы в БМР. Поэтому разрыв отношений с этим банком нанес бы значительный ущерб».

Тем не менее Джордж Страусс и другие лейбористы требовали объяснить, как могло получиться, что дивиденды этого банка и в военное время продолжали делиться поровну между британским, японским, немецким и американскими банками. А в 1944 году они узнали, что дележ шел не поровну и Германия получала по дивидендам больше других.

7 сентября 1942 года Томас Маккитрик представил первый ежегодный отчет БМР после Перл-Харбора. Чтобы сообщить в Вашингтон, что на заседании не присутствовали представители стран «оси», он прибег к любопытной уловке: произнес речь в пустом зале, сразу после чего директорам банка от стран гитлеровской коалиции был вручен заранее отпечатанный текст доклада, затем смешанное руководство из представителей воюющих друг с другом стран обсудило его. По сути своей представленный доклад не оставлял сомнений, что и на этот раз банк действовал в интересах фашистской Германии. В докладе предусматривалось заключение сепаратного мира с Германией и предоставление ей крупного американского займа на льготных условиях через посредство БМР. Это была та же самая установка, которую пропагандировали все нацистские лидеры, начиная с Шахта. 12 октября Страусс сообщил палате представителей: Гитлер и Геринг в восторге от доклада. Сэр Кингслей заявил, что и не видел его. Страусса это не обескуражило: «Совершенно очевидно, что сотрудничество между нацистами и

союзниками продолжается, а тенденция к умиротворению¹ жива и во время войны».

Летом 1942 года Пьер Пюшё, член вишистского правительства и директор частного банка «Вормс» в оккупированном нацистами Париже, встретился в БМР с Ивом Бреар де Буазанже. Пюшё доверительно сообщил де Буазанже, что «готовится вторжение генерала Эйзенхауэра в Северную Африку».

Буазанже немедленно передал эту информацию Курту фон Шрёдеру. Шрёдер и другие немецкие банкиры вместе со своими французскими партнерами тут же перевели 9 млрд. золотых франков через БМР в Алжир. Предвидя поражение Германии, они постарались сбить валютный курс в пользу доллара. Чуть ли не за одну ночь коллаборационисты увеличили свои вклады с 350 до 525 млн. долларов. Эта операция была совершена в сговоре с Маккитриком, Германом Шмицем, Эмилем Пулем и японскими директорами БМР. Бывший посол фашистской Германии в оккупированной Франции Отто Абец под присягой американским официальным представителям 21 июня 1946 года утверждал, что в этой афере участвовали и агенты разведки Ватикана, которые сообщили о планах американского командования кому-то из гитлеровского военного руководства.

Весной 1943 года Маккитрик предпринял необычное путешествие. Он не был ни итальянцем, ни дипломатом. Италия находилась в состоянии войны с Соединенными Штатами, однако в его американский паспорт поставили итальянскую дипломатическую визу, позволяющую сле-

¹ Имеется в виду политика «умиротворения» — политика попустительства и пособничества фашистской агрессии, проводившаяся правящими кругами Англии, Франции и США накануне второй мировой войны. Главная цель политики «умиротворения» заключалась в том, чтобы облегчить фашистской Германии и милитаристской Японии беспрепятственно захватить удобные стратегические плацдармы для нападения на СССР с Запада и Востока. Руками немецких и японских милитаристов западных державы планировали уничтожить или хотя бы значительно ослабить СССР и воспрепятствовать неуклонному росту его могущества, авторитета и влияния на международной арене. Ради этого во второй половине 30-х годов на растерзание агрессорам были отданы Австрия, Чехословакия и Польша в Европе и Китай в Азии. Ослепленные ненавистью к социализму, проводники политики «умиротворения» игнорировали все инициативы СССР, направленные на создание международной системы безопасности. Такая политика обернулась против самих же западных держав. Фашистская Германия начала войну за установление своего господства с разгрома своих империалистических соперников, а не с нападения на СССР. Внутри капиталистической системы не нашлось силы, способной противостоять ее агрессии. Порабощение к середине 1941 г. 12 стран и смертельная угроза над Англией — таковы были последствия политики «умиротворения» в Европе.

довать автомобилем или поездом в Рим. На границе его встретили уполномоченные Гиммлера¹, чтобы обеспечить беспрепятственный проезд по стране. Из Италии Маккитрик направился в Лиссабон, затем—в США на борту шведского корабля, который был застрахован от нападения немецких подводных лодок. Уже в апреле он встретился в Нью-Йорке со своим старым другом Леоном Фрезером, а также с руководством Федерального резервного банка. Уладив все дела, Маккитрик с тем же американским паспортом выехал в Берлин, чтобы лично переговорить с Эмилем Пулем из «Рейхсбанка» о политике администрации США в отношении БМР.

26 марта 1943 года либерально настроенный конгрессмен Джерри Вурхиз представил в палату представителей конгресса США проект резолюции, в котором он призывал провести расследование деятельности БМР. Почему, например, американский гражданин сохраняет пост президента банка, используемого странами «оси» для реализации своих замыслов? 1 апреля 1943 года сотрудник министерства финансов Рандольф Паул передал этот проект Генри Моргентау, сделав следующую приписку: «Надеюсь, Вас заинтересует этот документ». Документ действительно заинтересовал Моргентау, но отнесся он к его судьбе крайне безразлично, и вопрос, волновавший Джерри Вурхиза, так и не был рассмотрен конгрессом.

Конгрессмен от штата Вашингтон Джон Коффи в январе 1944 года внес в конгресс проект аналогичной резолюции. Он с негодованием заявил на заседании: «Нацистское правительство имеет на счету БМР 85 млн. швейцарских золотых франков. Большинство членов правления—нацисты! Как же могут американские деньги оставаться в этом банке?» Более того, Коффи обратил внимание на тот факт, что американские и английские акционеры продолжают получать дивиденды из рук немцев и японцев, а те в свою очередь наживаются за счет капиталов, выгодно размещенных в Америке. И все же проект резолюции положили под сукно.

Там бы он и остался лежать, если бы за дело не

¹ *Генрих Гиммлер* (1900—1945)—один из руководителей фашистской Германии и главных нацистских военных преступников. С 1929 г.—руководитель СС—охранных отрядов нацистской партии. После установления фашистской диктатуры в 1933 г. возглавил политическую полицию в Мюнхене, затем в Баварии, а в 1936 г. всю полицию Германии. Один из главных организаторов фашистского террора, системы концлагерей массового уничтожения мирного населения оккупированных немецко-фашистской армией территорий. После разгрома фашистской Германии пытался скрыться, но был арестован. Покончил жизнь самоубийством.

взялся энергичный норвежский экономист Вильгельм Кейлау. Он пришел в ярость, узнав, что Вашингтон до сих пор сохраняет отношения с БМР и поддерживает возмутительный финансовый союз с врагами своей страны.

10 июля 1944 года Кейлау внес проект резолюции на Международной валютно-финансовой конференции в Бреттон-Вудсе¹ (штат Нью-Гэмпшир). Он призвал распустить БМР в самый кратчайший срок. Но не тут-то было! Кейлау готовился выступить с проектом второй резолюции, в которой предлагалось провести дополнительное расследование с привлечением отчетов и документов БМР за военный период. Против него начали настоящую травлю, чтобы воспрепятствовать внесению этого проекта. Не удивительно, что Кейлау не выдержал и отступил. Но если бы подобное расследование было проведено, факты американских связей с нацистами, безусловно, всплыли бы на поверхность.

Банкиры Уинтроп Олдрич и Эдвард Э. (Нед) Браун, члены американской делегации, представлявшие «Чейз нэшнл бэнк» и «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк», предприняли шаги, чтобы отклонить уже внесенный проект. Их поддержала голландская делегация и Дж. Бейен, бывший президент БМР и посредник в передаче банку награбленного гитлеровцами чешского золота (напомним, что вывезенное фашистами золото самой Голландии также осело в БМР). Леон Фрезер, представлявший «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк», тоже встал на их сторону. К сожалению, ту же позицию заняла и британская делегация, при полной поддержке Антони Идена и Форин оффис. Видный экономист лорд Кейнс, первоначально поддержавший резолюцию, затем перешел на официальную позицию английской делегации, призывавшей к отсрочке роспуска БМР до окончания войны, т. е. до того момента, когда завершится создание Международного валютного фонда.

¹ На этой международной конференции было подписано соглашение о создании Международного банка реконструкции и развития, а также соглашение о создании Международного валютного фонда, которое вступило в силу в декабре 1945 г. Страны — участницы Международного валютного фонда приняли на себя обязательство признать особую роль американского доллара, приравнять его к золоту в международных валютных отношениях. Тем самым была сделана уступка финансовой и промышленной олигархии США, которая мечтала осуществить «долларовый империализм», т. е. сделать доллар мировой валютой, использовать его как один из рычагов для установления мирового господства.

СССР принял участие в конференции в Бреттон-Вудсе, но не ратифицировал соглашение о Международном валютном фонде, так как с первых дней своей деятельности его руководство проявило себя в качестве проводника империалистической политики США. На том же основании вышли из фонда в 50-е годы Польша и Чехословакия.

Заместитель госсекретаря США Дин Ачесон представлял в американской делегации госдепартамент. Как бывший юрист компании «Стандард ойл», он, несомненно, принадлежал к лагерю Уинтропа Олдрича и, будучи сторонником компромиссных решений, придерживался тактики проволочек. Протоколы встреч Morgентау с Эдвардом Брауном, Ачесоном и другими членами делегации, проходивших 18—19 июля 1944 года в отеле «Маунт Вашингтон» в Бреттон-Вудсе, подтверждают, что Ачесон боролся за идею сохранения БМР до конца войны. Он использовал сомнительный довод, что, если Маккитрик уйдет со своего поста и американское правительство объявит БМР вне закона, все вклады в золоте, принадлежавшие американским акционерам, попадут через президента-нациста прямо в Берлин. Ачесон, конечно, знал, что золото уже было депонировано в пользу стран «оси» через партнера БМР — Швейцарский национальный банк, который имел общего с БМР председателя. Ачесон также пытался доказать, что банк-космополит послужит удобным финансовым рычагом влияния США на процесс восстановления промышленности послевоенной Германии. Надо признать, что в этом отношении он оказался абсолютно прав.

Сенатор Чарльз Тоби от Нью-Гэмпшира занимал, судя по протоколам совещаний в «Маунт Вашингтон», весьма патриотичную позицию. На заседании 18 июля он гневно бросил всем собравшимся: «Ваше молчание и бездействие содействуют врагу». Morgентау согласился. Он считал, что роспуск БМР явится важным пропагандистским шагом и пойдет на пользу США. Ачесон, выведенный из себя, заявил, что БМР должен быть сохранен «в качестве орудия внешней политики».

Morgентау не сомневался, что Леон Фрезер и Маккитрик имеют ярко выраженные прогерманские симпатии. Он прекрасно понимал негативные последствия упорно проводимой ими политики. «Я думаю,— говорил Morgентау,— что дальнейшее существование БМР немцы будут рассматривать как дело весьма перспективное. Это уверит таких деятелей, как Шахт и Функ, в прочности связей между США и Германией в послевоенный период. Не говоря уже о том, что существование банка укрепляет позиции Фрезера, Олдрича и им подобных...»

Дин Ачесон вместе с Эдвардом Брауном активно выступал за сохранение БМР. Он заявил, что «было бы целесообразно вопрос о судьбе банка обсудить с госсекретарем Корделлом Хэллом». Ачесон не сомневался, что Хэлл выступит за сохранение банка, поскольку всегда относился к деятельности этого финансового учреждения

с одобрением. Однако точка зрения госсекретаря под воздействием шумихи, поднявшейся в американской прессе вокруг БМР, претерпела изменения. Предвидеть подобный ход событий Ачесон, естественно, не мог. В результате, когда Моргентуа позвонил Хэллу, на протяжении четырех лет молчаливо попустительствующему деятельности банка, тот неожиданно для всех высказался за ликвидацию БМР. Удивленный Моргентуа спросил его: «А как же быть с Маккитриком?» — «Пусть узнает о судьбе банка из газет!» То же самое он повторил и Ачесону.

Ачесон решил не сдаваться. Используя связи и благосклонность Уайтхолла, 20 июля он посетил английскую делегацию, руководитель которой лорд Кейнс прекрасно понимал, что, если сторонники Моргентуа окажутся сильнее Ачесона, сохранить БМР не удастся. После разговора с Ачесоном лорд и леди Кейнс срочно покинули номер в отеле «Маунт Вашингтон», где шло совещание руководства британской делегации, и, увидев, что лифт отеля переполнен, устремились вверх по лестнице к апартаментам Моргентуа, забыв о преклонном возрасте и больном сердце. Элинор Моргентуа была изумлена, увидев разгневанное, в капельках пота лицо этого обычно невозмутимого мэтра британской экономической науки.

Кейнс изложил, насколько мог спокойно, цель своего неожиданного визита: он пришел к Моргентуа, движимый глубокой убежденностью в необходимости сохранения БМР до тех пор, пока не будет создан новый Международный банк или Международный валютный фонд. Леди Кейнс также настойчиво уговаривала Моргентуа не препятствовать дальнейшей деятельности банка. Убедившись, что американский министр непоколебим, Кейнс в ходе спора изменил свою позицию на прямо противоположную и стал утверждать, будто Великобритания всегда была среди тех, кто выступал за ликвидацию банка. Моргентуа еще раз повторил, что банк должен быть как можно скорее ликвидирован.

Вернувшись в номер, поздно ночью, Кейнс собрал всех членов делегации Форин оффис. Они выработали новый проект соглашения о статусе БМР, содержащий значительные уступки по сравнению с первоначальным. К двум часам утра Кейнс написал от руки и передал для Моргентуа письмо, в котором вновь призывал не препятствовать деятельности БМР.

На следующий день, несмотря на возражения Дина Ачесона и Эдварда Брауна, делегация США под руководством Моргентуа проголосовала за ликвидацию БМР.

После принятия проекта резолюции о ликвидации

банка Маккитрик сделал все возможное, чтобы саботировать это решение. Он направил письма Morgентау, а также новому британскому министру финансов сэру Джону Андерсону. В них он доказывал, что после окончания войны союзникам придется выплачивать огромные суммы немецким промышленникам и что БМР станет необходимым посредником при совершении этих денежных операций. О компенсациях, которые Германия должна была выплатить разоренным ею странам, в письмах не было ни слова. 22 марта 1945 года Гарри Декстер Уайт направил Morgентау послание, в котором изложил свои соображения относительно действий Маккитрика. Он обратил внимание министра на то, что «письма Маккитрика являются очевидной попыткой усилить аргументацию в пользу сохранения БМР и после войны. В этом смысле они являются вызовом Бреттон-вудскому соглашению. Следовало бы привлечь внимание других стран, подписавших этот документ, к действиям БМР, а также напомнить о Бреттон-вудской резолюции № 5 и дать понять, что никакой официальной реакции на частное письмо Маккитрику ждать не следует».

В тот же день представитель министерства финансов Орвис А. Шмидт встретился с Маккитриком в Базеле. В своем отчете о беседе он не поспешил на резкие выражения. «Я был поражен,—писал он,—как могла аргументация, выдвигавшаяся Маккитриком в защиту БМР, обернуться суровым обвинением против этого учреждения».

Шмидт спросил Маккитрика, почему немцев устраивало то, как действовал БМР, и почему они по-прежнему производили платежи банку. Ответ Маккитрика он привел в своем отчете: «Для того чтобы это стало понятно, необходимо, во-первых, оценить всю меру доверия, которое ведущие банкиры испытывают друг к другу, и силу их решимости вести честную игру. Во-вторых, в сложной экономической структуре Германии отдельные лица, располагающие поддержкой своих крупных банкиров, занимают ключевые позиции в правительстве и могут оказывать серьезное влияние на его решения. Более того, существует небольшая группа финансистов, давно считающая Германию обреченной в этой войне и рассчитывающая после поражения Гитлера выйти на сцену, чтобы в решающий момент определить дальнейшую судьбу страны. Эти финансисты будут поддерживать контакты и доверительные отношения с другими влиятельными представителями банковских кругов с тем, чтобы с более твердых позиций вести переговоры о займах в послевоенный период для восстановления Германии».

От вопроса назвать имена этой «небольшой группы финансистов» Маккитрик уклонился. Он приложил немало усилий, чтобы обойти имя Курта фон Шрёдера, но, вынужденный назвать хоть кого-то, остановился на Эмиле Пуле. В этой связи он утверждал, будто бы Пуль «не разделяет нацистскую точку зрения». Но ему не удалось ввести в заблуждение Орвиса Шмидта. Он прекрасно знал: именно Пуль санкционировал похищение союзнического золота и его переправку в Швейцарию и не кто иной, как Пуль, за день до этого обсуждал в Базеле с Маккитриком механику предстоящей «операции».

Шмидт решил загнать Маккитрика в угол. Как бы невзначай он поинтересовался о судьбе бельгийского золота, депонированного в Банке Франции, и Маккитрик, ничего не заподозрив, поведал о некоторых деталях дела: «Я знаю, где золото. Но это строго между нами: оно хранится в «Рейхсбанке». Поняв, что проговорился и даже разоблачил себя как соучастника сделки, Маккитрик поспешил спасти положение: «Золото, я уверен, будет в Берлине, когда американцы придут туда. Пуль хранит его и после войны вернет бельгийцам». Прimitивная ложь вряд ли могла произвести впечатление на Шмидта, тем более что золото к тому времени уже находилось в Швейцарии.

Но на этом беседа не окончилась. Шмидта ждали новые откровения. Маккитрик признал, что немцы в свое время переправили золото в БМР, и заверил: «После окончания войны вы найдете его тщательно отсортированным и учтенным, а награбленное можно будет легко отделить от остального. Когда встал вопрос об этом золоте, я счел, что лучше принять его на хранение, чем отказаться и тем самым разрешить немцам пользоваться им по своему усмотрению... Жаль, что я не могу показать вам приходные книги и архивы БМР,—сокрушался Маккитрик,—но я уверен: когда вы увидите их после войны, то по достоинству оцените роль, которую я и БМР сыграли в военное время». Забегая вперед, отметим: упомянутые банковские книги так и не были представлены на суд общественности.

Затем Орвис Шмидт встретился также и с руководством Швейцарского национального банка, партнера БМР. Во время беседы Шмидт вновь поднял вопрос о золоте, награбленном немецкими оккупантами в Бельгии, Чехословакии, Голландии и других странах, а также о ценностях, изъятых у евреев, на общую сумму 378 млн. долларов. Он знал, что к этому времени БМР уже прекратил операции непосредственно с золотом, поступающим из

Германии. Оно теперь переправлялось прямо из немецкого «Рейхсбанка» на специальный счет БМР в Швейцарском национальном банке. Там Шмидту рассказали занимательную историю. Однажды, желая рассеять собственные подозрения, кто-то из директоров этого банка обратился к «заслуживающему доверие» члену «Рейхсбанка» с просьбой подтвердить: ни один из контейнеров с золотом, поступающим из Германии, не является награбленным. Шмидт заинтересовался, что это за «заслуживающее доверие» лицо. Он не удивился, когда услышал имя Эмиля Пуля, покинувшего Швейцарию буквально накануне приезда Шмидта. На заседаниях Нюрнбергского трибунала в мае 1946 года Вальтер Функ, числившийся, кстати, по-прежнему одним из директоров БМР, показывал, что у Пуля были солидные связи в США и что накануне событий в Перл-Харборе ему предлагали весьма высокий пост в «Чейз нэшнл бэнк» в Нью-Йорке. Функ подтвердил: Пуль лично контролировал поступление золота в «Рейхсбанк», в том числе чешского и бельгийского. Он посетовал, что было очень сложно оплачивать иностранные счета золотом.

«Только в Швейцарии мы могли еще обменивать золото на необходимую Германии валюту»,— заключил он. На процессе Функ поведал также о том, как в 1942 году Пуль сообщил ему о золотых монетах и других ценностях, доставленных из концлагерей и депонированных гестапо в «Рейхсбанке». Этим золотом было поручено заниматься Пулю. Монокли, золотые оправы для очков, часы, портсигары и золотые коронки, полученные Пулем по распоряжению Генриха Гиммлера, стекались в «Рейхсбанк», а затем переплавлялись в слитки по 20 килограммов каждый и отправлялись в Швейцарию. Количество золота, переправленного таким путем, Функ назвать не смог. Тогда Функу был зачитан аффидевит¹, подписанный Пулем, в котором, кроме вышеприведенных фактов, подтверждалось наличие договоренности между Гиммлером и Функом относительно всех деталей, касающихся награбленного Германией золота.

Функ безуспешно пытался уйти от ответственности за проведение операций с золотом. Он стремился опровергнуть Пуля в том, что золото влилось в оборотный капитал. Даже просмотрев фильм, в кадрах которого были запечатлены ни много ни мало 77 отправленных партий золотых зубов, обручальных колец и других награбленных ценностей, он продолжал упорно отрицать предъявляемые ему обвинения.

¹ Письменное показание под присягой.

На каком-то этапе он вдруг заявил, что все золото попало в «Рейхсбанк» вообще по ошибке. Его ложь прозвучала столь абсурдно, что вызвала смех сидящих в зале. Когда обвинитель Томас Додд сказал ему: «На этом золоте кровь! И вы знали об этом еще в 1942 году, не правда ли?», Функ вяло ответил: «Я не совсем понимаю, о чем идет речь».

15 мая 1946 года Пуль занял место на скамье свидетелей. Согласно показаниям Пуля, он протестовал, когда происходили подобного рода «поставки», поскольку считал их «затруднительными» и «неудобными». Любопытные эпитеты! Он добавил, что его «протесты» были «обусловлены соображениями об оказании содействия СС» и особенно тем—это важно подчеркнуть,—что «переправляемое имущество принадлежало рейху».

Тогда помощник прокурора процитировал отдельные строки из материалов следствия: «Одно из первых указаний на источник (золота) было обнаружено на пачке счетов, где стоял оттиск резинового штампа «Люблин». Это случилось в начале 1943 года. В другой раз на документах стоял штамп «Освенцим». Все мы знали, что это местонахождение концентрационных лагерей. В десятой партии в ноябре 1942 года появились золотые коронки. Количество их непрерывно росло».

В октябре 1945 года сенатский комитет по военным делам представил новые материалы о деятельности Пуля. Были зачитаны его письма Функу от марта 1945 года из Швейцарии. В них раскрывались факты отчаянных и небезуспешных попыток нейтрализовать результаты работы, проведенной в том же месяце комиссией во главе с Лочлином Карри и Орвисом Шмидтом. Пуль оказывал постоянный нажим на Маккитрика и Швейцарский национальный банк, с тем чтобы обеспечить переправку в Швейцарию награбленного нацистами золота. Из писем явствовало, что Маккитрик после беспощадного разоблачения норвежской делегацией на конференции в Бреттон-Вудсе в панике стал искать обходные каналы для получения золота. Согласно выработанному плану, награбленное немцами золото стало поступать непосредственно в хранилища являвшегося держателем акций БМР Швейцарского национального банка, который превращал это золото в нужную для Германии валюту. Поскольку Швейцарский национальный банк был связан с американцами обязательством не укрывать это золото, операции по его обмену на валюту для маскировки оформлялись в виде платежей американскому Красному Кресту и германским дипломатическим миссиям в Швейцарии. По иронии судьбы генерал Роберт К. Дэвис, глава

нью-йоркского отделения Красного Креста, оказался одновременно и председателем радиовещательной сети «Трансрадио», совладельцами которой были и нацисты. Вплоть до 1943 года германская миссия в Берне покупала продукцию американской компании «Стандард ойл» для отопительных систем и автомобилей, которые ей поставляли и ремонтировали американские дочерние компании. Итак, тонны золота, «выстиранные» до неузнаваемости и замаскированные любыми путями, продолжали поступать в Швейцарский национальный банк до конца войны.

Уступая сильному давлению со стороны министерства финансов США, БМР в 1948 году согласился наконец передать союзникам ничтожную толику награбленного золота — всего 4 млн. долларов.

Несмотря на массу улик, свидетельствующих о закулисном сговоре Пуля — Маккитрика, последний ничуть не пострадал. Более того, клан Рокфеллеров и Уинтроп Олдрич предоставили ему ответственный пост вице-президента «Чейз нэшнл бэнк». Этот пост он занимал в течение нескольких лет после войны. После всех перипетий «коллеги» встретились вновь в 1950 году, когда Маккитрик пригласил Пуля в США в качестве своего почетного гостя. Что касается БМР, то вопреки решению Бреттон-вудской конференции он не был ликвидирован и процветает по сей день.

Рокфеллеровский «Чейз нэшнл бэнк», позже переименованный в «Чейз Манхэттен бэнк», к моменту событий в Перл-Харборе был самым могущественным финансовым учреждением в Соединенных Штатах. Через этот банк осуществляла расчеты с Германией компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси», также принадлежавшая Рокфеллерам. Помимо «Чейз нэшнл», Рокфеллеры использовали независимый «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» (НСБ), клиентами которого, кроме «Стандард ойл», были такие компании, как «Стерлинг продактс», «Дженерал анилайн энд филм», СКФ и ИТТ. Кстати, глава последней Систенес Бен входил и в совет директоров НСБ. Делами филиала «Стандард ойл» в Германии заправляли Карл Линдемманн и Эмиль Хельфферих, входившие в «Кружок друзей рейхсфюрера СС Гиммлера», члены которого — промышленники и банкиры — оказывали финансовую поддержку гестапо. Линдемманн и Эмиль Хельфферих были также близкими друзьями и коллегами упоминавшегося барона Курта фон Шрёдера из БМР.

Наибольшим доверием у главы «Чейз нэшнл бэнк» Уинтропа Олдрича, свояка Джона Рокфеллера, пользовался вице-президент банка Джозеф Ларкин, который отвечал за ведение дел в Европе и играл видную роль в «братстве».

Благодаря стараниям Дж. Ларкина, отделения банка «Чейз нэшнл» продолжали функционировать в течение всей войны не только в нейтральных странах Европы и Южной Америки, но и в занятом нацистами Париже. После Перл-Харбора именно через парижский филиал банка с полного одобрения его нью-йоркских владельцев и под «руководством» Ганса-Иоахима Цезаря, правой руки Эмиля Пуля в «Рейхсбанке», осуществлялось финансирование деятельности германского посольства и других нацистских ведомств в оккупированной Франции.

Главу «Чейз нэшнл» Уинтропа Олдрича, как и большинство членов «братства», отличала своего рода политическая шизофрения, делавшая его способным сочетать в себе несовместимое, когда этого требовали интересы

большого бизнеса. С одной стороны, он содействовал военным усилиям Великобритании, собирая в ее пользу миллионные пожертвования, за что в 1942 году был принят премьер-министром и самим монархом. Но, с другой стороны, тот же Олдрич с непостижимым двуличием закрывал глаза на сотрудничество «Чейз нэшнл» с нацистами в оккупированном Париже.

Джозеф Ларкин весьма походил на Олдрича. Те же безупречные манеры, необычайная элегантность, внешняя холодность и, главное, та же преданность «братству». Воспитанный в религиозной семье, ревностный католик Ларкин получил из рук папы Пия XI в 1928 году Большой крест рыцарей Мальтийского ордена. Он был ярким сторонником генерала Франко, а значит, и Гитлера. Моргентау впервые заподозрил Ларкина в профашистских симпатиях в октябре 1936 года, когда Фернандо де лос Риос, посол республиканской Испании в США, желавший поражения Франко, обратился в «Чейз нэшнл» с просьбой открыть счет на 4 млн. долларов. Деньги были необходимы для формирования Интернациональной бригады имени Линкольна, призванной оказать поддержку законному испанскому правительству. Ларкин категорически отказался выполнить эту просьбу.

Затем Ларкин оказал еще одну услугу фашизму. Когда испанское правительство открыло счет на 4 млн. долларов в парижском отделении «Чейз нэшнл», он чуть ли не с кулаками набросился на служащего, который этот счет оформил. Затем Ларкин связался непосредственно с представителем испанского правительства в Париже и заставил его изъять вклад. Одновременно, с одобрения Шахта, Ларкин открыл счета для Франко и «Рейхсбанка», хотя было известно, что последний уже находился под личным контролем Гитлера. В предисловии к книге Гюнтера Реймана «Льготы для Гитлера» юрист Крикмор Фат в 1942 году писал:

«С середины 30-х годов стало непреложным правило, по которому любая немецкая промышленная группа, если она собиралась заключить сделку вне пределов Германии, должна была представить в «Рейхсбанк» полный текст проекта контракта. «Рейхсбанк» был вправе отклонить его или изменить по своему усмотрению. Следует отметить, что «Рейхсбанк» не санкционировал ни одной сделки, которая шла вразрез с планами нацистского государства и не продвигала его хоть на шаг вперед на пути к мировому господству. Иными словами, любая американская компания, заключавшая соглашение или просто торговавшая с немецкой фирмой, практически имела дело непосредственно с самим Гитлером».

По мере приближения войны связи между семейством Рокфеллеров и нацистским правительством становились все более тесными. В 1936 году отделение частного банка Генри Шрёдера в Нью-Йорке объединилось с домом Рокфеллеров, образовав инвестиционный банк «Шрёдер, Рокфеллер энд компани», ставший частью гигантского предприятия, которое журнал «Тайм» назвал «экономическим пропагандистом оси Берлин — Рим»¹. Партнерами этого банка стали Авери Рокфеллер, племянник Джона Д. Рокфеллера, барон Бруно фон Шрёдер и его кузен Курт фон Шрёдер, глава «И. Г. Штейн банка» и один из директоров БМР. Авери Рокфеллеру принадлежало 42 процента, а баронам Бруно и Курту — 47 процентов акций банка. Интересы вновь созданного банка защищали такие хорошо известные адвокаты, как братья Джон Фостер Даллес и Аллен Даллес из юридической фирмы «Салливан энд Кромвель». Аллен Даллес, будущий глава управления стратегических служб (УСС), на базе которого позже было создано ЦРУ, входил в совет директоров банка Шрёдера. Но этим тесные связи промышленной элиты США и фашистской Германии не исчерпывались: парижское отделение банка «Чейз нэшнл» было непосредственно связано с банком Шрёдера, а филиал компании «Стандард ойл оф Нью-Джерси» во Франции — с пронацистским банком «Вормс». Руководители «Стандард ойл» в Париже входили одновременно в совет директоров Парижско-нидерландского банка, который невидимыми для посторонних глаз нитями был связан и с нацистами, и с «Чейз нэшнл бэнк».

За полгода до начала войны в Европе Джозеф Ларкин при активном содействии банка Шрёдера отважился на свою самую дерзкую финансовую операцию в пользу Германии. Согласно выработанному им плану, Олдрич и Шрёдеры вложили не менее 25 млн. долларов в стремительно развивавшуюся военную экономику Германии. Кроме того, они собрали и предоставили нацистскому правительству через берлинский филиал «Чейз нэшнл бэнк» подробные сведения о состоянии банковских сче-

¹ Ось Берлин — Рим — агрессивный военно-политический союз фашистской Германии и Италии, начало которому положил Берлинский протокол от 23 октября 1936 г. Согласно протоколу, Германия признала захват Италией Эфиопии, а Италия обязалась оказать поддержку Германии в приобретении колоний. Обе стороны подтвердили свое намерение активизировать борьбу против коммунистического движения в Европе, расширить военную помощь фашистским мятежникам во главе с генералом Франко в Испании, осуществлять во внешней политике, экономике и торговле «согласованную линию», которая была направлена на подрыв международной безопасности, подготовку и развязывание второй мировой войны.

тов 10 тыс. граждан США немецкого происхождения, симпатизировавших фашистам. Неоценимую помощь в этом деле они получили от Вальтера Функа и Эмиля Пуля.

По существу, германское правительство благодаря банку «Чейз нэшнл» смогло предоставить нацистам, находившимся в США, возможность приобретать немецкие марки по сниженной цене. Эти льготы получали лишь те, кто намеревался вернуться в Германию и вложить марки в экономику третьего рейха. Прежде чем санкционировать кому-либо обмен долларов на марки, германское посольство в Вашингтоне должно было убедиться в том, что претендент действительно поддерживает политику гитлеровской Германии. Рекламные проспекты, которые распространял «Чейз нэшнл бэнк», не скупилась на посулы сочувствующим нацистам американцам: в Германии их ждет безоблачное будущее, а марка — наивернейшее средство против инфляции, причем ее курс, разумеется, подскочит еще выше после победы Германии в предстоящей войне.

Результатом этой кампании, как и следовало ожидать, стал бум марки. 5 февраля 1939 года представители руководства обоих банков, «Чейз нэшнл» и банка Шрёдера, собрались на совещание в Нью-Йорке для обсуждения так называемого «плана о реэмигрантах». Альфред Барт представлял Уинтропа Олдрича и Джозефа Ларкина, а И. Мейли — Генри Шрёдера. Собравшихся волновал замысел «Рейхсбанка» направить своего специального представителя в консульство Германии в Нью-Йорке, которое одновременно являлось штаб-квартирой гестапо и имело собственный счет в «Чейз нэшнл бэнк». Участники совещания с американской стороны решили не рисковать, поскольку появление в США постоянного представителя «Рейхсбанка» могло разоблачить их в глазах американской общественности как пособников нацистов. Судя по протоколам, на совещании было решено оставить все как есть и впредь действовать самим от имени Берлина, «используя для этого разветвленную по всей стране сеть агентов. Агентам следует проводить разъяснительную работу среди немецкого населения, иммигрировавшего в США, с целью вызвать у него симпатии к нацизму. Для этого предполагается развернуть широкую пропагандистскую кампанию в прессе, на радио, использовать возможности художественной литературы и т. п. ...Мы также единодушно пришли к заключению, — писали далее участники совещания, — что наше общее дело весьма выиграет, если Берлин даст указание всем консульским представительствам Герма-

нии на территории США обращаться за всеми справками по деловым вопросам непосредственно к нам. Поэтому наши имена должны фигурировать во всех списках, рассылаемых немецким консульством в США. Кроме того, необходимо эти списки передавать лицам, которые обратятся в консульство за справками финансового характера».

Самое пристальное внимание банкиры решили сосредоточить на мелких собственниках, заводских рабочих, лавочниках — одним словом, на людях с весьма скромными доходами, но представлявших интерес как неисчерпаемый людской потенциал. Конечно, это должны быть крепкие молодые мужчины и женщины арийского происхождения. Не менее обстоятельно обсуждался вопрос о строгой конфиденциальности всего, о чем шла речь на совещании. В протоколе говорится:

«Утечка информации о достигнутых договоренностях, уже повлекшая за собой отрицательную реакцию на местах, может привести к тому, что госдепартамент примет весьма нежелательные меры, как-то: обложение пошлинами немецких денег, поступающих из Германии американским гражданам в виде наследства, и пр. При этом Германия может не только лишиться возможности получать прибыли, но и окажется в невыгодной для себя ситуации».

Другими словами, директора «Чейз нэшнл» и бароны Шрёдеры скрывали правду от американской общественности, боясь, что под ее воздействием американское правительство предпримет решительные шаги и воспрепятствует сотрудничеству с нацистами.

В мае 1940 года известный нью-йоркский торговец алмазами и бриллиантами Леонард Смит начал контрабандную переправку драгоценных камней в нацистскую Германию через Панаму. Фирма Смита юридически принадлежала оккупированной немцами Голландии и, значит, в соответствии с распоряжением президента Рузвельта должна была войти в «черный список» компаний, которым запрещалось переводить деньги, особенно если они каким-либо образом могли быть использованы в интересах стран «оси». На этом основании первоначально банковские счета Смита были заморожены. Однако через несколько дней руководство банка «Чейз нэшнл» вновь разблокировало эти счета под тем предлогом, что основной капитал фирмы фактически принадлежал «Интернэшнл трейдинг компани», находившейся на английском острове в проливе Ла-Манш. Таким образом, шлюз для перекачки денежных средств и драгоценностей через Панаму в Берлин был открыт.

17 июня 1940 года, накануне полного разгрома Фран-

ции, Рузвельт по настоянию Моргантау в очередной раз предпринял попытку использовать возможности финансового контроля для того, чтобы не допустить утечки крупных денежных сумм в руки нацистов. С этой целью он приказал заморозить все французские авуары в американских банках. Но не прошло и нескольких часов, как кто-то из руководства «Чейз нэшнл бэнк» распорядился перечислить более 1 млн. американских долларов со счетов латиноамериканского отделения Франко-итальянского банка в нью-йоркском банке на специальные счета в банках Аргентины и Уругвая. Дело в том, что южноамериканские отделения этих банков не без ведома Ларкина активно посредничали в осуществлении сделок между американскими компаниями и странами «оси».

23 июня 1941 года директор ФБР Эдгар Гувер писал министру финансов Моргантау: «В ходе проверки иностранных вкладов в банке «Чейз нэшнл» обнаружены крупные перечисления американским нефтяным компаниям в счет поставок горючего за границу. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» получила деньги из Германии за поставки нефти по распоряжению немецкого «Рейхсбанка».

В течение 1941 года пронацистский «Бюллетень американо-германской Коммерческой ассоциации» помещал на своих страницах материалы, не вызывающие сомнений относительно тесного сотрудничества «Чейз нэшнл» с Эмилем Пулем — директором «Рейхсбанка». Счет этого главного фашистского банка, находившегося под личным контролем Гитлера, в американском «Чейз нэшнл» никогда не был заморожен. Любые сделки между У. Олдричем и В. Функом санкционировались фюрером. Более того, «Чейз нэшнл» не лишил фашистов права иметь счета во всех своих отделениях в нейтральных европейских странах. В целях конспирации отчеты о состоянии этих счетов пересылались в Нью-Йорк со специальным курьером через Мадрид и Лиссабон. Тем не менее некоторые из этих документов попали в руки американского посла в Испании, который неоднократно информировал госдепартамент о возмутительных фактах продолжавшихся сделок с врагом некоторых американских компаний.

После налета на Перл-Харбор большинство американских фирм, движимые патриотическими чувствами, закрыли свои филиалы в Париже, поскольку их страна вступила в войну с Германией. Но Джозеф Ларкин и Ганс-Иоахим Цезарь, правая рука Эмиля Пуля, решили, что банку «Чейз нэшнл» не следует прекращать деятельность в оккупированном нацистами городе.

Отто Абец, посол фашистской Германии в Париже, опытный дипломат и страж интересов нацизма, прежде всего финансовых, обратился к руководителю филиала «Чейз нэшнл» в Париже Карлосу Нидерману с убедительной просьбой не закрывать двери перед немецким бизнесом и во время войны. Видимо, ему не стоило утруждать себя просьбами, поскольку Эмиль Пуль и руководство банка заранее обо всем договорились.

С полного ведома Нью-Йорка возглавляемый Карлосом Нидерманом филиал стал основным источником финансирования деятельности посольства фашистской Германии в оккупированной Франции. Нидерман и его коллега Альберт Бертран, руководивший филиалом «Чейз нэшнл» в Виши¹, делали все, чтобы доказать фашистам свою лояльность.

Предвидя, что нацисты постараются издать указ о замораживании банковских счетов евреев, они поспешили заблокировать эти счета по собственной инициативе. Возмущенный этим шагом, Декстер Уайт обратился в мае 1942 года к руководству банка в Нью-Йорке за разъяснением. Однако Ларкин, оправдывая действия Нидермана, объяснил: меры были приняты, «чтобы не нанести ущерба нашим собственным интересам, поскольку приходится иметь дело не с теорией, а с реальной ситуацией».

В благодарность Ганс-Иоахим Цезарь, используя свое влияние, добился восстановления на службе в филиале «Чейз нэшнл» отдельных лиц, которые ранее были отстранены от работы из-за того, что чем-то не угодили нацистскому руководству. 5 июня 1942 года Альберт Бертран сообщил Ларкину, что сотрудничество Нидермана с нацистами расширяется, а десять дней спустя уведомил его, что у Нидермана возник план централизации в руках парижского филиала деятельности всех отделений банка на территории Франции. В сентябре 1942 года размеры вкладов в банк «Чейз нэшнл» во Франции стали расти, а к маю 1943 года они практически удвоились. Нацисты перевели банку еще 15 млн. франков, которые он мог использовать для оплаты его текущих расходов. Отделение «Чейз нэшнл» в Париже выполняло еще одну важную функцию — посредника для

¹ Виши — город в Центральной Франции, который в годы второй мировой войны с июля 1940 г. по август 1944 г. являлся местом пребывания коллаборационистского французского правительства во главе с генералом А. Ф. Петеном. В ведении администрации этого правительства оставалось около трети французской территории, которая в ноябре 1942 г. была также оккупирована итало-немецкими войсками.

отделений банка в Бразилии и Чили. Оно занималось передачей их инструкций, распоряжений, отчетов, счетов, переводом денег и ценных бумаг в Берлин в то время, когда Бразилия находилась в состоянии войны с Германией и бразильские власти запретили подобные контакты, занеся эти отделения в «черный список».

Что касается Альберта Бертрана, то он передавал ценные бумаги и крупные суммы денег из Виши в Германию и оккупированные ею страны при посредничестве Эмиля Пуля и с одобрения Ларкина.

Кроме перечисленных выше обязанностей, в задачу парижского филиала «Чейз нэшнл» входило сотрудничество с нацистским «Банко алеман трансатлантико», о котором уругвайское посольство во Франции сообщало в письме от 18 августа 1943 года:

«Речь идет не просто о финансовом учреждении. Этот банк выполняет роль казначея нацистской партии во всей Южной Америке. Он принимает взносы от местных нацистских организаций в партийную кассу и контролирует их расходы, через него поступают для местных нацистов под видом различных вполне легальных платежей крупные суммы из Германии. Такая финансовая игра ведется при помощи и под строгим контролем немецких дипломатических миссий в Латинской Америке».

Фактически «Банко алеман трансатлантико» являлся отделением берлинского «Дойче юберзеше банк». В списке его клиентов значились лица и организации, прямо или косвенно служившие третьему рейху. Одним из таких клиентов и был парижский филиал «Чейз нэшнл», получавший при посредничестве «Банко алеман трансатлантико» значительные суммы из разных нацистских источников. Тот же филиал «Чейз нэшнл» с ведома Ларкина открыл счета для немецкого посольства в Париже и для самого германского посла Отто Абеца.

Упомянув о немецком посольстве в оккупированной Франции, нам, вероятно, следовало бы рассказать и о том, чем оно занималось во время войны.

Чтобы склонить французских предпринимателей к сотрудничеству с оккупантами, оно предлагало им солидные субсидии, исчислявшиеся миллионами франков. Только за один день 13 августа 1942 года посольство предоставило в распоряжение германской военной администрации и высших органов гестапо в оккупированной Франции 5 с половиной млн. франков. Эти деньги были затрачены на ведение немецко-фашистской радиопропаганды и организацию кампании террора против французского населения. Редакторам и издателям газет, которые вели фашистскую пропаганду, посол Абез выплачивал

ежемесячно по 250 тыс. франков. Он же финансировал отряды карателей, которые выслеживали подпольщиков французского Сопротивления, а затем уничтожали их. Наконец, по личной просьбе Геринга Абец на средства немецкого посольства приобретал ценнейшие произведения искусства. Гобелены, картины, шедевры прикладного искусства Франции—все это должно было попасть в жадные руки рейхсмаршала.

США не разорвали дипломатических отношений с коллаборационистским правительством Виши, и в Вашингтоне постоянно получали информацию о том, что происходит в оккупированной части Франции. Поэтому правление «Чейз нэшнл бэнк», находившееся в Нью-Йорке, не могло притворяться, будто ему ничего не известно о деятельности своего отделения в Париже из-за отсутствия связи с ним.

Постоянный обмен письмами, телеграммами и телефонными звонками между отделениями банка в Париже и Виши позволял Альберту Бертрану собирать нужные сведения, которые он передавал в Нью-Йорк.

Юридически правительство Виши в любой момент и в полном соответствии с французским законодательством могло закрыть парижский филиал банка «Чейз нэшнл». Некоторый риск вызвать недовольство у нацистского инспектора Ганса-Иоахима Цезаря вряд ли послужил бы помехой для осуществления такого шага. Нужно было лишь указание из Нью-Йорка, которое... так никогда и не было получено.

Более того, когда местное отделение американского банка «Нью-Йорк гэранти траст» отказалось сотрудничать с нацистами, Нидерман приложил много сил, правда безуспешно, для того, чтобы заставить его управляющих пересмотреть принятое решение.

В своем отчете из Виши, датированном 1942 годом, без числа и месяца, Альберт Бертран писал Ларкину:

«В настоящее время наши отношения с немецкими властями столь же удовлетворительны, как и у Морганов, которые нашли с ними общий язык¹. Приложив некоторые усилия, мы добились того, что Германия сделала значительные денежные вклады именно в нашем банке, которые в свою очередь помещены нами во французские государственные банки на весьма выгодных условиях. Мы рассчитываем на дополнительную прибыль».

К отчетам, которые парижское отделение банка направляло, как и полагалось, в Нью-Йорк, Г.-И. Цезарь,

¹ Банк Морган также с ведома Нью-Йорка оставался открытым в Париже на протяжении всей войны.— *Прим. авт.*

как правило, делал приписки с выражением «высокого уважения».

Среди недавно рассекреченных документов министерства финансов обнаружено недописанное письмо без даты. В нем американский служащий из «Манхэттен бэнк» остроумно называет «Чейз нэшнл бэнк» — «Цезаря любимое дитя». Сердечные отношения с нацистами не были секретом ни для американского посольства во Франции, ни тем более для Вашингтона. Однако никто не воспрепятствовал их дальнейшему развитию.

То, что правительство США знало о связях банка с врагом, подтверждает и доклад министерства финансов от 20 декабря 1944 года, который хранится в архиве Моргантау. В нем говорится, что открытое сотрудничество Карлоса Нидермана с германским правительством хорошо известно; что Ларкин расценивает хорошие отношения Нидермана с немцами как превосходный способ удержать на прежней высоте позиции банка во Франции; что нацисты, видимо, имели основания прилагать максимум усилий, дабы обеспечить банку дополнительные источники дохода; что немецкие власти стремились к сохранению тесных контактов с руководством американских банков, надеясь на них как на верных проводников политики Германии в Соединенных Штатах после войны, и что «Чейз нэшнл бэнк» ревностно следил, чтобы счет возглавляемого Отто Абецем немецкого посольства в Париже был в полном порядке, ибо «любая мелочь сослужит добрую службу при осуществлении тесного сотрудничества между нашим банком и немецкими властями».

Между тем 24 декабря 1943 года против Уинтропа Олдрича, банка «Чейз нэшнл», Леонарда Смита и его компании были выдвинуты официальные обвинения в нарушении правительственного указа о прекращении сделок с иностранными гражданами. В результате на компанию Смита наложили штраф в 100 тыс. долларов. Сам Смит отправился на пять лет в тюрьму. Рузвельта не смутила причастность Олдрича к этому делу. Как раз в этот период президент часто уединялся с банкиром в своем кабинете и долго обсуждал различные планы Олдрича на благо совместных военных усилий союзников.

Министр юстиции США Фрэнсис Биддл невероятно долго тянул с вынесением обвинительного заключения и привлечением банка «Чейз нэшнл» к суду. Только благодаря усилиям Моргантау дело вообще дошло до суда.

Если министерство юстиции не откажется от тактики проволочек, писал в докладной записке от 24 января 1945 года Гарри Декстер Уайт, «разбирательство по

этому делу вообще потеряет всякий смысл». Он прямо обвинил Биддла, что тот «уступил давлению со стороны руководства банка «Чейз нэшнл». Сразу же после освобождения Парижа Моргентау отправил во Францию комиссию министерства финансов для расследования деятельности «Чейз нэшнл» во время войны. Комиссия вскоре наткнулась на прискорбный факт, имевший место в июне 1940 года. Накануне падения французской столицы парижское отделение банка возглавлял американский гражданин по имени С. П. Бейли, который заявил Ларкину, что должен «немедленно закрыть свой филиал из патриотических соображений». Ларкин тут же лишил его полномочий, передав их лицам, известным своим сотрудничеством с нацистами.

Выяснилось также, что аппарат Ларкина непосредственно инструктировал парижский филиал относительно его дальнейших действий в течение всей первой половины 1942 года. В соответствии с этими инструкциями ни одна из вновь заключенных с немцами сделок не была аннулирована. Более того, руководство банка распорядилось заморозить американские счета в парижском отделении, в то время как счета фашистов оставались открытыми. Карлос Нидерман и его коллеги поддерживали непосредственную связь с «Рейхсбанком» через Эмиля Пуля. В одном из писем к Пулю Нидерман заверял последнего в том, что готов вести во Франции банковские дела его друзей так же усердно, как свои собственные.

Узнав в 1945 году о решении министерства финансов направить в Париж комиссию для расследования деятельности «Чейз нэшнл», Олдрич тут же послал во Францию Джозефа Ларкина, чтобы тот как можно быстрее уволил Нидермана и постарался замести следы. В официальном заявлении правительству США Олдрич утверждал, что «никаких контактов» между руководством банка и его парижским филиалом после вступления Соединенных Штатов в войну не существовало. Миссия Ларкина, цель которой была официально сформулирована как «необходимость тщательно изучить ситуацию на месте и, если потребуют обстоятельства, провести перестановку кадров», на деле была лишь попыткой скрыть истинное положение дел.

В телеграмме от 12 января 1945 года с грифом «секретно» посольство США в Париже информировало Корделла Хэлла и Генри Моргентау об итогах беседы с Ларкином. Ларкин прежде всего сделал все возможное, чтобы спасти репутацию Олдрича. В состоянии крайнего волнения Ларкин говорил послу:

«Олдрич и совет директоров банка крайне обеспокоены сложившейся ситуацией. Это расследование!.. Еще раз хочу подчеркнуть: сотрудники, работавшие в парижском отделении банка во время войны, формально не числятся служащими «Чейз нэшнл»... Руководство банка в Нью-Йорке считает в настоящий момент единственной задачей парижского филиала удовлетворение нужд американской армии. Моя же миссия является полуофициальной. Обещаю вам свое полное содействие, поскольку интересы нашего банка и правительства Соединенных Штатов полностью совпадают, нашей общей целью является поддержание американского престижа во Франции».

Однако в конце беседы Ларкин оставил патриотический тон и проговорился: «Правительство Великобритании, например, проводит очень мудрую политику в отношении английских банков за границей. В частности, в Париже во время оккупации их деятельность была достаточно оживленной и весьма прибыльной».

Вряд ли факт сотрудничества Великобритании с нацистами на официальном уровне обрадовал уже, казалось бы, ко всему привыкшего министра финансов. Тем не менее он не сделал ничего, чтобы наказать Ларкина.

Далее события получили невероятный оборот. С целью рассеять подозрения по поводу сотрудничества «Чейз нэшнл» с противником Олдрич предложил направить в Европу не кого-нибудь, а Альфреда Барта, одного из авторов «плана о реэмигрантах» и активного участника темных сделок Леонарда Смита. Появление этой фигуры вызвало оживленную переписку на протяжении всего 1945 года между госдепартаментом и министерством финансов. В письмах обсуждался вопрос о том, следует ли направить Барта в нейтральные страны Европы для «выявления тайных немецких вкладов». Несмотря на возражения Моргентау и Уайта, Барт все же был командирован в Испанию.

17 апреля 1945 года началось слушание федеральным судом дела по обвинению банка «Чейз нэшнл» в нарушении закона о торговле с противником на том основании, что банк посредничал в незаконных операциях компании Л. Смита с «алмазными счетами». Надо отметить, что ни Олдрич, ни Ларкин на суд не были приглашены даже в качестве свидетелей. В своей вступительной речи государственный прокурор Джон Макгоэй обвинил банк в том, что он помешал заморозить счета компании Смита. Представитель защиты Джон Кагилл извлек объемистый том документов, подобранных так, чтобы опровергнуть

выдвинутые обвинения. При этом он заявил: «Вести дела, не нарушая указания о замораживании счетов, весьма сложно, сложнее, чем вести торговлю, не выходя за рамки ежемесячной продовольственной карточки. Поэтому мои подзащитные виноваты не более, чем, скажем, те, кто нарушает закон о подоходном налоге, разобраться в тонкостях правового регулирования которого ничуть не легче, чем во всех хитросплетениях налогового законодательства».

Иными словами, выходило, что администрация «Чейз нэшнл» прекратила замораживание счетов Смита только в силу юридической некомпетентности.

Возможно, Кагилл пребывал в неведении относительно того, что Смит ранее уже признал себя виновным в нарушении закона о торговле с противником и уплатил штраф в размере 100 тыс. долларов, а сейчас отбывал тюремный срок. Однако трудно предположить, что и руководство банка не знало об этом. Судебный процесс был невероятно осложнен. Выступавший в качестве свидетеля Джеймс Хилл-младший, вице-президент «Чейз нэшнл бэнк», руководивший непосредственно деятельностью отделений банка в Панаме, в своих показаниях заявил, что действие указа о замораживании счетов не распространялось на операции по переводу фондов из-за границы на счет отделения «Чейз нэшнл» в Панаме. Фред Уитти, еще один вице-президент, утверждал, будто среди документов, касавшихся разблокирования счетов, ему не попадалось ничего, что могло бы навести на мысль о противоправности этого шага. Остальные ответственные сотрудники банка утверждали, что вообще никогда не получали от Федерального резервного банка указаний о блокировании счетов.

Пока шло судебное разбирательство, Уинтроп Олдрич, который, как уже говорилось, вообще к суду не привлекался, при каждом удобном случае громко выражал возмущение самим фактом суда, называя его «абсурдным» или «актом сплошного крючкотворства». Наконец, 5 мая 1945 года в 15 часов 55 минут авторитетное жюри, промучавшись 12 часов над обдумыванием свидетельских показаний, заслушанных на протяжении трех недель, вынесло оправдательное заключение. Олдрич не замедлил высказать свое глубокое удовлетворение в интервью газете «Нью-Йорк таймс», а сама история документально подтвержденных сделок «Чейз нэшнл бэнк» с фашистами на протяжении всех военных лет, включая коллаборационистскую деятельность парижского отделения банка, никогда не стала ни достоянием общественности, ни предметом разбирательства в конгрессе. В очередной раз

ряды чиновников Вашингтона тесно сомкнулись, чтобы надежно заслонить членов «братства». В 1946 году Джозеф Ларкин назначил Альберта Бертрана, активно сотрудничавшего с немецкими оккупантами в его бытность главой представительства «Чейз нэшнл бэнк» в Виши, членом совета директоров парижского отделения банка. Таков финал этой истории.

Американский нефтяной концерн «Стандард ойл оф Нью-Джерси» в 1941 году был крупнейшим в мире. Он и финансировавший его банк «Чейз нэшнл» принадлежали Рокфеллерам. Председатель совета директоров концерна Уолтер Тигл и его президент Уильям Фэриш в деле сотрудничества с нацизмом могли сравниться, пожалуй, лишь с Джозефом Ларкином.

В 20-е годы Тигл во всеуслышание восторгался ловкостью Германии, с которой она уклонялась от выполнения тяжелых для нее условий Версальского мира. Этим он снискал признательность и уважение германских финансистов и промышленников, способствовавших созданию и усилению национал-социалистской партии в Германии. Давним другом Тигла был коренастый и угрюмый Герман Шмиц, председатель правления «И. Г. Фарбениндустри». Они часто беседовали за ленчем в знаменитом тогда ресторане «За облаками», расположенном в небоскребе «Крайслер» на высоте птичьего полета — излюбленном месте Тигла в 20-е и 30-е годы. Тигл также водил дружбу с известным своими пронацистскими симпатиями сэром Генри Детердингом из руководства корпорации «Ройял датч-Шелл». Оба были убеждены в необходимости упрочить капитализм в Европе и уничтожить коммунистическую Россию.

Тигл, Шмиц и Детердинг были не только политическими единомышленниками, но и страстными охотниками на тетеревов и куропаток. Маниакальное увлечение Тигла — убивать, пусть даже просто оленей или лесную дичь, — вызывало восхищение у рейхсмаршала Германа Геринга.

У дружбы Тигла с Генри Фордом были давние и глубокие корни. Впервые они встретились в начале девятисотых годов. Тигл, прослышав о новом детройтском автосборочном цехе, решил заключить с Фордом сделку на поставки бензина, пока не опередили конкуренты. Каково же было разочарование Тигла, когда он пришел к Генри Форду и увидел нищенскую полукустарную мастерскую. Тигл хотел тут же уйти, но что-то во взгляде хозяина мастерской, тщедушного и костлявого

человека, остановило его. Сделка состоялась. Много лет спустя судьба свела их вновь, и они подружились. Форд, пронзив собеседника примерно таким же острым взглядом, который заставил Тигла в свое время пойти на риск, сказал: «А ведь мы встречались!» «Точно,— сразу вспомнил Тигл,— и я предложил ваш первый контракт на поставку горючего заключить со мной. Вы в одиночку ковырялись в старом «уинтоне».— «Помню, помню. И дела шли так плохо, что даже эта проклятая развалина мне не принадлежала».

На протяжении 30-х годов Тигл частенько наведывался в Берлин. Здесь он встречался с Германом Шмицем. Кроме того, он защищал интересы концерна «Стандард ойл», который производил танки и бронемашину в нацистской Германии. Уолтер Тигл стал одним из директоров химического гиганта «Америкэн И. Г. кемикл корпорейшн», являвшегося филиалом «И. Г. Фарбен» в США. Он щедро финансировал эту корпорацию, а «Америкэн И. Г.» в свою очередь вкладывала огромные деньги в «Стандард ойл». В руководство контролировавшегося нацистами филиала входили, помимо Тигла, такие магнаты «братства», как Эдзел Форд, сын и наследник Генри Форда, и Уильям Уэйс, председатель совета директоров «Стерлинг продактс».

Вскоре после прихода Гитлера к власти Тигл и Герман Шмиц завербовали некоего Айви Ли, несколько лет работавшего на клан Рокфеллеров. Ли—специалист по рекламе, но это—для отвода глаз. Его настоящая стихия—экономический шпионаж. Ли вменялось в обязанности снабжать «И. Г. Фарбениндустри», а через него и нацистское правительство сведениями о реакции в Соединенных Штатах на программу перевооружения Германии, политику нацистского правительства в отношении церкви и на создание гестапо. Кроме того, он должен был дезинформировать американское общественное мнение, стараясь приукрасить или завуалировать самые мрачные стороны гитлеровского режима. Задача, что и говорить, непростая, но зато и плата за услуги на редкость щедрая: сначала Ли положили 3 тыс. долларов в год, затем— 4 тыс., причем деньги перечислялись через БМР на счет немецкой компании «И. Г. Хеми». По вполне объяснимым причинам контракт с Ли не был доверен бумаге и оставался на протяжении всего времени устным. Оплата шла наличными, не фигурируя нигде в платежных ведомостях. Агент действовал, судя по всему, профессионально, и оклад его вскоре был повышен до 25 тыс. долларов в год—ведь он занялся активной пронацистской пропагандой в США в пользу «И. Г. Фарбениндустри», сопро-

вождавшейся яростными нападками на евреев и Версальский мирный договор.

В феврале 1938 года комиссия по контролю над операциями с ценными бумагами начала расследование деятельности компании «Америкэн И. Г.», в ходе которого выяснилось, что ее тесные связи с «И. Г. Фарбен» были предусмотрительно завуалированы: юридически «Америкэн И. Г.» принадлежала швейцарскому филиалу немецкого концерна. Члены комиссии попытались было разобраться, кто же в свою очередь владел швейцарским филиалом, и обратились за разъяснениями к Тиглу. Но тот притворился, будто не знает, что этот филиал принадлежал «И. Г. Фарбениндустри» и нацистскому правительству. Тогда комиссия попыталась вырвать у него хотя бы признание о том, что «Америкэн И. Г.» действовала «в интересах Европы, а не США». «А вот это, пожалуй, верно», — согласился Тигл. Не знал он, как ни странно, и того, кто голосовал вместо него по его доверенности на заседаниях правления швейцарского филиала, а о том, что солидный пакет акций «Америкэн И. Г.» принадлежит Герману Шмицу и нацистскому правительству, он просто забыл!

Несмотря на заверения о своей полной непричастности к делу, которое так интересовало комиссию по контролю над операциями с ценными бумагами, Тигл счел ситуацию весьма щекотливой и вышел из совета директоров «Америкэн И. Г.», деятельность которой вызывала столько подозрений. Однако он сохранил с ней самые тесные деловые контакты. Тигл по-прежнему поставлял концерну «И. Г. Фарбениндустри» тетраэтил, необходимый для производства авиационного бензина, патентом на производство которого располагали, кроме «Стандард ойл», «Дженерал моторс» и «Дюпон». Поставки тетраэтила Германии осуществлялись через британский филиал концерна Тигла. В 1938 году Шмиц подписал в Лондоне контракт на 500 тонн этила, а в следующем году закупил его через тот же лондонский филиал еще на 15 млн. долларов. В итоге гитлеровские военно-воздушные силы получили возможность бомбить Лондон — город, который предоставил им горючее. Поставляя тетраэтил в Японию, Тигл помогал тем самым и ей вести войну.

Фактов такого откровенного цинизма можно привести немало. Так, британские военно-воздушные силы фактически оплачивали горючее, которым заправлялись бомбардировщики Геринга для налетов на Лондон. Дело в том, что они делали денежные отчисления владельцу патента по производству тетраэтила фирме «Этил» — британскому филиалу «Стандард ойл», которые затем

переправлялись в нацистскую Германию. Эти деньги хранились на счетах «Стандард ойл» в банках «И. Г. Фарбен» вплоть до конца войны.

Перенести, как ему казалось, такое унижение и выступить в качестве свидетеля на заседаниях сенатской комиссии по расследованию Тигл не мог. Мало-помалу он устранился от дел, передав свои самые солидные посты партнеру и давнему другу Уильяму Стампсу Фэришу. И внешне, и по характеру они очень отличались друг от друга. Высокий, худощавый, рано польсевший, всегда в очках, Фэриш часто публиковал на страницах журнала «Америкэн мэгэзин» статьи поучительного характера. Под маской внешне сдержанного, отрешенного ученого-аскета Фэриш с трудом скрывал природный темперамент и болезненно-обостренное честолюбие, которое являлось причиной стольких необдуманных и неверных шагов в период жарких дебатов вокруг «Стандард ойл». Судьба Фэриша настолько тесно переплелась с концерном, что он стал его неотъемлемой частью.

Фэриш, как и Тигл, с нескрываемой симпатией относился к нацистской Германии и часто бывал в доме Германа Шмица. С согласия Тигла и Фэриша танкеры, перевозившие нефть «Стандард ойл», были укомплектованы немецкими экипажами. Вскоре после начала второй мировой войны английская разведка предъявила Фэришу претензии. При проверке танкеров, принадлежащих концерну, английские военные власти неоднократно арестовывали немецких агентов, путешествующих под видом пассажиров (как известно, вдоль всего атлантического и тихоокеанского побережья США вне пределов их территориальных вод была установлена английская морская блокада). Было совершенно ясно: при первой же беседе английских военных властей с командой любого танкера всплывет правда о тесных контактах «Стандард ойл» с гитлеровским режимом. Тогда Фэриш принял решение уволить все немецкие экипажи, а регистрацию танкерного флота, принадлежащего концерну, переменить на панамскую, чтобы избежать его конфискации Великобританией. Эти суда везли нефть на Канарские острова, там они перезаправлялись, а нефть перекачивали в немецкие танкеры, направляющиеся в Гамбург. Точно так же происходила заправка немецких подводных лодок, потопивших немало американских кораблей, даже после того, как американское правительство запретило подобные сделки, а Рузвельт начал необъявленную войну против Германии в Атлантике. Горькая ирония заключалась в том, что один из кораблей, торпедированных немецкой подводной лодкой, носил имя Уолтера Тигла.

Для нацистов было крайне важно перерабатывать сырую нефть в авиационный бензин тут же, на Канарах. И снова Фэриш поспешил на помощь: еще в 1936 году его коллега из «Стандард ойл оф Калифорния» построил там нефтеперерабатывающий завод. Примерно в то же время Тигл возвел точно такой же завод в Гамбурге, ежедневно снабжавший военно-воздушные силы Геринга 15 тыс. тонн бензина.

После начала войны в Европе «Америкэн И. Г.» во избежание ассоциаций с принадлежащим нацистам «И. Г. Фарбен» стала называться «Дженерал анилайн энд филм». Она оказалась под угрозой конфискации американским правительством как собственность противника. Глава гигантской американской телефонной корпорации ИТТ Состенес Бен, друг Тигла и Фэриша, чуть было не купил компанию. Юридически она бы стала американской законной собственностью, а значит, вопрос о конфискации отпал бы сам собой. Однако министр финансов США Генри Моргентау помешал сделке. «Братство» было в панике. Тигл и Фэриш купить ДАФ не решались, поскольку такой шаг окончательно изобличил бы их связь с нацистами.

В 1939 году армия Соединенных Штатов испытывала острую нехватку синтетического каучука. Именно в это время корпорация «Стандард ойл» заключила сделку с гитлеровской Германией, благодаря которой третий рейх получал необходимое количество каучука, что еще больше обострило кризис в США. Контракт не был аннулирован и после Перл-Харбора.

Вскоре после начала второй мировой войны в Европу по указанию Фэриша отправился один из самых предприимчивых вице-президентов «Стандард ойл» Фрэнк А. Говард, входивший одновременно и в совет директоров банка «Чейз нэшнл». Первую остановку он сделал в Лондоне, где сразу по приезде поспешил нанести визит американскому послу в Великобритании Джозефу Кеннеди, страстному поборнику идеи сепаратного мира в Европе. Кеннеди с восторгом отнесся к мысли Говарда встретиться с Фрицем Рингером, представителем фашистской «И. Г. Фарбениндустри». Деловое свидание назначили в Голландии, куда 22 сентября 1939 года и отправился Говард на борту специально выделенного для этого случая бомбардировщика британских ВВС.

В ходе встречи в Гааге, проходившей в помещении голландского отделения «Стандард ойл», Говард и Рингер подробно обговорили совместные планы на будущее. Рингер передал американскому коллеге увесистый пакет немецких патентов, которые в документах «Стандард

ойл» были оформлены таким образом, чтобы администрация США не смогла их конфисковать в военное время. Помимо этого, бизнесмены набросали проект соглашения, названного позднее «Гаагским меморандумом», по которому американский и нацистский концерны обязались продолжать деловое сотрудничество «независимо от того, вступят или нет Соединенные Штаты в войну против Германии». В одном из положений этого документа, вернее, в секретном приложении к нему оговаривалось, что сразу по окончании войны патенты и акции, переданные «И. Г. Фарбениндустри» американскому концерну, будут полностью возвращены. Завершив переговоры, Говард вернулся в Лондон, а привезенные им немецкие патенты посол Кеннеди переслал с дипломатической почтой послу США в Париже Уильяму Буллиту¹, который, не доверяя дипломатической вализе, отправил их со специальным курьером Фэришу в Нью-Йорк.

Еще до вступления США в войну в Германии стал все более ощущаться недостаток горючего. Ее собственные запасы были незначительными. Однако уже много лет Тигл и Фэриш качали румынскую нефть, усеяв вышками район Плоешти, и получали баснословные барыши, продавая ее немцам. Химический гигант «И. Г. Фарбениндустри», для которого нефть была жизненно необходима, финансировал запятнавшую себя кровью «Железную гвардию»² румынских фашистов, возглавляемую генералом Ионом Антонеску. Герман Шмиц с согласия «Стандард ойл» через Антонеску осуществлял оперативный контроль за нефтяными разработками в Румынии. За верную службу Антонеску удостоился немислимых поче-

¹ Уильям Кристиан Буллит (1897—1967)—реакционный политический деятель США. Через своего брата, крупного банкира в Филадельфии, был лично связан с германским военным концерном «И. Г. Фарбениндустри». В 1934—1936 гг.—посол США в СССР, в 1936—1941 гг.—посол в Париже. Ярый антисоветчик, один из активных проводников политики поощрения фашистской агрессии в Европе во второй половине 30-х годов, Буллит способствовал развязыванию второй мировой войны. В послевоенные годы занимался подрывной и разведывательной деятельностью в Европе и Азии в интересах американского монополистического капитала.

² «Железная гвардия»—фашистская организация, созданная в 1931 г. реакционными буржуазно-помещичьими кругами Румынии. В 1934 г. после убийства членами этой организации румынского премьер-министра Й. Г. Дуки «Железная гвардия» формально была распущена, но продолжала действовать под названием «Партия—все для отечества». В 1940 г. лидеры нелегально существовавшей «Железной гвардии» участвовали в формировании фашистского правительства во главе с генералом И. Антонеску, с которым у них в январе 1941 г. произошел конфликт. В 1944 г. после освобождения Румынии от фашизма «Железная гвардия» была распущена и запрещена.

стей: 5 марта 1941 года Герман Геринг устроил в его честь спектакль Венской оперы в роскошном дворце Бельведер. Двух фашистов, сидящих бок о бок в оперной ложе, чудесные звуки «Мадам Баттерфляй» Пуччини уносили в заоблачные дали. Когда стихли последние аккорды финала, Геринг помог гостю быстро спуститься с небес на землю, тут же перейдя к обсуждению вопроса о возможности использования Германией, как и прежде, румынской нефти, добываемой американским концерном «Стандард ойл», даже если США вступят в войну.

В то время Фэриш вынашивал идею следующей сделки с рейхсмаршалом. Дело в том, что Венгрия, где Тигл поставил буровые еще в 1934 году, уступала в Западной Европе лишь Румынии по нефтяным запасам, к которым могли получить доступ нацисты.

В июле 1941 года Фэриш и Фрэнк Говард обратились в министерство финансов с просьбой о выдаче официального разрешения на продажу венгерского филиала «Стандард ойл» немецкому концерну «И. Г. Фарбениндустри». В письме уточнялись условия сделки: 5,5 млн. долларов немцы заплатят «Стандард ойл» в шведской, швейцарской и латиноамериканской валюте, 13,5 млн. в золоте будут доставлены в Лиссабон, а оттуда переправлены в США и, наконец, на 5 млн. долларов будет выдан вексель, подлежащий оплате через три месяца после окончания войны. Вексель должен был обеспечиваться блокированными в США активами «Дженерал анилайн энд филм». Министерство финансов отказалось санкционировать эту сделку. Тогда Фэриш предложил добиться изменения условий оплаты и получить всю сумму золотом через Лиссабон. Но и этот вариант Моргентхау отверг, что вызвало бурю негодования со стороны Фэриша.

Танкеры американского концерна один за другим пересекали океан, перевозя в трюмах нефть для фашистской Германии... Но как мог Фэриш осуществлять перевозки для Геринга и Шмица, если вдоль всего побережья США постоянно курсировали патрульные суда Великобритании, чтобы пресечь любую подобную попытку? В мае 1940 года, например, англичане захватили в территориальных водах Соединенных Штатов танкер под французским флагом, направлявшийся в Касабланку с 16 тыс. тонн нефти «Стандард ойл» в трюмах, предназначенной для гитлеровской Германии. Госсекретарь США Корделл Хэлл потребовал у англичан выдачи судна, и те подчинились, не желая нарушать нормы международного морского права, после чего танкер продолжил свой путь в Африку во главе каравана из шести судов.

Фэриш заключил также договор на поставку авиаци-

онного горючего с латиноамериканской авиакомпанией «Л. А. Т. И.», находившейся под контролем нацистов. «Л. А. Т. И.» обеспечивала воздушную линию Рим—Рио-де-Жанейро через Мадрид, Лиссабон и Дакар. Эта линия, которую использовали немецкие шпионы и контрабандисты, нелегально переправлявшие бриллианты, не могла бы существовать без помощи «Стандард ойл», поскольку концерн производил тот высококачественный бензин, благодаря которому воздушные лайнеры легко совершали прыжок через океан длиной 1680 миль.

Молодой сотрудник министерства торговли США Уильям Ла Варре вплотную занялся расследованием сделок «Стандард ойл» с нацистской авиакомпанией. Он выяснил, что она служила для нацистов брешью, пробитой не без труда в британской морской блокаде, поскольку, считаясь бразильской, авиакомпания не подлежала никаким проверкам и оставалась вне подозрений. Ее услугами пользовались нацистские агенты, когда надо было попасть из Германии или Италии в США, сделав лишь пересадку в Бразилии.

«Л. А. Т. И.» перевозила также и грузы. Только в 1942 году ее самолеты взяли на борт 2365 килограммов нацистской пропагандистской литературы, медикаменты для компании «Стерлинг продактс», в основном те, продажа которых была запрещена в США, крупные денежные суммы, тайно переправлявшиеся «Рейхсбанком» в Нью-Йорк для «Нэшнл сити бэнк», а также фотоматериалы, запечатлевшие ужасы войны, которые по указанию Геббельса¹ распространялись среди населения латиноамериканских стран, дабы отпугнуть их от участия в войне против Германии. Перевозились в больших количествах электробытовые товары, золотые и серебряные изделия для продажи в Бразилии. Американские корпорации в Южной Америке в свою очередь отправляли нацистам сотни килограммов бразильской слюды и платины, имевших стратегическое значение для Германии. Полудрагоценные камни, чрезвычайно дешевые в латиноамериканских странах, отправлялись в Германию, обрабатывались в концлагерях в Бельгии и вновь возвращались в Бразилию на продажу.

С целью обеспечить бесперебойную доставку горючего для самолетов «Л. А. Т. И.» Фэриш поставил еще

¹ *Йозеф Геббельс* (1897—1945)—один из главных нацистских военных преступников. Идеолог расизма, насилия и захватнических войн. С 1933 г.—во главе пропагандистского аппарата фашистской Германии, в 1944 г.—имперский уполномоченный по тотальной военной мобилизации. После вступления советских войск в Берлин покончил жизнь самоубийством.

несколько танкеров своей корпорации под панамский флаг. Это обеспечивало им иммунитет, гарантированный одним из видных членов «братства» — заместителем министра военно-морского флота США Джеймсом Форрестолом, одновременно занимавшим пост вице-президента «Дженерал анилайн энд филм». Американская разведка внимательно следила за деятельностью агентов гестапо, абвера и принадлежавшей «И. Г. Фарбениндустри» шпионской сети «Н. В.-7», пользовавшимися самолетами авиакомпании. Еще в начале 1941 года сотрудник госдепартамента Адольф Берли настоятельно рекомендовал Корделлу Хэлли перекрыть этот путь. Хэлл предупредил Фэриша, что вынужден будет ввести контроль за экспортом горюче-смазочных материалов.

Фэриш понял, что его толкают на компромисс, и решил использовать обходной маневр: поставлять горючее «Л. А. Т. И.» и другой латиноамериканской компании, «Кондор», также финансируемой третьим рейхом, не напрямую, как прежде, а через бразильский филиал «Стандард ойл», предварительно заручившись письменным согласием американского посла в Рио-де-Жанейро. Авиакомпании продолжали свои регулярные рейсы. Лишь в конце 1941 года, накануне событий в Перл-Харборе, Берли и Ла Варре сообразили, в чем состоял трюк Фэриша: ведь, заключая сделку через бразильскую компанию, он мог быть спокоен, что не окажется в «черном списке». Механизм, отлаженный Фэришем, работал бесперебойно и довольно долго, пока само бразильское правительство не сочло необходимым закрыть эти авиалинии. К призывам же собственного правительства проявить патриотизм в ответственный для страны момент Фэриш оставался неизменно глух. На первом месте были симпатии к нацизму, которые росли по мере расширения сотрудничества, приносившего сказочные прибыли.

Помощнику госсекретаря Сэмнеру Уэллесу 31 марта 1941 года был представлен подробный доклад о том, что в портах Мексики, Центральной и Южной Америки итальянские и германские торговые суда заправляются американским топливом. Среди компаний, снабжавших горючим противника, значились «Стандард ойл оф Нью-Джерси» и «Стандард ойл оф Калифорния». Однако факты, содержащиеся в документе, остались без внимания.

5 мая дипломатическая миссия США в Никарагуа сообщила, что местные филиалы «Стандард ойл» финансируют газету «Эпока», активно ведущую пронацистскую пропаганду. Сотрудник американского консульства в Манагуа Джон Муччо заинтересовался этим вопросом и

выяснил, что «Стандард ойл», используя свои неограниченные финансовые возможности, распространяет «Эпоку» по всему миру.

17 июля 1941 года комиссия в составе Дина Ачесона, Моргентау, министра юстиции США Фрэнсиса Биддла и министра торговли Джесси Джонса приступила к составлению так называемого «черного списка». Ачесон возглавил эту межведомственную комиссию на уровне членов кабинета. В «черный список» должны были войти компании и корпорации, тесно связанные со странами «оси», сделки с которыми во время войны объявлялись вне закона.

5 января 1942 года на стол Мило Перкинса, исполнявшего обязанности директора управления экономической войны, лег меморандум, составивший позднее основу «черного списка». Поэтому заверения Рокфеллера, также входившего в состав комиссии, о том, что он не подозревал о незаконных сделках «Стандард ойл» в пользу стран «оси» до и после катастрофы в Перл-Харборе, звучат по меньшей мере наивно.

Нельсон Рокфеллер вообще оказался в довольно двусмысленном положении. Как члену комиссии ему предстояло выяснить в ходе расследования, сколько немецких граждан числилось среди служащих латиноамериканских филиалов американских компаний, львиная доля которых являлась собственностью... семейства Рокфеллеров или их партнеров! В отчетных документах управляющих латиноамериканскими филиалами, которые Рокфеллер регулярно получал, содержался исчерпывающий и, главное, правдивый ответ на занимающий комиссию вопрос. Как не сравнить Нельсона Рокфеллера с двуликим Янусом: ведь, с одной стороны, он — поборник интересов администрации, а с другой — страж прибылей своей гигантской монополии. Оказалось, что совместить несовместимое невозможно, особенно во время войны. Стоит ли говорить, что деятельность на общественном поприще служила Рокфеллеру лишь маской, скрывающей истинное лицо финансового воротилы!

В этом отношении интересен следующий факт. «Стандард ойл» арендовал в Каракасе помещение для представительства концерна. В июле 1941 года с ведома Рокфеллера «Стандард ойл» продлил договор об аренде с немецким гражданином Густавом Зингом, давно внесенным в «черный список», объясняя это тем, что аннулировать договор юридически будет крайне сложно. Иначе говоря, координатор межамериканских отношений, член администрации США, распорядившийся по своему усмотрению миллионными суммами из госбюджета, не пожелал

поступиться мелочной частной выгодой и порвать деловые отношения с откровенным нацистом.

А вот еще одна интересная деталь: сотрудничавший с нацистами в Каракасе врач, за которым ФБР давно установило наблюдение, по-прежнему числился среди медицинского персонала, обслуживающего отделение «Стандард ойл» в Венесуэле.

15 июля 1941 года военная разведка США сообщала, что концерн наладил транспортировку нефти из Арубы¹ на Канарские острова. В донесении, в частности, говорилось:

«Примерно 20% этих поставок предназначаются для фашистской Германии, причем команды шести судов из тех, которые осуществляют перевозки по этому маршруту, набраны преимущественно из нацистов. Нашему агенту удалось выяснить, что немецкие подводные лодки, постоянно курсирующие в районе Канарских островов, подходят туда именно с целью заправки. Этот же агент обратил внимание на следующее: до сих пор ни один из танкеров концерна «Стандард ойл» не был торпедирован ВМС Германии, в то время как суда других американских компаний, действовавших на иных маршрутах, постигла такая участь».

22 июля 1941 года состоялось совещание представителей министерства финансов США с заместителем государственного секретаря Дином Ачесоном по вопросу о поставках нефти в Танжер² американскими компаниями, в том числе и концерном «Стандард ойл». Во время войны открытый порт Танжер служил перевалочным пунктом самых разнообразных товаров, предназначавшихся для нацистской Германии. Никаких позитивных решений на совещании принято не было. Обсуждался среди прочих вопрос о берлинской собственности концерна «Стандард ойл», но никто не решился выдвинуть требование о ее ликвидации.

28 октября госсекретарь Корделл Хэлл направил запрос Эдварду Фолею, исполнявшему обязанности министра финансов в отсутствие Моргентау. Хэлл просил разъяснить, может ли компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси» через свои филиалы в различных латиноамериканских государствах продавать и транспортировать нефть и нефтепродукты, а также заключать иного рода сделки с лицами, внесенными в «черный список» нацистских приспешников. Далее Хэлл интересовался, может ли бразильский филиал концерна поставлять через Арубу горючее для финансируемой нацистами

¹ Аруба входит в состав Малых Антильских о-вов в Вест-Индии.

² Танжер — портовый город в Северо-Западной Африке.

авиакомпания «Кондор». Фолей ответил, что подобные сделки подпадают под президентский приказ № 8389, даже если они предусмотрены ранее заключенным контрактом, и не могут осуществляться без специального разрешения министра финансов. Иными словами, торговать с нацистами и их пособниками не грех, если на это есть разрешение министра финансов. Такая установка осталась в силе и после вступления США в войну. Как министерство финансов, так и госдепартамент продолжали санкционировать торговлю с врагом концерна «Стандард ойл» и других американских компаний в течение всей войны.

Через три недели после Перл-Харбора, 31 декабря 1941 года, от руководства «Стандард ойл» в госдепартамент на имя советника по правовым вопросам поступило письмо с просьбой разъяснить, какие страны и какие корпорации следует рассматривать как союзников врага. В ответе от 6 января 1942 года говорилось, что госдепартамент «еще не отпечатал список врагов и их союзников». Далее шли строчки, подкупающие неосознанностью содержащейся в них иронии:

«Конгресс Соединенных Штатов Америки объявил, о чем вы, безусловно, знаете, состояние войны между правительствами Германии, Японии и Италии, с одной стороны, и правительством и народом США — с другой». Затем в письме разъяснялось, что президентским указом от 13 декабря 1941 года допускаются сделки, в принципе запрещенные законом о торговле с врагом, если на то получено письменное разрешение министерства финансов.

В январе 1942 года на Фэриша, осуществляющего торговые сделки с нацистской Германией, повел наступление министр внутренних дел США Гарольд Икес, занимавший с начала войны также пост координатора по вопросам национальной обороны и военной политики. Фэриш, уже имевший заклятых врагов в лице Моргентау и Декстера Уайта, приобрел еще более грозного и непреклонного противника — Икеса.

Икеса в шутку называли «старый скандалист». Он был своего рода знаменитостью в Соединенных Штатах. Темноволосый, с колючими глазами, всегда напряженный, как натянутая струна, резкий и крайне бескомпромиссный, Икес обладал нюхом настоящей ищейки на очередной скандал и делал все, чтобы поднять как можно больше шума вокруг своего имени. Причем страсти кипели, и всеобщее внимание было сосредоточено именно там, где этого желал Икес. Он мертвой хваткой цеплялся в свои жертвы, которыми становились, как

правило, финансовые и политические тузы типа Тигла и Фэриша. Бескомпромиссность и целеустремленность Икеса были вознаграждены. В один прекрасный день Рузвельт вызвал его, чтобы предложить пост министра внутренних дел в своем правительстве. Президент сказал: «Мистер Икес, единство наших с вами взглядов в течение последних, я думаю, двадцати лет убедило меня—на этом посту нужен именно такой человек, как вы».

Доверие президента окупилось невероятной преданностью Икеса. Военные годы он провел, почти не вставая из-за своей выдавшей виды пишущей машинки, исправно отстукивающей едкие памфлеты для центральных газет о джентльменах с туго набитой мошной, а также межведомственные записки с нелицеприятными эпитетами в адрес многонациональных космополитических гигантов, таких, как «Стандард ойл». То, что не попадало в официальную переписку или газетную статью, Икес, не стесняясь в выражениях, заносил в свои дневники. Рано утром он вставал и перво-наперво поливал свои обожаемые георгины, затем снимал телефонную трубку и обрушивал поток обвинений на Уолтера Тигла или на еще более ненавистного министра торговли Джесси Джонса. Недавние коллеги-репортеры—в юности Икес работал в чикагской газете—нарекли непримиримого министра внутренних дел «совестью Рузвельта». Однако сам президент не раз приходил в ярость от отсутствия гибкости и излишней прямолинейности своего министра: неподкупность и бескомпромиссность последнего, несомненно, мешали хрупкому контакту, который президент с большим трудом установил с руководством «Стандард ойл». Сделать это было необходимо в интересах национальной обороны—энергетические потребности США в условиях войны резко возросли.

Икес решительно отказывался понимать, зачем президент, чтобы достичь основной цели—увеличить военный и экономический потенциал США,—идет на уступки. Он постоянно устраивал скандалы из-за того, что концерны, принадлежащие или находящиеся под руководством всяких тиглов и фэришей, с избытком снабжали различными нефтепродуктами Германию или Японию. Одновременно, не унимался министр, эти господа занимают руководящие посты в правительственных органах, созданных в начале войны для контроля за распределением горючего, в котором страна испытывает острую нужду! Понятно, что «твердолобость» Икеса делу отнюдь не помогала, зато сильно раздражала, более того, приводила в ярость президента Рузвельта.

22 июня президент попытался раз и навсегда поставить Икеса на место. Письмо Рузвельта своему министру было выдержано в граничащем с грубостью, не терпящем возражения тоне. Поводом послужило введенное «старым скандалистом» ограничение на экспорт бензина. Теперь Икесу предписывалось его отменить и не мешать компании вывозить горючее, если на это предварительно было получено разрешение госдепартамента в лице Корделла Хэлла. Вечером того же дня Икес с горечью записал в своем дневнике признание (позже, правда, вычеркнутое цензурой при подготовке к изданию): в течение последних двух лет президент, не моргнув глазом, одно за другим нарушает данные прежде обещания и все чаще опускается до очевидной лжи. Поэтому, рассуждал Икес, не лучше ли уйти из когорты правящих, где надо лгать, и обрести свободу говорить людям правду? Искушение поступить именно так стало еще сильнее после того, как президент и Корделл Хэлл в своем официальном заявлении, в очередной раз греша против истины, значительно преуменьшили действительный объем экспорта в страны, с которыми США находились в состоянии войны.

На протяжении всего 1941 года министр внутренних дел испытывал все усиливающееся давление со стороны госдепартамента, послушно шедшего на поводу у «Стандард ойл». Еще в июне в госдепартаменте был образован новый отдел, ведавший отношениями со странами Карибского бассейна, а Икеса даже не поставили об этом в известность. Теперь «Стандард ойл» имел возможность практически бесконтрольно поставлять американскую и венесуэльскую нефть в связанные с Германией страны Латинской Америки, откуда она, пройдя через нефтеперерабатывающие заводы Арубы, доставлялась странам «оси».

В начале 1942 года Рузвельт и вовсе отстранил верного министра от вопросов, связанных с поставками нефти, образовав при совете экономической войны, позднее переименованном в управление экономической войны, специальный комитет, на который возложил ответственность за экспорт нефти и нефтепродуктов. Гнев и негодование Икеса не знали границ, когда он обнаружил, что во главе комитета встал преданный Фэришу человек, его правая рука Макс Торнбург, а среди членов комитета оказались Гарри Кольер и сам Фэриш. Торнбург, ловкий и опытный бизнесмен, послушный воле Фэриша, получал теперь 8 тыс. долларов в год от правительства и 13 тыс. от «Стандард ойл».

Возмущенный торжеством сил коррупции в высших эшелонах власти, Икес позвонил вице-президенту Генри Уоллесу и с присущей ему прямоотой потребовал объяснить, как Уоллес, возглавлявший совет экономической войны, может мириться с происходящим? А именно: включением в состав комитета Торнбурга, человека не слишком щепетильного, крайне тщеславного, вполне готового поступиться национальными интересами, чтобы сослужить службу хозяевам? Икес заявил, что Торнбург добился назначения, конечно, обманным путем, оказав давление на Рузвельта. «Разве это не свидетельство колоссального влияния «Стандард ойл» на Белый дом?!» — кричал в трубку Икес. Уоллес слушал молча.

Икес не отступал. В течение нескольких месяцев он настойчиво требовал отставки Торнбурга со столь важного поста. Отчаявшись, он во всеуслышание назвал Уоллеса человеком «коварным и беспринципным и с врагами и с друзьями». Ненависть его к Уоллесу теперь была сравнима лишь с ненавистью к Торнбургу. Прямолинейный, честный и не признававший компромиссов, Икес не хотел понимать, почему на пути к победе в войне Рузвельт и Уоллес вынуждены заигрывать с нефтяными монополиями.

В итоге Икес добился лишь того, что Рузвельт вообще запретил ему появляться на заседаниях возглавляемого Торнбургом комитета, куда приглашались представители всех правительственных органов, ведающих вопросами распределения и потребления нефти, и тем более совать нос в решения, которые там принимались. Икес несколько раз вчерне составлял письмо с просьбой об отставке, но потом решил бороться с разъедаемым коррупцией истэблишментом изнутри. Через своих агентов он выяснил, что министра торговли Джесси Джонса и Уильяма Фэриша крепко связывают общие деловые интересы в Техасе. Уже совсем было разочаровавшийся в людях, Икес неожиданно приобретает союзника и единомышленника — Тэрмена Арнольда. Арнольд возглавлял в министерстве юстиции управление по вопросам антитрестовского законодательства.

С Икесом и Моргентау Арнольда роднила ненависть к коррупции. Едва заняв свой пост в министерстве юстиции, он провел неслыханную ревизию в строительной промышленности, подав в суд на 985 нарушителей закона. В итоге судебных разбирательств по этим делам было вынесено 74 обвинительных приговора.

В течение первых недель после событий в Перл-Харборе его старенький «ла салль» образца 1930 года

часто видели у дома Икеса в Вашингтоне. Вместе они убедили нерешительного министра юстиции Фрэнсиса Биддла в необходимости начать расследование принятого Фэришем решения о поставках синтетического каучука Германии, что означало прежде всего острый его дефицит в США, грозивший обернуться катастрофой для армии, ВВС и ВМФ. И вот 27 февраля 1942 года Арнольд отправился в логово зверя — штаб-квартиру «Стандард ойл», находившуюся в Нью-Йорке на Рокфеллер-плаза, дом 30, зажав под мышкой пухлую папку с документами. Его сопровождали верные сторонники: глава военно-морского министерства США Франклин Нокс и военный министр Генри Стимсон. Арнольд сразу же перешел в наступление, выложив все обвинения в адрес концерна под напряженными взглядами представителей обеих сторон. Он заявил, в частности, что, продолжая поставлять гитлеровцам дефицитный в самих Соединенных Штатах синтетический каучук, а также заключая с фашистами на выгодных для них условиях патентные соглашения, Тигл и Фэриш действуют в ущерб интересам своей страны. Зажав в углу рта изжеванную сигару, Арнольд бесстрастно заключил: в силу вышеизложенного на «Стандард ойл» накладывается штраф в размере полутора млн. долларов. Компанию обяжали патенты «И. Г. Фарбениндустри», полученные Ф. Говардом в Гааге, направить в управление по охране секвестрованной иностранной собственности.

Фэриш с порога отверг все требования Арнольда. Он подчеркнул ведущую роль руководимого им концерна в снабжении горючим и другими стратегическими материалами армии, военно-воздушных сил, военно-морского флота США. Иначе говоря, он пошел на прямой шантаж и навязал Арнольду оборонительную тактику. Тот, спешно переговорив с Ноксом и Стимсоном, спросил у Фэриша, каковы в таком случае встречные предложения «Стандард ойл» по урегулированию создавшейся ситуации. Инициатива теперь полностью оказалась в руках Фэриша. Поняв, что выиграл поединок, Фэриш холодно заключил: «Стандард ойл» может выплатить не более 50 тыс. долларов штрафа, причем сумма эта будет распределена между различными компаниями, входящими в концерн, и отдельными членами руководства с таким расчетом, чтобы каждому пришлось платить не более шестисот долларов. Высокомерная и унижительная для Арнольда, Стимсона и Нокса отповедь Фэриша имела целью показать им, насколько истинная власть концерна больше и реальнее той, которой располагала администрация США в их лице. Условия, продиктованные Фэришем, были приня-

ты с оговоркой, что число персональных ответчиков будет снижено до десяти. Фэриш попал в эту десятку и уплатил 1000 долларов штрафа—ровно четверть своей недельной зарплаты—за то, что предал интересы Америки.

Дело «Стандард ойл» слушалось в суде штата Нью-Джерси, в Ньюарке. Предъявленные ранее концерну обвинения в закулисных сделках с противником были сняты в обмен на обещание руководства передать патенты в руки государства на время войны и уплатить скромный штраф. Таким образом, решение суда было призвано успокоить общественное мнение и существенно урона концерну не нанесло. В дневнике Икеса, в записи от 5 апреля 1941 года, есть горькие слова о том, что, когда на всю историю крупных сделок с врагом был пролит свет, стало совершенно ясно, почему среди лиц, чьи имена стали символами богатства и могущества Америки, так много симпатизирующих нацизму и стремящихся к сотрудничеству с ним. Нацистский режим оказался привлекателен прежде всего как деловой партнер, источник баснословных прибылей, поэтому так несложно было найти общий язык с диктатором—роднило стремление к господству. Какая польза была бы для страны, с тоской и безнадежностью констатировал Икес, если бы все эти махинации были тщательно расследованы и преданы широкой гласности.

Арнольд был точно такого же мнения. Несмотря на проигранное сражение на Рокфеллер-плаза, он и Икес изыскали еще одну возможность, чтобы вывести «Стандард ойл» на чистую воду. Их союзником оказался сенатор из Миссури—Гарри Трумэн, возглавлявший комиссию конгресса. Эта комиссия, названная по его имени, должна была разоблачить предательские сделки с противником. Под председательством Гарри Трумэна, или как его прозвали Гарри-дай-им-жару, комиссия провела в марте 1942 года несколько бурных заседаний, на которых рассматривалась противоправная деятельность «Стандард ойл».

26 марта на заседании комиссии выступил Арнольд, настроенный как никогда по-боевому. Он обстоятельно изложил все собранные им факты—а их оказалось более чем достаточно,—свидетельствующие о давних связях концерна с противником. Членам комиссии были представлены неоспоримые доказательства того, что американский концерн и немецкий химический гигант—опора нацистской экономики «И. Г. Фарбениндустри»—поделили между собой мир, как рождественский пирог,

на рынки сбыта своей продукции. Арнольд представил комиссии также документы, изобличающие Фэриша, отказавшего канадцам в просьбе передать им необходимую для военной промышленности страны патентную информацию, поскольку Канада находилась в состоянии войны с фашистской Германией. На стол заседаний комиссии Арнольд положил солидную папку с неопровержимыми документами о преступной деятельности все того же Фэриша. Фэриш постоянно уклонялся от выполнения обязательств по ленд-лизу и действовал наперекор американской политике добрососедства в отношении союзной Канады, чтобы угодить Гитлеру. Не упустил Арнольд и вопроса о поставках синтетического каучука, в котором руководство концерна отказало ВМФ США, и о том, что представителю военно-морского министерства во время посещения одного из заводов концерна не разрешили наблюдать за технологическим процессом производства синтетического каучука. Были предъявлены также свидетельства сговора с Японией о продолжении сотрудничества в случае войны или торговой блокады. По окончании заседания 28 марта Трумэна, окруженного журналистами и фоторепортерами, спросили, убедили ли его представленные Арнольдом свидетельства о предательстве государственных интересов? Он ответил утвердительно.

Атмосфера вокруг Фэриша настолько накалилась, что он потерял голову и метался, словно загнанный зверь. Хладнокровно переждать бурю, чтобы потом, сохраняя спокойствие, предстать в сенатской комиссии, Фэриш не мог. Он устраивал бесконечные пресс-конференции, засыпал президента телеграммами, выступал по радио с длинными и маловразумительными заявлениями, дал газете «Нью-Йорк таймс» интервью, над текстом которого Тигл накануне просидел всю ночь и в котором все обвинения, выдвинутые Арнольдом, отвергались как «лишенные всяких оснований». Подогревая таким образом в самом себе и без того неумную ярость, Фэриш, представ наконец 31 марта перед сенатской комиссией, кричал в лицо ее членам, брызгая слюной, что в грош не ставит все утверждения о предательской роли возглавляемого им концерна и отметаает их с «негодованием и отвращением», и вновь подчеркивал свою безупречную преданность интересам отечества. Следующим хорошо продуманным ударом, который он нанес, был не раз впоследствии используемый демагогический довод о том, что деловое сотрудничество с «И. Г. Фарбениндустри» оказалось крайне полезным для Соединенных Штатов, поскольку патенты, полученные от немецкого концерна, содержали

громадное количество ценной технической информации¹. При этом он, правда, не стал уточнять, что в распоряжение США они попали отнюдь не по милости «Стандард ойл», а по предписанию суда.

2 апреля разгневанный Арнольд ворвался в кабинет Икеса и с порога заявил: «Ты знаешь, эти деятели из «Стандард ойл», давая показания комиссии Трумэна, пошли на явное лжесвидетельство. Я могу это подтвердить и предупредил об этом. Как ты думаешь, если я выложу все доказательства, решатся наконец вынести против них обвинение?» Но Арнольд знал ответ наперед: не решатся. Осознав, что все его усилия бесполезны, Арнольд впал в апатию, хотя долго еще с мрачным видом выкладывал Икесу факт за фактом, изобличая министра Джесси Джонса в преднамеренном содействии нефтяному концерну в сотрудничестве с фашистской Германией.

Слушания в комиссии Трумэна были для президента Рузвельта настоящим кошмаром. Ему было ясно как день, что скандал вокруг «Стандард ойл» и нападки, зачастую самого оскорбительного содержания, на Тигла и Фэриша никак не помогут решению тех сложных задач, которые встали перед администрацией США после вступления страны в войну. Он не сомневался, что Арнольд и дальше будет ставить палки в колеса и без того со скрипом начавшей ход военной машины. Словом, для занимаемого поста Арнольд оказался слишком щепетилен, и в министерстве юстиции ему не место. Его просто убрали с дороги, сделав членом кассационного суда округа Колумбия. Узнав об этом, Икес 5 апреля с грустью отметил в своем дневнике, что нашли наконец способ заставить замолчать и несговорчивого Арнольда. Более того, военное и военно-морское министерства, оказавшие поначалу Арнольду самую решительную поддержку, теперь требовали гарантий от президента, что действие антитрестовского законодательства будет приостановлено на время войны в отношении корпораций, выполняющих военные заказы. Урок, преподанный двум министрам во

¹ Действительно, по условиям соглашений между «Стандард ойл» и «И. Г. Фарбениндустри» большая часть основных исследовательских работ должна была проводиться в Германии. В силу этого американский партнер получал из Германии больше технической информации, чем был в состоянии давать сам. Однако в отчете руководства немецкого концерна германскому министерству хозяйства пояснялось, что и «И. Г. Фарбениндустри» получил от «Стандард ойл» ряд важных сведений о новых открытиях, необходимых в его научных исследованиях, тогда как казавшаяся довольно обширной информация, переданная американцам, в действительности состояла из неполных и отрывочных данных, которые могли найти практическое применение лишь в результате серьезных дополнительных исследований.

время встречи на Рокфеллер-плаза, видимо, не прошел бесследно: сотрудничество с концерном — вот что необходимо, как воздух, а всякие там принципы, патриотизм — это, извините, предрассудки.

Тигл был столь подавлен и обеспокоен самим фактом проводимого комиссией Трумэна и Арнольдом расследования, что решил направить письмо президенту. В нем он попытался оправдать свою позицию, а также высказал просьбу об отставке с поста главы национальной военной комиссии по использованию трудовых ресурсов. В ответном письме от 2 апреля 1942 года Рузвельт пытался убедить его изменить решение:

«Дорогой мистер Тигл! Передо мной лежит Ваше письмо от 23 марта с просьбой об отставке с поста главы национальной военной комиссии по использованию трудовых ресурсов. Прошу Вас отказаться от этого намерения, ибо глубоко убежден: Ваша деятельность в этом качестве приносит несомненную пользу государству. По моему мнению, которое совпадает с мнением министра юстиции, расследование деятельности концерна «Стандард ойл», проведенное сенатской комиссией, никоим образом не может и не должно повлечь подобной реакции с Вашей стороны».

Тем не менее, в сентябре 1942 года после новых разоблачений закулисных махинаций руководства нефтяного гиганта, теперь уже комиссией Боуна, Тигл вторично обратился с прошением об отставке, которое на этот раз было удовлетворено президентом, сделавшим при этом, однако, глубокий реверанс в виде следующей записки:

«Хотелось бы Вас заверить в том, что я высоко ценю усердную работу, проделанную Вами на протяжении многих месяцев... и Ваш чрезвычайно полезный вклад в наращивание военных усилий».

Фэриш по-прежнему оставался членом военного совета по нефти. Икес никак не мог смириться с тем, что тот занимает такой стратегически важный пост, о чем и заявил Рузвельту 3 апреля 1942 года в разговоре по телефону. Однако президент настоятельно просил его не вмешиваться в это дело. Тогда бескомпромиссный министр на свой страх и риск за спиной Рузвельта решил позвонить Джону Д. Рокфеллеру-младшему с просьбой по своей инициативе сместить Фэриша, рассудив, что владелец «Стандард ойл» пойдет на это, чтобы избавиться от человека, чье имя запятнано в результате скандальных разоблачений. Но, как увидим, просчитался. Разговор с Рокфеллером он начал с заявления, что связи концерна с фашистским «И. Г. Фарбениндустри» уже не секрет не только для него. Рокфеллер на другом конце провода

слушал молча. Икес с целью вызвать желаемую реакцию, не жалея красок, нарисовал страшную картину шумного разоблачения, когда возмущенная общественность потребует решительных действий. Икес добавил, что позвонил не затем, чтобы потребовать у Рокфеллера немедленного увольнения Фэриша, а с целью предупредить скандальную ситуацию, когда Рокфеллер будет вынужден к такому шагу дальнейшими расследованиями, в ходе которых председатель правления его концерна будет, несомненно, окончательно разоблачен.

Тут наконец Рокфеллер нарушил молчание, но лишь для того, чтобы заявить министру, что ни секунды не сомневается в кристальной честности, искренности и патриотизме Тигла и Фэриша. Рокфеллер заверил Икеса, что сам он абсолютно не причастен к тем сделкам, которые ставят в вину руководству принадлежащего его семье нефтяного концерна (в это крайне трудно поверить, принимая во внимание существование инвестиционного банка «Шрёдер, Рокфеллер, инк.»!).

В заключение Рокфеллер подчеркнул, что мнение его относительно Тигла и Фэриша осталось непоколебимым и он будет отстаивать обоих, пока не получит самых неопровержимых улик против них. Рокфеллеры, добавил он назидательно, потому и стали Рокфеллерами, что всегда умели постоять за своих друзей.

Икес поспешил заверить, что ни в коем случае не намерен сгущать краски, но в данном вопросе, затрагивающем престиж администрации США, нельзя сбрасывать со счетов фактор общественного мнения. Нельзя допустить, чтобы правительство заподозрило в потворстве дельцам, пытающимся свести на нет усилия, направленные на борьбу с врагом.

На другой день Трумэн и Икес обедали вместе. Разговор, естественно, вертелся вокруг этой же темы. Трумэн считал, что Икес должен немедля исключить Фэриша из членов военного совета по нефти. Икес не мог ни возразить, ни сказать, что Фэриша взял под защиту сам президент. Вместо этого он обрушился на прессу, обвинив ее в продажности. Как ловко она сумела замаять дело, продемонстрировав истинные чудеса в искусстве умалчивать, недоговаривать и препарировать факты! Он, профессиональный репортер, впервые видит такую тесную зависимость прессы от большого бизнеса. Позже, оставшись наедине с собой, Икес записал в дневнике, что все его действия очень напоминают со стороны отчаянные попытки пробить лбом каменную стену.

Трумэн обещал сделать все возможное, чтобы сенатский комитет продолжил расследования. Икесу этого было

мало. С его помощью сенатор Гомер Т. Боун был назначен главой сенатской патентной комиссии, начавшей работу 1 мая. Во всем, что касалось сомнительной деятельности «Стандард ойл», Боун проводил ту же линию, что Икес, Арнольд и Трумэн. Буквально на следующий день на заседании патентной комиссии выступил молодой коллега Арнольда по управлению по вопросам антитрестовского законодательства министерства юстиции Ирвинг Липковиц с новыми обвинениями в адрес нефтяного концерна. Он заявил, что «Стандард ойл» умышленно оттягивает массовое производство для военной промышленности США уксусной кислоты с одобрения своих нацистских партнеров. По его образному выражению, «Стандард ойл» превратился в «Чарлз Маккарти «И. Г. Фарбениндустри» в химической промышленности»¹. Следующим на заседании выступил сенатор Роберт Лафолет-младший. Он говорил, что Тигл и Фэриш, эти «мастера обмана общественного мнения», ради узких интересов своего концерна предпочли не появляться лично на заседаниях комиссии. Они боялись «выйти с открытым забралом», ибо прекрасно понимали: перед дачей показаний сенатской комиссии будут приведены к присяге и подвергнуты перекрестному допросу. Вместо этого они предпочли тактику голословного отрицания всего, что говорится не в их пользу, анонимно, через подставных лиц. Руководство «Стандард ойл» использовало старый демагогический прием: оно предпринимало все возможное, чтобы дискредитировать противников и тем самым компенсировать неубедительность доводов в свое оправдание.

6 мая представитель министерства юстиции Джон Джэкобс в своей речи аргументированно утверждал, что «Стандард ойл» приложил немало сил, чтобы противодействовать производству взрывчатых веществ на предприятиях. Концерн блокировал освоение нового способа изготовления синтетического аммиака, по просьбе опять-таки «И. Г. Фарбениндустри». Новая технология еще долго оставалась недостижимой для американской промышленности. Вдобавок в США по вине «Стандард ойл» было ограничено производство из природного газа водорода и смазочных материалов, необходимых авиации при полетах на больших высотах. Затем он представил комиссии документ, из которого явствовало: 1 сентября 1939 года, в день, когда Германия вторглась в Польшу, руководство «Стандард ойл» в срочной телеграмме

¹ Чарлз Маккарти—первый директор Комитета по связям с промышленностью. Он немало потрудился, чтобы обеспечить финансово-политические интересы частного капитала, и в особенности крупных промышленников.

«И. Г. Фарбениндустри» услужливо предлагало выкупить за 20 тыс. долларов 20-процентную долю участия немецкого концерна в одном из располагавших важными патентами филиалов «Стандард ойл». В письме, отправленном вслед за телеграммой, пояснялось: «Единственно, чем мы руководствуемся при этом,—желанием застраховать пусть небольшой интерес «И. Г. Фарбениндустри» от неприятных последствий, которые может повлечь вступление США в войну против Германии, ибо очевидно, что в этом случае, если не принять предложенных нами мер, 20-процентная доля немецкого участия в нашем филиале перейдет целиком под опеку управления по охране иностранной секвестрованной собственности в США и окажется, таким образом, вне нашего контроля».

Выяснилось также, что между этими промышленными гигантами существовала договоренность, в силу которой «И. Г. Фарбениндустри» должен был под прикрытием «Стандард ойл» оформить заявки на постройку нефтеперерабатывающих предприятий во Франции и Великобритании во время войны. Это последнее разоблачение шокировало сенатора Боуна. «Просто непостижимо,—сказал он.—Единственная польза, которую несет война,—разоблачение этих чудовищных вещей».

Почувяв, что ситуация крайне обострилась, Фэриш 7 мая прислал в адрес сенатской комиссии длинную и сердитую телеграмму. В ней Фэриш опровергал утверждение, будто он не решился лично предстать перед сенаторами и отместить все наветы. Ему было отказано, как следовало из телеграммы, в доступе на заседания. (На самом деле никто и никогда не препятствовал его присутствию.) Текст телеграммы был составлен таким образом, что понять, о чем идет речь, никому не удалось. Это была не первая телеграмма, отправленная Фэришем с единственной целью — максимально запутать расследование и увести его в сторону с верно найденного пути. Очередная увертка профессионального интригана!

Слушания в комиссии Боуна возобновились 7 августа. Первым выступил инженер одного из нефтеперерабатывающих заводов в Техасе, Р. Старнс, который рассказал, что все его попытки наладить производство синтетического каучука со времени событий в Перл-Харборе неизменно наталкивались на противодействие со стороны «Стандард ойл». Прочитав отчет об этих показаниях, Фэриш тут же отправил очередную телеграмму сенатору Боуну с выражением недоумения относительно того, почему сенатор позволяет превращать заседания возглавляемой им авторитетной комиссии сената в арену для «грубых и необоснованных выпадов» против возглавляемой им корпорации.

Выступление Старнса он назвал «беспардонной ложью и подтасовкой фактов». По словам Фэриша, никакого саботажа со стороны «Стандард ойл» не было—зря Старнс старается убедить членов сенатской комиссии в обратном. Фэриш продолжал:

«Наиболее клеветнические утверждения мистера Старнса почерпнуты из распространенных комиссией пресс-релизов, откуда эта подтасованная информация попала в печать при содействии самих членов сенатской комиссии. Таким образом, вы вряд ли возьметесь утверждать, будто не знали заранее об оскорбительных для нашей корпорации обвинениях, с которыми готовился выступить этот свидетель. Кроме того, само его появление перед членами комиссии обращает на себя внимание и говорит о многом: даже если, как вы утверждаете, этот свидетель предстал перед комиссией по собственной инициативе, трудно поверить, что лишь в силу случайного совпадения его показания попали в тот же бюллетень заседаний комиссии, что и речи ранее выступавших свидетелей».

Вся эта риторика Фэриша с единственной целью—выйти сухим из воды—не произвела особого впечатления ни на Боуна, ни на членов специально созданной Рузвельтом комиссии по вопросам производства дефицитного для США синтетического каучука. Кстати, во главе комиссии стоял известный сенатор Бернард Барух. Заседание комиссии проходили в несколько необычной обстановке: ее члены в сорочках с короткими рукавами, без галстуков, обычно располагались на садовых скамейках площади Лафайет, то и дело обмахиваясь носовыми платками—душное лето в Вашингтоне! В центре живописной группы, удобно откинувшись на спинку скамьи, сидел сам Барух, неторопливо излагая сенаторам свой план выхода из острого «резинового кризиса» и бросая хлебные крошки слетавшимся к его ногам голубям.

12 августа с опровержением обвинения Старнса выступил Ричард Дирборн, представитель федерального агентства «Раббер резерв компани», которое ведало вопросами производства и распределения синтетического каучука. Его показания, впрочем, едва ли можно отнести к разряду объективных, ведь он тесно сотрудничал со «Стандард ойл» и «Тексас компани». Затем перед членами комиссии снова предстал Джон Джэкобс, на этот раз в форме рядового американской армии (он лишь накануне надел погоны). Джэкобс рассказал, что по договору с «И. Г. Фарбениндустри» «Стандард ойл» преднамеренно сократил производство метанола, использовавшегося иногда в качестве горючего и весьма ценного в условиях нехватки бензина.

Кульминационным моментом расследования стало заседание комиссии Боуна 20 августа, когда ее члены имели счастье лицезреть Фэриша и Говарда. Последний заученно отбарабанил традиционные доводы о том гигантском вкладе, который концерн вносил в эффективность военных усилий США, снабжая вооруженные силы горючим, синтетическим каучуком и множеством других материалов, без которых ни один самолет, автомобиль или военный корабль не сдвинулись бы с места. Говард попросил членов комиссии обратить внимание на следующий важный факт: лабораторные исследования масел, горючего и резины сбитых вражеских самолетов показывают, что фашистская Германия «в незначительной степени» пользовалась обменом информации с американскими корпорациями. Он, правда, не объяснил, как получил доступ к сбитым самолетам, а главное, как удалось установить качество и состав горючего самолетов, от которых остались лишь обгоревшие обломки.

Крикмор Фат, привлеченный комиссией Боуна в качестве эксперта, попытался подробнее расспросить Фэриша о поставках «Стандард ойл» авиационного бензина бразильским авиалиниям, принадлежащим нацистам. «По условиям ленд-лиза ваша компания, как и все остальные, должна была всемерно помогать союзным странам. Тогда в чьих, по-вашему, интересах действовал «Стандард ойл», поставляя горючее нацистской компании «Л. А. Т. И.», — в интересах Соединенных Штатов или Его Величества Доллара?» — съязвил он. «Я действовал по указанию Его Величества государственного Департамента, — не задумываясь парировал Фэриш. — Может быть, вы и его патриотизм ставите под сомнение?»

Подобным перепалкам между Фатом, с одной стороны, Фэришем и Говардом — с другой, не было конца. В процессе изнурительного для обеих сторон расследования Фат неоднократно уличал Фэриша в откровенной лжи. В ответ на негодующие реплики Фэриша Боун, желая восстановить порядок, как-то в сердцах заметил: «Вы разве не знаете, что в суде сначала должен быть выслушан истец?», на что Фэришотреагировал мгновенно: «Так вы рассматриваете слушание в сенатской комиссии как судебное разбирательство?»

Словесные дуэли мало впечатляли Боуна, хотя он и пытался положить конец бесплодной перепалке. «„Стандард ойл“, что и говорить, мощный концерн, — примирительно заметил он, — но это не означает, что ему позволительно вводить в заблуждение американский народ, во всяком случае, пока я жив, этому не бывать! Вы сами знаете, насколько беспочвенны все доводы

вашей и других гигантских корпораций о том, что конгресс пытается парализовать и подчинить себе их деятельность. Вы лучше нас знаете, что это не так. Никто не сумеет тягаться с вами — крупнейшей в мире нефтяной компанией».

Разраставшаяся лавина скандальных фактов, выявленных в ходе расследования, достигла близких Тигла и Фэриша. Сыновья Фэриша, служившие в американских ВВС, неоднократно слышали упреки в том, что их папочка снабжает горючим немецкие самолеты, которые каждый день уносят жизни служивших бок о бок с ними ребят. Жен этих двух крупных дельцов прежние подруги по светским дамским клубам перестали узнавать. Не говоря уже о том, как неуютно чувствовали себя Тигл и Фэриш на общих собраниях акционеров концерна, недовольных падением прибылей, ибо традиционные партнеры сторонились «Стандард ойл», снискавшего столь дурную славу. В порыве отчаяния члены совета директоров решили прибегнуть к услугам знаменитого Эрла Ньюсома, специалиста по коммерческой рекламе, надеясь, что его профессионализм сотворит чудо и поднимет престиж концерна в глазах американцев. Джон Рокфеллер не хотел обжечься о пламя скандала, бушевавшего вокруг принадлежавшего ему концерна. Джон и после продолжительных бесед с Фэришем и Тиглом занял позицию стороннего человека — он якобы и не подозревал, что конкретно предприняло руководство его компании, налаживая сотрудничество с фашистской Германией. На бесчисленных пресс-конференциях Фэриш не уставал твердить о том вкладе, который внес «Стандард ойл» в увеличение военного потенциала США... Но ничто не смогло отвести или ослабить тот роковой удар, который был нанесен прежде всего самому Фэришу деятельностью сенатской комиссии Боуна. Он был сломлен, как, впрочем, и Тигл. Их теперь редко видели даже на заседаниях совета директоров. Стрессовое состояние оказалось столь тяжким, что оба потеряли интерес к охоте, она больше не доставляла им удовольствия. Усталанные коврами коридоры роскошного здания на Рокфеллер-плаза редко оглашал раскатистый бас Тигла, выветрился запах его сигары. Что и говорить, Трумэну, Боуну и Арнольду удалось нанести Тиглу глубокую, если не смертельную рану.

29 ноября, отметив День благодарения¹ в Нью-Йорке, Фэриш с семьей отправился в свой любимый «охотничий домик», недалеко от Милбрука, штат Нью-Йорк. Весь

¹ День благодарения — официальный праздник в США в память первых колонистов Массачусетса, празднуется в последний четверг ноября.

день он бродил по осеннему лесу, готовому вот-вот сбросить сухую как пергамент листву, не в силах надышаться необыкновенно чистым после нью-йоркской гари воздухом. Он совершал эту прогулку в одиночестве, и никто не видел ни необычайной бледности его лица, ни сведенных к переносице бровей, ни усталости в каждом движении... Ночью около двух часов Фэришу вдруг стало плохо. Срочно послали за врачом. Через полчаса он признался жене, что чувствует сильную боль в руке, а через несколько минут его сердце остановилось. Заупокойную мессу отслужили в Сент-Джеймском епископальном соборе в Нью-Йорке три дня спустя, а похоронили Фэриша в Хьюстоне.

На траурную церемонию съехались многие близкие ему и его делу люди: Тигл, новый председатель правления концерна Ральф Галлагер, Альфред Слоан из «Дженерал моторс» и президент «Нэшнл сити бэнк» Уильям Брэди. Был здесь, конечно, и Фрэнк Говард. Одним словом, выстроился почетный караул — «братство» бизнеса отдавало последнюю дань уважения одному из самых видных своих членов. Гарольд Икес, не один день потративший на разоблачение деятельности Фэриша, готового сотрудничать с нацистами ради узкокорыстных интересов концерна, счел возможным отреагировать на смерть Фэриша довольно лицемерным некрологом:

«Узнав о смерти мистера Фэриша, я испытал ощущение большой потери. Он был деятельным членом многих правительственных комиссий и военного совета по нефти с момента их создания, отдавая этой работе свои знания, опыт, невероятное трудолюбие, движимый как истинный патриот сознанием необходимости сделать все, но выполнить правительственную программу по мобилизации нефтяных ресурсов для нужд обороны, а с началом войны — для приближения победы. Подчас эти задачи требовали от мистера Фэриша, как главы концерна, немыслимого напряжения и вынуждали отказываться от шагов, в иное время логичных в конкурентной борьбе. Для дела осуществления правительственной военной программы по нефти — это трудно восполнимая утрата».

Страсти вокруг «Стандард ойл» продолжали кипеть, сталкивались характеры, политические симпатии и антипатии, а концерн не менял ни стратегии, ни тактики, действуя чрезвычайно активно в прежнем русле. 8 августа 1942 года один из филиалов концерна «Вест Индиа ойл компани» продал в Буэнос-Айресе нефть связанной с нацистами «Компания Аргентина комерсиаль де паскериа» с согласия министерства финансов США. Сделку санкционировали в соответствии с законом американское

посольство в Аргентине и госдепартамент, а кроме того, члены совета по нефти в Вашингтоне, регулярно получавшие денежное вознаграждение от «Стандард ойл».

24 августа первый секретарь американского посольства в Панаме написал госсекретарю Корделлу Хэллу письмо, начало которого смахивало на газетный заголовок: «Подозрительная переписка,—возможен контроль стран «оси» над патентами на горючее!» Оказывается, в руки местного почтового цензора попало письмо некоего Мигеля Брауна, гражданина Коста-Рики, изобретателя нового вида горючего, названного им в свою честь браунитом. В письме, адресованном Фрэнку Говарду и Г. Макларину из руководства «Стандард ойл», он предлагал концерну приобрести патент на это изобретение. Но самое любопытное заключалось в том, что Браун одновременно являлся секретарем и казначеем компании «Кемнико», нью-йоркского филиала «И. Г. Фарбениндустри», занесенного в «черный список» с начала войны. Перехвачено было и ответное письмо Фрэнка Говарда, в котором он высказал крайнюю заинтересованность этим предложением и просил как можно скорее начать конкретные переговоры.

28 августа, то есть через четыре дня после описываемых событий, сотрудник аппарата американского торгового советника в Аргентине подписал разрешение на продажу филиалом «Стандард ойл» нефти аргентинскому отделению «И. Г. Фарбениндустри», которое также числилось в «черном списке».

Осенью 1942 года стало очевидно: Германия испытывает острейшую нехватку горючего¹. Из-за плохих погодных условий транспортировка нефти танкерами и автоцистернами оказалась затруднительной. В Северной Африке генерал Бернард Монтгомери разбил немцев под Эль-Аламейном, Советская Армия осуществила успешные наступательные операции против нацистских армий².

¹ Автор преувеличивает, утверждая, что осенью 1942 г. Германия испытывала «острейшую нехватку горючего». В то время она использовала почти всю нефть, добываемую в странах-сателлитах — Румынии и Венгрии. Кризис с топливом в Германии возник после того, как в результате нового наступления Советской Армии летом 1944 г. она полностью утратила доступ к крупным нефтепромыслам в Румынии.

² Попытка автора приравнять значение событий на советско-германском фронте и в Северной Африке осенью 1942 г. беспочвенна. В сражении под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 г.), выигранном английскими войсками, немецко-итальянская танковая армия «Африка» потеряла 55 тыс. человек, 320 танков и около 1 тыс. орудий. Советская же армия только в ходе контрнаступления под Сталинградом (19 ноября 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) нанесла фашистскому блоку несравнимые потери. Он лишился 800 тыс. человек, до 2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. самолетов.

В этой ситуации роль нейтральной Швейцарии в глазах гитлеровского командования чрезвычайно возросла. На словах сочувствуя союзникам, правительство этой страны на деле оказывало неоценимые услуги Гитлеру, позволяя транспортировать через свою территорию сырье в Германию, а оттуда вывозить точные приборы и станки. Нацисты использовали Швейцарию как «нефтяной путь» во Францию, которая с середины ноября 1942 года была ими полностью оккупирована. Зная все это, преданные интересам родины американские компании, связанные с европейским рынком, делали все возможное, чтобы перекрыть нефтяное русло, по которому из Румынии и Венгрии через Швейцарию текла нефть, как воздух необходимая нацистской военной машине. Горючее, полученное из этой нефти, использовалось для заправки гитлеровских военных грузовиков, бронемашин и танков. Но Фэриш не обременял себя патриотическими чувствами точно так же, как и Форд, который поставлял врагу грузовики.

Швейцарское отделение «Стандард ойл» поддерживало постоянный контакт со штаб-квартирой концерна на Рокфеллер-плаза в Нью-Йорке. Было принято решение не оформлять это отделение как самостоятельное юридическое лицо, поскольку Швейцария в войне оставалась нейтральной. В начале ноября 1942 года Генри Хенгглер и Давид Дювюзэн, руководившие отделением «Стандард ойл» в Берне, явились с визитом в американскую дипломатическую миссию, где встретились с ее главой Леландом Гаррисоном и торговым атташе Дэниелом Риганом. Бизнесмены просили разрешения госдепартамента на продолжение перевозок нефти из Румынии, где ее добывали из скважин, проданных или сданных в аренду в свое время «Стандард ойл» нацистам. Нефть предполагалось перевозить в автоцистернах через Швейцарию для использования, в числе других, германским и венгерским посольствами.

В соответствии с инструкцией госдепартамента от 10 июля 1942 года Гаррисон и Риган имели полномочия решать подобные вопросы по собственному усмотрению, руководствуясь положениями президентского указа № 8389, регламентировавшего торговлю с противником. Установившаяся практика, однако, требовала, чтобы сотрудники любой американской дипломатической миссии в случае обращения к ним с подобной просьбой, прежде, чем дать согласие, запрашивали мнение Дина Ачесона и Моргентау.

Эта встреча в американской миссии проходила в самой сердечной атмосфере. Гаррисон и Риган пообеща-

ли, что сразу же свяжутся с Вашингтоном, а Хенгглеру и Дювузэну посоветовали, не теряя времени, заручиться согласием швейцарских властей. Представители «Стандард ойл» так и поступили и услышали, изложив свою просьбу, типично швейцарский ответ: «Прежде всего, джентльмены, мы должны исходить из нашего национального законодательства. Статья 273 Уголовного кодекса гласит, что всякий, кто торгует с подданными той страны, против которой его государство ведет войну, может быть приговорен к тюремному заключению». Швейцарские чиновники посоветовали американским джентльменам, как обойти законы их страны: «Стандард ойл» должен хранить в тайне названия компаний, которым собирается поставлять продукцию. В этом случае швейцарские власти будут избавлены от необходимости возбуждать уголовное дело.

Дэниел Риган 4 ноября направил Дину Ачесону письмо с просьбой разрешить эту сделку. Поскольку швейцарские власти не вправе ее санкционировать, подчеркивал он, разрешение должно исходить непосредственно из Нью-Йорка.

«„Стандард ойл“, — писал Риган, — просит вашего согласия на транспортировку и хранение в Швейцарии бензина и горючих масел, импортируемых для использования нацистской и венгерской дипломатических миссий. Цистерны с нефтью, перевезенные по контролируемым странами «оси» железным дорогам, «Стандард ойл» получит на одной из швейцарских железнодорожных станций. Американские и британские нефтяные компании находятся в зависимом от противника положении из-за поставок нефти, импортируемой швейцарским синдикатом «Петрола». Распоряжение концерну «Стандард ойл» прекратить обслуживание вражеских миссий может послужить лишь поводом для отказа противника от разрешения американским компаниям участвовать в распределении нефти, которую добывают на подвластной ему территории¹. При этом надо иметь в виду, что дипломатическая миссия США в Швейцарии отапливается углем, а посольские машины заправляются бензином, купленными у противника. Кроме того, если «Стандард ойл» прекратит доставку горючего и других нефтепродуктов миссиям вражеских стран, его место тут же займет неамериканская компания — без всякого ущерба для потребителей. Одним словом, настаивать на подобных мерах неразумно, ибо они неизбежно повлекут ответные репрессивные меры против всех американских и британских

¹ Курсив автора.

нефтяных компаний. В силу изложенных выше причин миссия США в Берне рекомендует выдать «Стандард ойл» разрешение продолжать такого рода торговую деятельность».

В том же письме Риган просил разрешение выплачивать ежемесячную зарплату немецкому служащему бернского отделения концерна с имевшегося у него в Швейцарии клирингового счета. Далее он сообщал, что «Стандард ойл» по-прежнему принадлежит на Рейне баржа «Эссо-4», находящаяся с самого начала войны в распоряжении гитлеровцев, причем ДАПГ, немецкий филиал концерна «Стандард ойл», платит в Нью-Йорк за пользование этой баржей. Что касается принадлежащих концерну барж «Пико-I» и «Пико-II», то они регулярно перевозят по Дунаю грузы для Круппа, «И. Г. Фарбениндустри» и других нацистских компаний, а «Стандард ойл» получает за это деньги, выплачиваемые нацистами через ДАПГ.

Особое внимание в письме было уделено некоему Жану Инглесси. Он занимал ответственный пост в парижском отделении «Стандард ойл» во время нацистской оккупации, оставаясь также членом совета директоров филиала «Стандард ойл» в Лозанне (Швейцария). Риган настаивал, чтобы Инглесси и впредь сохранял оба поста.

Далее Риган ходатайствовал перед госдепартаментом о предоставлении концерну «Стандард ойл» официального разрешения на перевозки принадлежащих ему цистерн нефти по железным дорогам оккупированной Франции в Швейцарию. Несколько таких цистерн уже было предоставлено в распоряжение немецкой армии и застраховано швейцарским страховым агентством на случай непредвиденных обстоятельств в военное время. «Стандард ойл» стремился заручиться поддержкой госдепартамента и заставить швейцарские власти потребовать у нацистов возмещения ущерба — цистерны были повреждены во время бомбежки английской авиацией.

26 декабря 1941 года Джон Вайнант, посол США в Лондоне, обсуждал этот вопрос с министром финансов Великобритании сэром Кингслеем Вудом. Все взвесив, ответственные представители стран — союзниц в войне против нацистской Германии не решились прекратить экономическую помощь врагу. Мастерски воспользовавшись дипломатической риторикой, они признали, что «предпочтительней», разумеется, было бы, если бы швейцарская, а не американская компания занималась поставками горючего дипломатическим миссиям стран «оси», но, если все останется по-прежнему, тоже не страшно. Самое главное — «избежать риска спровоцировать противника,

подняв этот вопрос». Стороны пришли к следующему выводу, о котором Вайнант тут же сообщил в Вашингтон:

«Посольство США разделяет мнение британского правительства о том, что в данный момент не следует ломать установившийся порядок вещей и предпринимать шаги, которые едва ли негативно отразятся на положении Германии, а только усугубят тяжелое положение союзников и лишат перспективы деятельность американских и британских нефтяных компаний».

Дух потворства коллаборационизму бизнесменов с врагом восторжествовал. Американский посол и британский министр согласились с тем, что служащий-нацист будет получать зарплату из американского кармана. Плату за аренду нацистами речных барж было решено по-прежнему перечислять крупнейшему американскому концерну. Жан Инглесси может, как и раньше, занимать руководящий пост в отделении концерна с условием, что он не будет постоянно проживать в оккупированной Франции. Наконец, «Стандард ойл» получит официальное разрешение от соответствующих ведомств на переговоры с Францией через отделение «Чейз нэшнл бэнк» в Париже для истребования возмещения ущерба, нанесенного концерну. (Во время бомбежки взорвались железнодорожные цистерны, принадлежащие «Стандард ойл».)

29 декабря посольство США в Лондоне направило в Вашингтон ходатайство об удовлетворении всех поданных заявок на торговлю с врагом.

Дела были переданы на рассмотрение Моргентоу. Под сильным нажимом со стороны госдепартамента он санкционировал почти все сделки, но наотрез отказался разрешить «Стандард ойл» и впредь поставлять топливо дипломатическим миссиям стран «оси». Однако ему пришлось согласиться, чтобы поставки продолжались, пока их не возьмет на себя какая-нибудь швейцарская компания.

28 января Гаррисон в резкой форме выразил несогласие с этим решением, повторяя привычный довод о том, что «крайне опасно провоцировать противника», однако взял на себя заботу подыскать швейцарскую фирму, готовую стать преемницей американского концерна.

Результатом бумажной волны, поднятой по всем этим вопросам причастными к делу ведомствами, явилось то, что «Стандард ойл», как и раньше, снабжал горючим противника, а в обмен получал топливо и бензин для американской дипломатической миссии, и продолжалось это до середины 1943 года.

Торговля с врагом шла бойко не только на европейском рынке, но и в Латинской Америке. 5 марта 1943 года

«Стандард ойл» получил разрешение от госдепартамента на покупку у одной из контролируемых нацистами корпораций большой партии специального оборудования. 22 марта юрисконсульту адвокатской конторы в Рио-де-Жанейро, занесенному в «черный список», «Стандард ойл» перевел 3668 долларов «за услуги». Практически каждый раз, когда концерн обращался к госдепартаменту и министерству финансов с просьбой о разрешении на торговлю с контролируемыми противником компаниями, ответ был положительным. 21 апреля Дювузэн отправил в Цюрих телеграмму, подтверждающую отправку 16,7 тонны горючего нацистам. Телеграмму перехватила цензура и срочно передала всем подразделениям разведки... но никакой реакции не последовало.

1 июня 1943 года И. Стоун, корреспондент журнала «Нэйшн» (кстати, ничего не подозревавший о приведенной выше переписке между представителями правительственных органов США по поводу «Стандард ойл», ибо все эти документы были рассекречены только в 1981 году), опубликовал отчет о торжественном обеде, устроенном руководством концерна для акционеров концерна в Флемингтоне (штат Нью-Джерси). Репортер не без юмора описывал, как Ральф Галлагер, преемник Уолтера Тигла на посту председателя совета директоров, пытался отбиться от возмущенных акционеров, в основном почтенных и патриотически настроенных потомков первых американских колонистов, желавших знать правду о сотрудничестве концерна с флагманом нацистской экономики — «И. Г. Фарбениндустри». Галлагер приготовил «веские» аргументы против подобных нападок. Он продемонстрировал собравшимся двух молчаливых молодых людей, случайно уцелевших после того, как нацистские подводные лодки по недоразумению пустили на дно два танкера «Стандард ойл». На этом основании акционерам по сценарию Галлагера был задан риторический вопрос: можно ли ставить под сомнение патриотизм компании, принесшей на алтарь борьбы с фашизмом жизнь трехсот своих людей? «Цинизм Галлагера, — писал в своем репортаже корреспондент, — вызвал у меня легкую дурноту».

Затем слово взял Джеймс Джерард, бывший посол США в Германии, и заверил всех присутствующих, что ему ни разу за все время пребывания на своем посту не доводилось слышать о каких-либо американско-германских контактах. В искренности почтенного старца никто не мог усомниться, но лишь немногие из присутствующих знали: выступавший покинул Германию в 1915 году — за десять лет до создания концерна «И. Г. Фарбениндустри».

Это из ряда вон выходящее застолье увенчали слова

Ральфа Галлагера, произнесшего без тени смущения: «Мы никогда не связывали себя с «И. Г. Фарбенинду-стри» какими-либо картельными соглашениями». При этом, как признается своим читателям издавший виды корреспондент влиятельного журнала, он вновь почувствовал, что вот-вот упадет в обморок.

Вместе с тем всего лишь восемь дней спустя представитель «Стандард ойл» в Венесуэле получил секретное распоряжение продолжать торговлю нефтью (общим объемом 13 тыс. тонн ежемесячно) с компанией Густава Зинга¹ и тремя другими корпорациями, также внесенными в «черный список».

15 июня того же года временный поверенный США в Венесуэле направил Корделлу Хэллу документ, содержание которого в условиях войны вызывает по меньшей мере недоумение. Это было не что иное, как перечень сделок, заключенных американскими компаниями и корпорациями с фирмами и частными лицами, внесенными в «черный список»(!) Остается добавить, что такие перечни ежемесячно направлялись в госдепартамент на протяжении всей войны.

Из докладной записки, поступившей в госдепартамент из Каракаса (Венесуэла) в августе 1943 года, следует, что венесуэльский филиал «Стандард ойл» добился права на торговлю еще с пятью местными компаниями из числа внесенных в «черный список», доставляющих нефть в Арубю для отправки в фашистскую Испанию.

Ни одна из этих преступных сделок никогда не была предана гласности — об этом позаботились прежде всего верховные власти, засекретив все документальные свидетельства подобных махинаций более, чем на сорок лет. Все же Ральфу Галлагеру и Уолтеру Тиглу не удалось спрятать концы в воду. Вскоре широкую огласку получил факт о поставках нефти в Испанию после начала второй мировой войны, причем оплачивались они из активов франкистского режима, хранившихся в Федеральном резервном банке США и специально размороженных с этой целью. В то же время деньги, находившиеся на счетах республиканцев в Банке Англии, Банке Франции и БМР, были переданы нацистам.

Надо сказать, что фашистская Испания не была конечным адресатом: американская нефть следовала далее в Гамбург. В то время когда в США ощущался острейший дефицит горючего, американские компании

¹ С фирмой Зинга Нельсон Рокфеллер на протяжении длительного времени был связан договорами об аренде оборудования.— *Прим. авт.*

перекачивали в Испанию нефти больше, чем ее поступало потребителям в США.

Первым забил тревогу американский посол в Мадриде Карлтон Хейс, заявивший 26 февраля 1943 года, что «на душу населения в Испании приходится значительно больше нефтепродуктов, чем в данный момент на каждого из жителей Атлантического побережья Соединенных Штатов». Это заявление привлекло внимание печати. Газета «Нью-Йорк таймс» обратилась к пресс-секретарю Корделла Хэлла с просьбой его прокомментировать. Он, глазом не моргнув, заявил: нефть в Европу поступает из стран Карибского бассейна, а не из США, и перевозится испанскими танкерами. Пресс-секретарь счел нужным умолчать и о том, что при содействии коллаборационистов американская нефть переправлялась также в Виши и во французские владения в Вест-Индии.

Посол Хейс в Мадриде признал: объем ввозимого из Америки бензина и нефтепродуктов равноценен полной грузоподъемности испанского танкерного флота. Он, правда, при этом не сказал о том, что большая часть этого флота постоянно курсировала между Испанией и Германией, снабжая топливом немецкие посольства, консульства, военные объекты, подвозя горючее для заправки танков и бронемашин, а также перевозя личный состав на Восточный фронт, помогая таким образом гитлеровцам в войне против Советской России, союзницы США.

Противника снабжали не только нефтью. В 1943 году американские компании продали франкистам 25 тыс. тонн сульфата аммония и 10 тыс. тонн хлопка, несмотря на то, что нехватка этих товаров ощущалась в Соединенных Штатах.

26 февраля 1943 года в газете «Нью-Йорк таймс» появилась статья известного экономиста Генри Уолдмена. Он писал: «Итак, мы представляем собой нацию, оказывающую активную экономическую помощь противнику, с которым ведем войну, но и это еще не вся правда. Устами посла своей страны мы заявляем, что готовы продолжать и даже расширять эту помощь... Испания — наш противник, а мы не устаем печься о решении ее проблем!..»

Вынужденный реагировать на подобную критику, помощник госсекретаря Сэмнер Уэллес заявил 11 марта: «Правительство США и Великобритании получили заверения, что немцам не достанется ни капли американской нефти». Он не потрудился уточнить, что «заверения» исходили от... Франко и потому верить им смешно и непростительно.

Нефтяная река не мелела. 22 января 1944 года заместитель госсекретаря Дин Ачесон в радиопередаче Эн-би-си, озаглавленной «Говорит госдепартамент», заявил: «США вынуждены продавать Испании нефть, поскольку это предусмотрено комиссионным соглашением, достигнутым с нейтральными странами в ответ на их обещание воздерживаться от поставок противнику необходимых ему товаров».

В течение ближайшей недели вскрылись новые факты о помощи врагу. Опираясь на них, Гарольд Икес, несмотря на противодействие со стороны Дина Ачесона, добился принятия президентом Рузвельтом решения о временном прекращении поставок нефти в Испанию. Икес предусмотрительно подобрал целое dossier, из которого явствовало, что нефть из Испании попадала прямо в Германию, что на испанской территории беспрепятственно действовали немецкие агенты, а Франко недавно предоставил фашистской Германии кредит в размере 400 млн. песет. Лишь одного этого кредита было достаточно Гитлеру, чтобы купить столько нефти, сколько ему необходимо, а также стратегически важный материал — вольфрам.

Все это было, конечно, прекрасно известно госдепартаменту задолго до того, как Икес сделал решительный шаг. Однако никто там никогда и не думал предпринимать что-либо подобное. Всплывшая на короткое время правда о поставках в Испанию вынудила официальные органы США ввести в практику досмотр судов, шедших под испанским флагом. Обнаружилось, что везли они нефть, платину, промышленные алмазы и большое количество аргентинского печеночного экстракта — тонизирующего средства для пилотов, экипажей подводных лодок и десантников. Разрешения, полученные от американских властей, помогали им благополучно избежать задержания английскими патрульными судами.

28 января 1944 года правительство Великобритании сумело, наконец, добиться прекращения поставок нефти, бензина и других нефтепродуктов в Испанию. Возмущению Франко не было предела. Дин Ачесон дипломатично хранил молчание.

Справедливость торжествовала недолго. Очень скоро карантин был снят: уже 2 мая 1944 года нефтяное лобби выиграло сражение — поставки горючего и вольфрамовой руды в Германию были возобновлены. Правда, Корделл Хэлл уговорил генерала Франко выслать нацистских агентов из Испании, Танжера и испанских районов Северной Африки. Хотя формально Франко и внял этим робким мольбам, на деле он, как и прежде, сквозь пальцы смотрел на немецких шпионов, ни на минуту не прекра-

щавших свою деятельность под уютной сенью дипломатических представительств Германии, ибо мысль разорвать с ней дипломатические отношения не приходила ему в голову, даже когда крах нацизма стал вопросом дней и часов. Фашистская Германия снова стала получать ежемесячно 48 тыс. тонн американской нефти и 1100 тонн вольфрама.

19 сентября 1944 года в интервью вице-президента «Стандард ойл» Р. Хэслема газете «Нью-Йорк таймс» промелькнула любопытная фраза, оставшаяся, впрочем, незамеченной. В Германии сравнительно недавно началось производство высокооктанового бензина, эквивалентного американскому. «Производится он немцами пока, правда, в небольших количествах».

13 июля 1944 года глава «Стандард ойл оф Нью-Джерси» Ральф Галлагер предъявил от имени компании правительству США¹ иск с требованием возратить принадлежавшие ей ранее акции некоторых предприятий и солидный пакет акций и патентов, переданный в свое время Фрэнку Говарду в Гааге представителем «И. Г. Фарбениндустри» Ф. Ригером. Юрисконсульт этого немецкого концерна Август фон Книрим прибыл из Германии как свидетель обвинения. Надо было видеть выражение лица Галлагера, когда на пороге зала заседаний показался барон фон Книрим! Кто-кто, а он знал лучше всех: Книрим может вскрыть всю подноготную связей руководства американского концерна с нацистами.

Наконец 7 ноября 1945 года судья Чарльз Визански зачитал решение окружного суда, предписывавшее конфисковать все переданные «Стандард ойл» немецкие патенты в пользу государства. Галлагер обжаловал решение.

22 сентября 1947 года судья Чарльз Кларк произнес в Верховном суде последнюю речь по этому делу. Он сказал: «Тот факт, что «Стандард ойл» сохранял с «И. Г. Фарбениндустри» тесные связи после вступления США в войну против Германии, позволяет считать этот концерн врагом нации». Апелляция была отклонена.

¹ Точнее: управлению по охране секвестрованной иностранной собственности.

Компании, которые, казалось бы, выступали противниками «братства», на самом деле были связаны с ним тысячью невидимых нитей. Одним из наиболее серьезных конкурентов «Стандард ойл оф Нью-Джерси» в торговле с Германией нефтью была компания, названная по имени ее владельца Родса Дэвиса,— «Дэвис ойл компани». Дэвис поддерживал тесные связи с Герингом и Гиммлером. Его старым деловым партнером был председатель правления «И. Г. Фарбениндустри» Герман Шмиц, с которым он встретился когда-то в доме общих друзей, американцев немецкого происхождения, братьев-близнецов Вернера и Карла фон Клемм (приходившихся, кстати, кузенами супруге гитлеровского министра иностранных дел фон Риббентропа). Заботы о финансовой стороне этого сотрудничества в течение многих лет лежали на «Нэшнл сити бэнк».

Братья фон Клемм, получившие американское гражданство в 1932 году, были фанатично преданы своей «фатерланд». Решив расширить дело, они воспользовались приемом, почерпнутым из богатого опыта клана Ротшильдов и весьма типичным для нацистских деловых кругов: один из братьев остался во главе семейного дела в Берлине, другой—возглавил его филиал в Нью-Йорке. Они были связаны с банками Шрёдеров, поскольку состояли в правлениях нескольких компаний по обе стороны океана, одна из которых наряду с «И. Г. Фарбениндустри» финансировала филиал «Дженерал моторс» в Германии.

Братья фон Клемм через принадлежавший Курту фон Шрёдеру Банк Штейна оказывали неоценимую финансовую помощь гестапо. Другая нить, связывавшая фон Клеммов с «братством»,—сотрудничество с «Фёрст нэшнл бэнк оф Бостон»—банком—корреспондентом БМР. Фон Клеммам не давала покоя идея: употребив свое немалое влияние, разблокировать немецкие активы в этом банке с тем, чтобы использовать их для сооружения близ Гамбурга крупного нефтеочистительного предприятия, продукцией которого будут пользоваться военно-воздушные силы Геринга, а также «И. Г. Фарбенинду-

стри» и европейский филиал компании Дэвиса «Евро-танк». Предполагалось, что во главе нового предприятия встанет Карл фон Клемм. Строительство этого крупного предприятия по производству авиационного бензина и других нефтепродуктов должно было пробить еще одну брешь в наложенных на Германию оковах Версальского мира и обеспечить горючим так называемую «черную люфтваффе» — военно-воздушные силы Германии, которые тайно создавались для войны за мировое господство.

Однако для пуска нефтеочистительного завода нужна была прежде всего нефть, поэтому братьям фон Клемм срочно понадобился американец, готовый ее поставлять — иными словами, сотрудничать с фашистами. Долго искать не пришлось. Самым подходящим человеком, всегда готовым пойти на авантюру, не страдающим особой щепетильностью и не обременяющим себя патристическими чувствами, был не кто иной, как их давний приятель — Уильям Родс Дэвис. С 1926 по 1932 год Вернер фон Клемм вкладывал гигантские средства в финансирование его неизменно неудачных афер в области разведки нефти и многие другие махинации, связанные с бесстыдным обманом, подкупом и мошенничеством.

Внешнее уродство Дэвиса с лихвой компенсировалось качествами, необходимыми удачливому бизнесмену, которыми природа наделила его с истинно королевской щедростью. Язык у Дэвиса был хорошо подвешен: начав говорить, он мог без труда убедить любого отчаянного скептика в том, что свежесмысленная стена, напротив, черного цвета. Его речь изобиловала прилагательными — и только в превосходной степени. Ни разу в жизни он не опустил рук, не отступился, услышав в ответ «нет». Родился Дэвис на Юге США, в Монтгомери, штат Алабама, в 1889 году. На школьной скамье он едва усидел до шестнадцати лет и поспешил оставить родное гнездо. Какая-то добрая душа пристроила его уличным продавцом шоколада и мороженого. Но мальчик уже тогда твердо знал, чего он хочет: будучи без ума от паровозов, поездов и рельсов, устроился сначала кондуктором, затем кочегаром и, наконец, машинистом на железных дорогах юго-западных штатов. Жестоко изувечившее на всю жизнь крушение положило конец его карьере железнодорожника.

В больнице он не задержался. С негнущейся ногой, обезображенным лицом, но несломленный, Дэвис решил подзаработать на своем уродстве и... поступил клоуном в цирк-шапито. Неприятная и жестокая публика умирала со смеху, глядя, как танцует калека Дэвис. Но вскоре этот номер приелся зрителям. Одобрительный

свист смолк, а в клоуна полетели тухлые яйца. Дэвис покинул арену, устроившись кочегаром, а затем машинистом на грузовой пароход, надолго увезший его от берегов Америки.

Вернувшись на родину, он решил попытать счастья в модном тогда нефтяном бизнесе, где, по рассказам, становились миллионерами, едва успев пробурить первую скважину. Но ни одна из его афер—а он в силу природных склонностей предпочитал именно этот путь—не удалась, более того, несколько раз он представлял перед судом по обвинению в мошенничестве. И неизменно находились люди, готовые ему поверить и финансировать очередную махинацию, не столько в силу простодушия, сколько благодаря необыкновенному дару Дэвиса—вызывать на первых порах полное доверие. Туман обаяния скоро рассеивался, чему весьма способствовал неизбежный финансовый провал, и очередной прозревший партнер подавал на Дэвиса в суд. А тот вновь выходил сухим из воды. Авантюрист продавал давно заброшенные нефтяные скважины, спекулировал на бирже, создавал бесконечные липовые компании, лопавшиеся как мыльные пузыри, разоряя доверчивых акционеров.

В итоге в 1926 году он оказался беден как церковная крыса. В этот момент появились близнецы фон Клемм, сыгравшие в его жизни роль доброй феи—правда, не такой бескорыстной, как волшебница из сказки. Они, без преувеличения, спасли Дэвиса и от сумы, и от тюрьмы. Неудивительно, что до конца дней своих он остался верен делу исповедовавшегося братьями национал-социализма. Растущая прямо на глазах мощь Германии, щедро финансируемой американскими банками, Германии, униженной и возродившейся из нищеты, действовала на Дэвиса гипнотически. Его восхищала нация голубоглазых здоровяков в униформе со свастикой и светловолосых жизнерадостных ариек, ни в чем не сомневающих и готовых плодить себе подобных. Эта страна производила на Дэвиса впечатление воплощенного здоровья по сравнению с больной, серой, в бесконечных хлебных очередях Америкой периода Великой депрессии¹.

¹ Великая депрессия—самый тяжелый за всю историю капитализма мировой экономический кризис 1929—1933 гг., который, разразился с наибольшей и разрушительной силой в США и распространился затем на другие капиталистические страны западного полушария, Европы и Азии. За годы кризиса в США потерпели крах около 136 тыс. коммерческих и промышленных фирм, 10 тыс. банков, разорилось свыше одного миллиона ферм, армия безработных достигла 17 млн. человек. (См.: Новейшая история стран Западной Европы и Америки 1918—1939 гг. М., 1959, т. I, с. 283—291.)

Получив согласие гитлеровского руководства на создание компании «Евротанк», Дэвис уверовал окончательно в свою звезду. Перед ним замаячила перспектива, которая раньше и не снилась: теперь, имея несколько буровых — по милости братьев фон Клемм — да деньги, обещанные нацистами, нефтедобычу можно поставить на широкую ногу!

Однако, имея дело с фашистской Германией, необходимо было заручиться персональным одобрением фюрера. С этой целью в 1933 году Дэвис отправился в Берлин. Остановился он в отеле «Адлон». Вскоре Карл фон Клемм устроил прием, чтобы ввести своего американского партнера в круг немецких членов «братства» и познакомиться с Куртом фон Шрёдером, Германом Шмицем и другими. Взаимные симпатии упрочились тут же, стоило Дэвису войти в зал и поднять руку в традиционном нацистском приветствии.

На следующее утро в дверь его номера постучались. Открыв, он увидел на пороге двух офицеров гестапо из числа приближенных Гимmlера. Они вручили Дэвису письмо от Гитлера. Какая честь для бывшего кочегара и торговца с лотка! Сладостный сон оборачивался реальностью. Письмо содержало просьбу нанести визит министру финансов Гельмару Шахту в «Рейхсбанк».

Однако, против ожидания, прием, оказанный Шахтом, был весьма холодным. Он не проявил ни малейшего интереса к предложениям Дэвиса о сотрудничестве и, казалось, старался побыстрее вытолкнуть за дверь докучливого и болтливого визитера. Шахт уже был прочно связан с американскими нефтяными дельцами первой величины, такими, как Уолтер Тигл из «Стандард ойл» и сэр Генри Детердинг из руководства «Шелл». К чему терять время с такой мелочью?

Разъяренный Дэвис вернулся в свои роскошные апартаменты в отеле «Адлон» решительно ни с чем и сразу же излил обиду в письме фюреру. Ответ пришел немедленно, снова в виде собственноручной записки. В нем предлагалось повторно посетить «Рейхсбанк» на следующее утро.

Около одиннадцати часов Дэвис уже ждал в приемной. Как свидетельствуют материалы ФБР, Шахт встретил его с обреченным вздохом. Он вновь не был расположен к беседе. Вдруг дверь широко распахнулась. В кабинет главы «Рейхсбанка» гуськом вошли все 30 его директоров, каждый радостно и любезно пожимал Дэвису руку. Последним на пороге появился Гитлер. Все присутствующие разом умолкли и вытянулись, вскинув правую руку в нацистском приветствии. Фюрер был лаконичен:

«Господа, я ознакомился с предложениями мистера Дэвиса и нашел их весьма перспективными и вполне осуществимыми. Ваш банк должен финансировать это начинание». Ничего не добавив, Гитлер стремительно вышел. Дэвису не нужно было объяснять, что разыгранная на его глазах сцена — плод режиссерской фантазии Курта фон Шрёдера и руководства «И. Г. Фарбениндустри».

Затем окрыленный Дэвис отправился в Лондон, где возобновил прежние деловые связи с нефтяной компанией лорда Инверфорта. На выгодных для себя условиях он сумел добиться концессий в Ирландии и Мексике. Последняя была тем более ценной, что позволяла продавать мексиканскую нефть в обмен на немецкое машинное оборудование, когда экспорт марки стал невозможен. К 1935 году в недавнем прошлом мелкий аферист поставлял Германии еженедельно тысячи баррелей техасской и мексиканской нефти.

Дэвис был коротко знаком с сенатором от Пенсильвании Джозефом Гаффи, близкий друг которого, питтсбургский нефтепромышленник Уолтер Джоунс, имел высокопоставленных покровителей на Капитолийском холме. Через Гаффи и Джоунса Дэвис познакомился с влиятельным профсоюзным лидером Джоном Льюисом. Используя свой магический дар убеждать, Дэвис постарался склонить Льюиса, и не без успеха, в пользу национал-социализма. В 1936 году Дэвис предпринял попытку приобрести определенное влияние на политику перспективного кандидата в президенты Франклина Рузвельта, приняв участие в финансировании его предвыборной кампании. Это дало ему потом право звонить по телефону в Овальный кабинет.

В 1937 году Дэвис нюхом учуял, что, если не терять времени, можно будет крупно поживиться в Мексике, этой богатой нефтью стране. Дэвис не сомневался, что президент Лазаро Карденас¹ экспроприирует находившиеся в частных руках нефтяные разработки. В связи с этим Дэвис во всех деталях продумал широкомасштабную

¹ Лазаро Карденас (1895—1970) — государственный, военный и политический деятель Мексики. С 1934 г. по 1940 г. — президент Мексики. Карденас боролся против засилья в стране американского и английского капитала. В результате его деятельности были частично национализированы железные дороги (1937 г.) и нефтяные предприятия (1938 г.), принадлежавшие иностранным монополиям. В 1943—1945 гг. он занимал пост министра национальной обороны. После второй мировой войны активно участвовал в Движении сторонников мира. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

операцию — как прибрать к рукам всю мексиканскую добычу нефти. С февраля 1938 года им была развернута широкая кампания подкупа самых высокопоставленных лиц в правительстве. Одновременно Дэвис наладил дружеские отношения с вице-консулом фашистской Германии в Куэрनावаке Герардом Мейером, который подстрекал Карденаса к военной интервенции против США с целью вернуть когда-то отнятые у Мексики штаты — Калифорнию, Аризону, Техас и Нью-Мексико¹.

18 марта 1938 года президент страны обнародовал указ об экспроприации нефтяных разработок. Ровно месяц спустя ближайшему помощнику президента Карденаса, Алехандро Карильо, позвонил Льюис и сказал, что со дня на день ожидается подписание соглашения о сотрудничестве между Дэвисом и правительствами Германии и Италии. Он заявил прямо: именно с этими двумя странами, и только с ними, Мексика может вести торговлю нефтью без всякого риска.

Сам собой напрашивается вопрос: как получилось, что крупнейший американский профсоюзный лидер проявил заботу о снабжении нацистской военной машины таким стратегически важным сырьем, как нефть? Движущей силой поступков этого джентльмена оказались неумные амбиции. Он спал и видел себя главой панамериканского профсоюзного объединения, включающего и мексиканские профсоюзы. Все его помыслы были обращены на создание этой гигантской организации. Однако реальностью эти наполеоновские планы могли стать лишь при содействии Дэвиса и руководства Мексики. А уж в поддержке лидера мексиканских профсоюзов Ломбардо Толедано он не сомневался.

Итак, Дэвис, как ему казалось, рассчитал верно, и в июне 1938 года первый из его танкеров, доверху налитый мексиканской нефтью, взял курс к берегам Германии. Но вот с самого начала следующего, 1939 года посыпались неприятности. 31 мая главного геолога его компании нациста Отто Пробста нашли мертвым в номере одной из гостиниц Мехико. Он был задушен веревкой, привязанной к изголовью кровати. Германское посольство сразу же вмешалось и не допустило вскрытия, но агентам ФБР удалось установить, что покойный был сначала отравлен. Как выяснилось, он занимался подкупом официальных

¹ В 1846 г. США развязали против Мексики захватническую войну. Несмотря на героическое сопротивление мексиканского народа, американские захватчики в 1848 г. навязали Мексике грабительский договор, согласно которому к США перешла почти половина территории Мексики.

лиц в правительстве Мексики с целью развертывания широкой кампании преследования коммунистов.

Коммунистические идеи распространялись среди многотысячной и все увеличивавшейся армии рабочих, занятых на принадлежавших Дэвису предприятиях, со скоростью ветра. Для него это стало истинным кошмаром. Исповедуемый и финансируемый им национал-социализм встречал в пролетарской массе сильнейшее противодействие. Дэвис прибегнул к проверенному методу срыва забастовок с помощью штрейкбрехеров. Сработало. Миллионы баррелей нефти по-прежнему бесперебойно поступали в Германию, даже когда гусеницы гитлеровских танков уже подминали под себя поля Европы.

Ошеломляющий успех предприятия Дэвиса и его колоссальный размах, оплаченный по мановению руки Гитлера «Рейхсбанком», обернулись сказочным богатством и для братьев фон Клемм. Поверив в их деловое чутье, Геринг представил им монопольные права на торговлю хмелем. В результате они контролировали практически все пивоваренное дело в Германии.

И Дэвис, и Клеммы в считанные годы прорвались в когорту мультимиллионеров. Во время одной из поездок в Германию Дэвис познакомился и сразу близко сошелся с большелобым молодым человеком в очках с толстыми линзами по имени Иоахим Хертслет. Это был не кто иной, как один из членов экономического штаба Геринга и ближайший помощник Эмиля Пуля. Хертслет и его коллега Вольтат организовали несколько встреч Дэвиса с Герингом, адмиралом Эрихом Редером и представителями главнокомандования германских сухопутных войск. В итоге Дэвис получил на откуп снабжение горючим германского военно-морского флота, в то время как «Стандард ойл» снабжал нефтепродуктами германские военно-воздушные силы. Кроме того, Дэвис и Хертслет получили от нацистского правительства целевой кредит в размере 50 млн. долларов для финансирования работ по реконструкции нефтепромыслов и находившихся в плачевном состоянии государственных железных дорог Мексики, постройку ирригационных систем и электростанций. С целью стабилизации мексиканской валюты Хертслет основал в Мехико «Немецкую экспортно-импортную корпорацию». Все это были вехи на пути осуществления задуманного Герингом плана: превратить Мексику в неравноправного союзника в предстоящей войне и в безответного должника, вынужденного безропотно предоставлять Германии право эксплуатировать его природные богатства.

Как-то в доверительной беседе с Хертслетом, в конце августа 1939 года в Мехико, Дэвис впервые высказал немецкому другу тревогу за судьбу своего нефтяного бизнеса, ориентированного на Германию, в случае развязывания ею войны против США. Беспокойство было обоснованным: вся атмосфера тех дней была наэлектризована до предела. Слово «война» не сходило с газетных полос. Чтобы отвести угрозу от своей нефтяной империи, Дэвис готов был заплатить любую цену. 1 сентября 1939 года он телеграфировал Герингу, прося срочно начать переговоры с Рузвельтом о предотвращении конфликта. Ответ Геринга был обнадеживающим. В тот же самый день он отправил Аксея Веннер-Грена из руководства «Электролюкс» к Рузвельту с поручением изложить свою позицию и не допустить участия США в европейском конфликте.

Нападение Гитлера на Польшу и последовавшее за этим объявление Великобританией войны Германии повергло Дэвиса в панику. С помощью своей секретарши Эрны Верле он разработал секретный шифр, который в случае его утверждения Гиммлером позволил бы поддерживать связь с Гитлером, не опасаясь британской цензуры. Всем действующим лицам были присвоены кодовые наименования: Эрна звалась Хризантемой, Гитлер — Цаплей, а Джон Льюис почему-то носил обидное прозвище Навоз. Разумеется, и Рузвельт, и Геринг также получили условные имена.

Дэвис спешно направил Хертслета в Берлин для переговоров с Герингом — заручиться полной поддержкой на будущее. Сам Дэвис 5 сентября встретился с Льюисом, который после этого позвонил Рузвельту и попросил принять обеспокоенного торговца нефтью.

Рузвельт счел, что в преддверии выборов 1940 года было бы неразумно раздражать отказом нефтяного магната, чье влияние на профсоюзное движение было общеизвестно. Вместе с тем он решил быть максимально сдержанным и осторожным во время предстоящей беседы — увесистое досье, присланное главой ФБР Э. Гувером и А. Берли из госдепартамента, документально подтверждало тесные связи дельца с нацистами.

Адольфу Берли, подобно Икесу и Моргентау, гитлеровский режим был глубоко ненавистен. Поэтому оба министра испытали удовлетворение, когда узнали, что делом Дэвиса займется Берли, тем более что сами они все свое время посвящали расследованию пронацистской деятельности концерна «Стандард ойл». Дело, порученное Берли, было направлено, по существу, против заместителя госсекретаря и непосредственного начальника

Берли — Дина Ачесона, к которому он испытывал нескрываемую неприязнь, причем взаимную. Надо сказать, что личность Берли вообще плохо вписывалась в рамки внешнеполитического ведомства, чиновником которого он являлся. В проникнутой духом официоза, лицемерной атмосфере госдепартамента Берли оказался пусть мудрой, пусть опытной, но белой вороной: он был начисто лишен дара лицемерить, отделяваясь обтекаемыми, лишенными как правды, так и лжи недомолвками. Рузвельт безгранично доверял ему, во всяком случае куда больше, чем Гуверу, поскольку распорядился, чтобы все доклады ФБР, прежде чем лечь на стол президента, проходили через руки Берли — с его пометками и комментариями.

13 сентября 1939 года Дэвис сам позвонил Рузвельту и попросил об аудиенции. Положив трубку, президент тут же вызвал Берли и велел присутствовать при этой беседе, намеченной на следующий день. Берли должен был вести протокол и затем высказать свое мнение об услышанном.

В два часа пополудни на следующий день Дэвис подходил к дверям Овального кабинета Белого дома. Он более чем обычно напоминал хромого боевого петуха, потерявшего изрядное количество перьев в сражениях, но не затупившего своего главного оружия — самоуверенности. Мультимиллионер-коротышка важно вышагивал по кабинету, на удивление велеречиво излагая свою линию, сводившуюся ко всемерному умиротворению Гитлера. Дэвис изъявил готовность лично отправиться к Герингу с посланием мира от американского президента. Визитера очень раздражало, что в течение всей беседы присутствовал Берли, которого он дважды беспардонно просил отослать. Услышав от президента повторный отказ, он возмущенно повел плечами и опустился наконец в кресло. Вскоре, впрочем, вскочил снова и еще долго, меряя пол короткими шажками, окутывал президента густыми клубами табачного дыма и серпантинном маловразумительных, но весьма витиеватых фраз. Поняв, что на сделку с Гитлером президент не пойдет, Дэвис стал уговаривать Рузвельта сделать ставку на Геринга. Мобилизовав все терпение, Рузвельт заставил себя слушать путаные речи и вникать в их суть, сводившуюся к необходимости безотлагательного начала переговоров с Герингом о восстановлении мира от имени президента.

Рузвельт заметил: это далеко не первое предложение вмешаться от его имени тем или иным образом в европейский конфликт, но он готов пойти на это, лишь используя официальные дипломатические каналы. Кроме

того, подчеркнул он, за неделю до начала войны он лично направил гитлеровскому правительству предложение о переговорах с целью сохранения мира, но ответа до 1 сентября 1939 года так и не получил, «что, будем откровенны, ситуации отнюдь не улучшило», — заключил он.

Одним словом, Родсу Дэвису было отказано в праве предпринимать какие-либо шаги от имени американского правительства. Более того, сразу после его ухода Рузвельт велел Берли передать Гуверу, чтобы за каждым шагом Дэвиса была установлена тщательная слежка, о которой не должны знать ни госсекретарь Корделл Хэлл, ни министр юстиции Роберт Джексон.

Дэвис покинул Овальный кабинет в крайне подавленном настроении. Его состояние усугублялось тем, что Хертслет передал телеграмму от Геринга с указанием для него и Льюиса не допустить пересмотра закона о нейтралитете США¹ в войне. Нещадно посыпая солью и без того саднящую рану, Геринг в телеграмме от 18 сентября напоминал Дэвису, что «поставки во вражеские страны будут означать для него потерю всего грузового флота».

Дэвис, опасаясь лишиться милости Геринга, пошел на прямой обман. На следующий день он телеграфировал в Берлин, что президент нуждается в нем для ведения переговоров о мире. Дэвис успел придумать даже условия этого воображаемого мира: он сообщал, что Рузвельт якобы согласен отдать Германии Гданьск, Польский

¹ Закон о «нейтралитете», запрещавший продажу оружия воюющим странам, был принят конгрессом США 31 августа 1935 г., незадолго до разбойничьего нападения фашистской Италии на Эфиопию. Италии, обладавшей собственным мощным военным потенциалом, этот закон не причинил какого-либо вреда. Зато он заранее поставил в неблагоприятное положение жертву ее агрессии, которая не располагала возможностью производить в достаточном количестве собственное оружие. В мае 1937 г., когда испанский народ вел национально-революционную войну против фашистских мятежников и итало-германских интервентов, конгресс США принял еще один закон о «нейтралитете». Этот закон предоставлял президенту право разрешить продажу оружия воюющей стране лишь за наличный расчет и при условии его вывоза только ее собственным транспортом. При этом было известно, что у законного республиканского правительства не было ни валюты, ни океанских транспортных судов. Таким образом руководство США продемонстрировало свою враждебность к испанскому народу, борвавшемуся за свободу и независимость. В то же время оно без всяких ограничений осуществляло поставки войскам мятежников во главе с генералом Франко. Франкисты впоследствии признавали, что «без американских грузовиков, без американских кредитов мы бы никогда не смогли выиграть войну». (См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 14, 29.)

коридор¹, Чехословакию, все земли, отошедшие Польше по Версальскому миру, и, наконец, все африканские и прочие колонии, принадлежавшие ей до 1918 года. Фантазия, подстегнутая нервным напряжением, позволила Дэвису найти и себе достойное место в выстроенном воздушном замке: в конце сообщения он скромно упомянул, что ему Рузвельт отводил роль своего неофициального представителя. 20 сентября Дэвис вылетел в Лиссабон и затем в Рим, но из-за бури в пути его самолет вынужден был совершить посадку на Бермудах, где представители английской разведки пытались учинить ему допрос, но, ничуть не смущенный авторитетом Интеллидженс сервис, Дэвис наотрез отказался с ними беседовать и проследовал дальше в Лиссабон.

В Риме самолет Дэвиса встретили по распоряжению Гиммлера офицеры гестапо. Нефтяного короля радушно приветствовал Муссолини. Затем, сопровождаемый офицерами СС, он совершил облет германо-польского фронта.

1 октября 1939 года Дэвиса принял в своем кабинете в Берлине рейхсмаршал Геринг. Хертслет и Вольтат присутствовали при встрече. Геринг прежде всего выразил восхищение организаторскими способностями Дэвиса, менее чем за семь лет поставившего в Германию колоссальное количество нефти и нефтепродуктов через европейскую компанию «Евротанк». Геринг спросил о настроениях Рузвельта, и Дэвис, ничуть не смущаясь, заверил: президент на стороне Германии. Для рейхсмаршала это было приятной неожиданностью. На прощание он сказал, что надеется на помощь Дэвиса на конференции, когда они сядут рядом за стол переговоров, во главе которого друг против друга окажутся благодаря их усилиям Гитлер и Рузвельт.

ФБР и американская военная разведка к тому времени выяснили, что Хертслет планирует прибыть в США вместе с Дэвисом. Когда они появились в американском консульстве в Лиссабоне для получения визы на въезд в США, Хертслет получил отказ. Дэвис поднял страшный

¹ Польский коридор — наименование узкой полосы земли, дававшей буржуазно-помещичьей Польше в период между двумя мировыми войнами выход к Балтийскому морю. Польские земли, лежавшие по обе стороны Польского коридора, согласно Версальскому мирному договору 1919 г. были оставлены под властью Германии. Германские империалисты добивались ликвидации Польского коридора, с тем чтобы лишить Польшу доступа к морю. Правящие круги Англии и Франции выражали готовность удовлетворить эту необоснованную претензию. Германо-польские противоречия в вопросе о Польском коридоре были использованы гитлеровским правительством в качестве одного из предлогов для нападения на Польшу в сентябре 1939 г.

скандал. «Как личный друг президента», он не допустит, чтобы с его деловым партнером и директором его европейского филиала поступали подобным образом! Растерянный консул запросил Берли, должен ли он выдать Хертслету визу, закрыв глаза на то, что это видный член нацистского руководства.

Берли посоветовался с заместителем госсекретаря Джорджем Мессершмидтом. Они решили: присутствие этого нациста в США небезопасно. В визе Хертслету было решительно отказано, что, впрочем, того ничуть не смутило, ибо означало лишь необходимость снова вернуться в Берлин за дипломатическим паспортом.

В Вашингтоне Дэвис поселился в отеле «Мэйфлауэр». Как раз в это время там разместились участники конгресса по вопросам почтовой связи, и сотрудники ФБР не сумели получить даже один свободный номер для организации наблюдения. Они прятались по углам в коридорах, в фойе, туалетах и даже на крыше. Лишь с помощью официантов, горничных и других служащих отеля удалось проследить встречи Дэвиса с его верной помощницей Эрной Верле, в ходе которых выявилась вся глубина преданности нефтяного торговца нацизму и готовность служить ему вне зависимости от того, вступят Соединенные Штаты в войну или нет.

Дэвис пытался вновь встретиться с Рузвельтом. В ожидании решения президента он занялся перерегистрацией своего танкерного флота с целью поставить его под панамский флаг и обойти таким образом английскую морскую блокаду в Атлантике, оказавшуюся препятствием на пути его танкеров в Лиссабон, Гамбург и другие контролируемые нацистами европейские порты. Он регулярно поставлял нефть и прочее стратегически важное сырье в Японию, пользуясь своими танкерами под флагом Панама, а не японскими судами, которые британская разведка останавливала и досматривала в море, арестовывая их немецкие экипажи. Помимо того, Дэвис купил услуги одного бывшего капитана подводной лодки, служащего порта в Браунсвилле (штат Техас), который стал помогать ему обходить блокаду.

Тем временем над головами братьев фон Клемм сгустились тучи. Агенты возглавляемого Моргентау министерства финансов США через третьих лиц постарались внушить гестапо мысль, что нелишне было бы поинтересоваться закадычной дружбой фон Клеммов с Дэвисом, особенно ее финансовой стороной, которую взял на себя Банк Харди. 11 октября 1940 года Карл фон Клемм, понимавший, чем грозило «расследование» гестапо, в панике телеграфировал Дэвису, что со дня на день ждет

«расправы», что конец близок, и в отчаянии взывал к его благородству, напоминая о шести с лишним годах неопределенной финансовой и моральной поддержки. Как откликнулся на эти мольбы нефтяной король, завоевавший свой титул прежде всего благодаря близнецам фон Клемм? Он договорился с Герингом, чтобы им позволили перебраться в Рим, где братья, видимо просто неспособные заниматься легальным бизнесом, начали контрабандно торговать бриллиантами и алмазами.

Вслед за оккупацией гитлеровскими войсками Бельгии и Голландии банки этих стран поспешно стали прятать свои внушительные запасы бриллиантов и алмазов в специальные хранилища. Но их принудили сообщить о местонахождении сокровищ. Братья фон Клемм по уговору с нацистским правительством взялись наладить массовый экспорт бриллиантов в США. В условиях войны это было делом отнюдь не легким, прежде всего потому, что шло вразрез со всеми законами военного времени. Хитроумный план фон Клеммов предполагал продажу награбленных в оккупированной Европе драгоценностей в обмен на необходимые Германии как воздух доллары, что позволило бы шире финансировать разветвленную сеть шпионажа, раскинутую третьим рейхом по всей Америке, а также увеличить закупки промышленных алмазов для немецкой военной промышленности. Схема, предложенная фон Клеммами, была довольно сложна: из Брюсселя и Амстердама бриллианты надо было переправить в Рим, оттуда одним из самолетов контролируемой нацистами авиалинии «Л. А. Т. И.» — в бразильский город Натал, с остановками в Лиссабоне и в Дакаре, и, наконец, из Натала они доставлялись в Рио-де-Жанейро. В Рио-де-Жанейро бриллианты приобретали дипломатические привилегии, поскольку дальше, в консульство фашистской Германии в Нью-Йорке из немецкого посольства в Рио, сокровища переправлялись дипломатической почтой.

Дэвис не забыл свой неудачный визит к Рузвельту. Он решил ему отомстить, поддержав план нацистов свалить недостаточно уступчивого президента на очередных выборах 1940 года. Джон Льюис согласился с Дэвисом, что в нынешней ситуации либо Рузвельт должен уйти с политической арены, либо им придется сворачивать свой нефтяной бизнес, державшийся в основном на поставках нефти странам «оси».

Дэвис поговорил об этом с Герингом, и тот сразу же выложил 8 млн. долларов на финансирование поражения Рузвельта. Члены «братства» решили сделать ставку на сенатора Бэртона Уилера, видя в нем гаранта своих интересов в Белом доме. Тут они не просчитались:

идеальный защитник нацистской клики Уилер сил не жалел на поддержку Гитлера. Он использовал свои прерогативы сенатора для пронацистской пропаганды. Этот реакционер выступал против принятия в США закона о всеобщей воинской повинности и закона о ленд-лизе¹, а также против продажи Англии военных кораблей и военного снаряжения.

8 млн. долларов от Геринга прибыли в Америку одним из самолетов «Л. А. Т. И.». Дэвис предусмотрительно разместил эту сумму по частям в шести различных банках. 160 тыс. долларов ему, правда, пришлось истратить сразу же, купив на эти деньги голоса сорока делегатов от Пенсильвании, приехавших на предвыборный съезд демократической партии, проходивший в Чикаго. Теперь Дэвис мог быть уверен в поражении на съезде своего бывшего друга сенатора Гаффи, угрожавшего разоблачением антиамериканской деятельности «братства». Те же сорок делегатов за те же деньги должны были голосовать и против Рузвельта. Но план Дэвиса рухнул. И Гаффи, и Рузвельт получили право баллотироваться на пост президента, а Уилер, непопулярный в массах, потерпел сокрушительное поражение.

Джон Льюис действовал более успешно. Вскоре он мог гарантировать голоса десяти миллионов избирателей за соперника Рузвельта от республиканской партии Уэнделла Уилки. В речи по радио 25 октября Уилки назвал президента поджигателем войны и заявил, что в случае переизбрания его на следующий срок уйдет с поста главы Конгресса производственных профсоюзов². Однако Руз-

¹ Закон о ленд-лизе (передаче Соединенными Штатами займы или в аренду вооружения и стратегического сырья союзникам по антигитлеровской коалиции) был утвержден конгрессом США 11 марта 1941 г. Осуществляя поставки воюющим против Германии странам, США руководствовались в первую очередь собственными интересами. Ленд-лиз был выгоден монополистической буржуазии США, поскольку способствовал расширению производства и обогащению за счет правительственных заказов. Удельный вес полученных СССР по ленд-лизу товаров и материалов за период войны в общей сложности не превышает 4 процентов размеров производства промышленной продукции на отечественных предприятиях.

² Конгресс производственных профсоюзов (КПП) — организация профсоюзов США, существовавшая с 1935 по 1955 г. Была создана частью левых профорганизаций, вышедших из Американской федерации труда (АФТ), профсоюзной организации, выражавшей интересы «рабочей аристократии». Постепенно руководство КПП захватили правые профсоюзные деятели. В декабре 1955 г. на объединительном съезде была создана единая организация профсоюзов США — Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ — КПП), возглавляемая лидерами, проповедующими сотрудничество труда и капитала.

вельт был переизбран, сумев в сложное время, когда в Европе уже бушевала война, вселить в американцев надежду. Не скрывая своего отношения к Гитлеру и его режиму, высказав твердое намерение противостоять его амбициям, Рузвельт вместе с тем разом привлек на свою сторону изоляционистски настроенных соотечественников, бросив хлесткую пропагандистскую фразу о том, что ни один из американских парней не погибнет на чужой земле.

Дэвис решил компенсировать неудачу в политике усилением своей деловой активности. Вдоль всего побережья Латинской Америки он в кратчайшие сроки построил базы для заправки подводных лодок. Компании «Евротанк» решено было придать видимость полной независимости от американской части его империи. С этой целью «Евротанк» был передан под контроль Геринга и Карла фон Клемма, а прибыль стала перечисляться Дэвису Банком международных расчетов через Лиссабон и Буэнос-Айрес. Тем временем с каждым днем становилось все яснее, что вступление США в войну не за горами, и будущее своего американского предприятия фон Клеммы представляли во все более мрачных тонах. Следовало готовиться к тому, что и торговле бриллиантами, и поставкам нефти в Германию придет конец.

Дэвис не жалел денег для поддержки пресловутого комитета за отказ от участия в зарубежных войнах, финансируемого непосредственно из Берлина, а фон Клеммы субсидировали пронацистское изоляционистское движение «Америка прежде всего». Дэвис и Вернер фон Клемм вместе с издателем Вернером Маршаллом, поборником изоляционизма, боготворившим Гитлера, включились в организованную Чарльзом Линдбергом «пацифистскую» кампанию, направленную против выдвижения Рузвельта на пост президента.

2 января 1941 года сенатор-демократ от Оклахомы Джон Ли выступил с обличением комитета за отказ от участия в зарубежных войнах, являвшегося, как он заявил, «дьявольски хитроумно замаскированным инструментом предательства американского народа». Далее он сказал:

«Поинтересуйтесь источником сказочных богатств этого Дэвиса, и вам тотчас станет ясно, насколько жизненно необходима для его корыстных интересов победа Гитлера в настоящей войне. Немецкие самолеты, отправляясь бомбить беззащитный Лондон, заправляются бензином, купленным у этого самого Дэвиса. Он не перестает плести интриги с целью склонить Белый дом к жульническому миру с Германией, заставить нашу страну таскать

каштаны из огня за нацистскую Германию... Комитет за отказ от участия в зарубежных войнах — одно из орудий нацистской пропаганды. Его цель — распространение национал-социализма».

Справедливые обвинения сенатора Ли вскоре нашли убедительное подтверждение: в комитет вошел сенатор Раш Д. Холт от штата Вирджиния, находившийся, как было известно, непосредственно на содержании у гитлеровского правительства.

5 января Дэвис устроил пресс-конференцию в своем кабинете на пятьдесят четвертом этаже небоскреба на Рокфеллер-плаза в Нью-Йорке. Как и следовало ожидать, он полностью отрицал свое участие в финансировании комитета за отказ от участия в зарубежных войнах. Более того, он заявил, что с удовольствием предстанет перед членами сенатской комиссии, специально созданной для расследования его деятельности, и публично снимет с себя все подозрения. Мог ли кто-нибудь усомниться, что расследование не доставит Дэвису никаких хлопот, ведь главой комиссии по расследованию был назначен... сенатор Бэртон Уилер!

Уверенный в успехе, Дэвис решил представить все обвинения, выдвинутые против него, полным абсурдом. Он утверждал с пеной у рта, что не поставлял нефть в Германию после начала войны в Европе, понятия не имел о том, что случилось с его бывшим европейским филиалом — компанией «Евротанк» (хотя полученное накануне письмо от Карла фон Клемма лежало у него в кармане), и в заключение, войдя в раж, заявил присутствующим, будто он является прямым потомком создателя южноафриканской империи Сесила Родса¹, с одной стороны, и Джефферсона Дэвиса² — с другой, а потому заслуживает

¹ *Сесил Джон Родс* (1853—1902) — английский колониальный деятель, вдохновитель и организатор захвата Англией в конце XIX в. огромных территорий в Южной и Центральной Африке, часть которых составила колонию, названную в 1895 г. Родезией. В 1890—1896 гг. — премьер-министр Капской колонии. Оставил этот пост после провала попытки захватить бурскую Южно-Африканскую Республику. Один из инициаторов англо-бурской войны 1899—1902 гг., завершившейся аннексией со стороны Англии Южно-Африканской и Оранжевой Республик. В 1910 г. территории этих республик вошли в состав созданного Южно-Африканского Союза.

² *Джефферсон Дэвис* (1808—1889) — реакционный политический деятель США, плантатор-рабовладелец. В 1853—1857 гг. — военный министр. В период Гражданской войны в США (1861—1865 гг.) — президент конфедерации южных рабовладельческих штатов, поднявших мятеж и отделившихся от США. В 1865 г. захвачен в плен северянами. После освобождения (1867 г.) активного участия в политической жизни не принимал.

доверия. Поверить этому несколько мешали те соображения, что Сесил Родс умер бездетным, а наследники Джефферсона Дэвиса не уставали в течение последних двадцати лет заявлять об отсутствии какого-либо родства с нефтяным королем.

В мае Уилер снял с Дэвиса последние подозрения в связях с нацистами. Но помощь члена «братства», сколь своевременна она ни была, не могла рассеять в душе Дэвиса страх перед тем, что Рузвельт вступит в войну с Германией. 26 июля Дэвис выступил с краткой речью в радиопередаче, организованной Уилером и посвященной ожесточенным нападкам на программу помощи по ленд-лизу. 1 августа 1941 года в гостиничном номере в Хьюстоне Дэвиса настиг сердечный приступ, ставший роковым.

Сэр Уильям Стивенсон в авторизованной биографии Дэвиса, озаглавленной «Его звали Неустрашимым», утверждает, что тот умер не от разрыва сердца, а погиб от рук сотрудников британской разведки. Однако материалы ФБР подтверждают как раз версию о его неожиданной смерти как следствии нечеловеческого нервного напряжения последних месяцев.

После смерти Дэвиса бразды правления гигантской корпорацией взяла в свои руки его бывшая помощница и секретарша Эрн Верле. Вернер фон Клемм занял пост вице-президента, а правление при нем состояло сплошь из надежных членов «братства»: в него вошли министр торговли Джесси Джонс, Гарри Кольер из руководства «Стандард ойл оф Калифорния» и Гамильтон Пелл, партнер Лео Кроули из «Стандард гэс энд электрик». Итак, «братство» в который раз тесно сомкнуло ряды в критическую минуту.

В начале 1942 года приступила к работе специальная группа министерства финансов, созданная Моргентау для разоблачения пронацистской деятельности братьев фон Клемм. Поняв, чем это грозит, они спешно продали «Дэвис ойл компани» — во имя ее спасения — надежным членам «братства», в прошлом тесно сотрудничавшим с самим Дэвисом.

Вернер фон Клемм продолжал жить неподалеку от Нью-Йорка. Он буквально купался в роскоши и нимало не смущался тем, насколько сомнительным путем нажито его богатство. Никто из польщенных его вниманием гостей и представить себе не мог, что их радушный и щедрый хозяин готов был к тому, что со дня на день у ворот его дома позвонят мрачные люди в штатском и предъявят ордер на арест и обыск.

Так оно и случилось. 26 сентября 1942 года возле его

особняка остановилась полицейская машина, из которой вышли сотрудники разведки министерства финансов. По всему дому надрывно зазвенел звонок, на который поспешила горничная, готовая дать самый суровый отпор непрошеным визитерам. Однако хозяин оказался на удивление покладист и просил провести гостей прямо в гостиную. Те, многократно извинившись, как и положено людям светским, молча надели на запястья его холеных рук звонко щелкнувшие наручники.

Суд над Вернером фон Клеммом для великосветского общества Лонг-Айленда стал настоящей сенсацией. А фон Клемм придумывал одну ложь за другой, пытаясь запутать следствие. Его приговорили к пяти годам тюремного заключения—кстати, срок беспрецедентный для члена могущественного международного «братства». Конец истории и вовсе примечателен. 15 октября 1942 года, вскоре после вынесения приговора, правительство фашистской Германии обратилось через власти нейтральной Швейцарии с официальной просьбой к американскому посланнику в Берне Леланду Гаррисону с просьбой представить подробный отчет о процессе над Вернером фон Клеммом. Просьба, можете не сомневаться, была удовлетворена.

Если вспомнить о другом соратнике Дэвиса, Льюисе, то в конце войны Джон Рогге, помощник министра юстиции, собрал материал редкостной разоблачительной силы, свидетельствовавший о теснейшей связи лидера американских тред-юнионов Льюиса с Дэвисом. В своей речи 26 октября 1946 года Рогге подробнейшим образом изложил доказательства, а также привел свидетельства контактов сенатора Уилера с гитлеровским правительством и призвал провести расследование его пронацистской деятельности. В результате, не Льюис и Уилер, а Рогге поплатился своим постом за проявленную инициативу и патриотизм, ибо министр юстиции Том Кларк, ничтоже сумняшеся, тотчас уволил его, а когда автор этой книги в 1981 году спросил Рогге, почему так случилось, тот, лежа на смертном одре и не имея никаких оснований кривить душой, проговорил: «Уилер был куда ближе президенту Трумэну, чем я!»

В начале 1942 года Карл Линдемманн, представитель рокфеллеровского концерна «Стандард ойл» в Берлине, провел несколько срочных совещаний с двумя директорами американской корпорации «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ): Вальтером Шелленбергом, возглавлявшим нацистскую политическую контрразведку (СД), и бароном Куртом фон Шрёдером, являвшимся одновременно членом совета директоров БМР и главой нацистского банка «Штейн» в Кёльне. В марте Герхард Вестрик — глава филиала ИТТ в нацистской Германии — вылетел в Мадрид. Ему было поручено встретиться с главой американской корпорации ИТТ Состенесом Беном и сообщить о решениях, принятых на берлинских совещаниях.

Встреча состоялась за ленчем в одном из роскошных номеров мадридского отеля «Риц». Нет, не об изысканных блюдах испанской кухни шла речь за столом. Двух собеседников — высокого, с острыми чертами лица Бена и хромоногого Вестрика — интересовали совсем другие вопросы: каким образом можно укрепить связи ИТТ с гестапо, как усовершенствовать всю нацистскую систему телефонной и телеграфной связи, как модернизировать систему внутренней связи самолетов, военных кораблей и подводных лодок.

Состенес Бен и Герхард Вестрик рассуждали об улучшении работы электрических буев, систем сигнализации, радиолокационных станций, взрывателей к артиллерийским снарядам, а также о самолетах «фокке-вульф» — тех самых, которые несли смерть тысячам американских солдат.

Состенес Бен родился 30 января 1882 года на острове Св.Томаса¹. Отец его был датчанином, а мать франко-итальянского происхождения. Состенес и его брат Эрнан, ставшие впоследствии деловыми партнерами, получили образование сначала на Корсике, а затем в Париже.

В 1906 году отец передал братьям руководство семейной сахарной компанией в Пуэрто-Рико, а вскоре Состе-

¹ О-в Св. Томаса — один из группы Виргинских о-вов Вест-Индии. Совместное владение США и Великобритании.

нес приобрел по случаю небольшую телефонную станцию, заложенную несостоятельным владельцем. Врожденное чутье коммерсанта подсказало ему: у телефона большое будущее, и Состенес стал скупать телефонные компании по всему побережью Карибского моря. В 1913 году он получил американское гражданство, а во время первой мировой войны служил в войсках связи начальником штаба генерала Джорджа Рассела, где научился прекрасно разбираться в вопросах полевой связи. За храбрость, проявленную на полях сражений во Франции, Состенес был удостоен ордена Почетного легиона. Вернувшись в Соединенные Штаты, Бен поступил на службу в крупнейшую по тем временам компанию связи «Америкэн телефон энд телеграф» (АТТ), одним из директоров которой позднее стал Уинтроп Олдрич. К 1920 году Бен уже настолько прочно стоял на ногах, что решил основать собственную компанию, ИТТ. Через некоторое время принадлежавшие ему телекоммуникации опутали почти весь мир, а пресса присвоила ему титул «телефонного короля». Благодаря выгодным сделкам с банковским домом Морганов и компанией АТТ, к 1923 году Бен прибрал к рукам всю телефонную сеть Испании, любезно предоставив кресло председателя испанского филиала ИТТ герцогу Альбе, одному из наиболее фанатичных сторонников Франко и Гитлера, а сам вскоре вошел в совет директоров «Нэшнл сити бэнк» (НСБ), который так же, как и Банк Морганов, финансировал его деятельность. К 1930 году ИТТ оценивалась в 64 млн. долларов и не знала перебоев в своей деятельности, несмотря на тяжелейший кризис, парализовавший экономику капиталистического мира.

Несомненно, финансовый капитал укреплял позиции Бена, но не один он. Залогом процветания ИТТ стало налаживание тесных контактов с фашистскими режимами, лидеры которых всячески содействовали «телефонному королю» — дружба с ним сулила хорошо оплачиваемые места в советах директоров компаний Бена.

Своей колоссальной финансово-промышленной империей Бен правил из конторы на Брод-стрит, 67, в Нью-Йорке.

В полном соответствии со вкусами хозяина его кабинет был обставлен роскошной мебелью в стиле Людовика XIV, украшен дорогими коврами и портретами папы Пия XI, а также глав фашистских государств. Дела не позволяли ему засиживаться в столь великолепных апартаментах. Все чаще конечным пунктом его путешествий становился Берлин, где его ждали немецкие друзья и партнеры Курт фон Шрёдер и Герхард Вестрик. 4 августа

1933 года в Берлине состоялась знаменательная встреча: Бена и его личного представителя в Германии Генри Манна из НСБ принял Гитлер, пообещавший Бену содействие. Встреча положила начало политическому сотрудничеству, продолжавшемуся до конца войны. Манн, познакомивший в свое время Бена со Шрёдером и Вестриком, свел его теперь с Вильгельмом Кепплером, основателем «кружка друзей рейхсфюрера СС Гиммлера». В фашистах Бен нашел верных друзей. Кепплер, Шрёдер и Гиммлер приложили много усилий, чтобы имущество компаний Бена в Германии не подверглось конфискации в пользу фашистского государства после начала второй мировой войны, и даже уговорили Эмиля Пуля оплачивать счета ИТТ через «Рейхсбанк».

Бен не остался в долгу и оказал неоценимую услугу своему другу Герману Герингу, купив в 1938 году 28% акций компании «Фокке-Вульф». С его финансовой помощью были модернизированы смертоносные бомбардировщики, эскадрильи которых позже беспощадно бомбили Лондон и американские корабли в Атлантике. После аншлюса Австрии в том же 1938 году для Бена открылось новое поле деятельности. Он создал там телефонную компанию, вверив управление ею нацистам Шрёдеру и Вестрику. Кое-кто из высокопоставленных нацистов попытался было наложить лапу на его австрийские предприятия, но Бен тут же отправился с визитом к Гитлеру в его резиденцию в Берхтесгаден и заручился обещанием: ИТТ будет, как и прежде, пользоваться полным иммунитетом.

Бен слыл человеком широких взглядов, а точнее, был беспринципен в выборе средств для выколачивания прибылей. Он с блеском продемонстрировал это в Испании, где во время гражданской войны предоставлял услуги обеим сторонам, склоняясь мало-помалу в сторону франкистов. «На войне, как на войне» — и Бен месяцами не выходил из бомбоубежища, где теперь помещалась штаб-квартира его испанского филиала, известного тогда как «Телефоника». Он старался заручиться поддержкой и республиканцев и фалангистов. Не зная отдыха, Бен сновал из номера в отеле «Риц» в бункер и обратно. Приходилось еще выкраивать время, чтобы устраивать роскошные приемы для представителей английской и американской прессы с целью отвлечь их внимание от своих переговоров с руководством Банка международных расчетов о предоставлении Франко кредита для покупки принадлежавшего ИТТ оборудования связи, которое находилось во время гражданской войны в распоряжении республиканцев.

После оккупации Польши Бен, посоветовавшись со Шрёдером и заручившись поддержкой опекуна иностранной собственности в Германии Ганса-Иоахима Цезаря, добился того, чтобы польские филиалы ИТТ не подверглись конфискации.

Настало время, наконец, рассказать и о той роли, которую сыграл в деле сотрудничества с фашистами Алоиз Герхард Вестрик, не последний человек среди членов «братства». Вестрик начал свою карьеру так же, как и его американский коллега Джон Фостер Даллес, — юриконсультантом частной компании. Партнером Вестрика вплоть до 1938 года был д-р Генрих Альберт, ловкий делец, один из столпов «братства», руководивший немецкими филиалами Форда вплоть до 1945 года.

В начале 1940 года Бен решил, что Вестрику необходимо посетить США — шла война, и задача упрочения связей и обеспечения постоянных и надежных контактов между филиалами корпорации, оказавшимися на территории враждующих государств, приобретала особую важность. Министр иностранных дел фашистской Германии Риббентроп также имел все основания желать успеха миссии Вестрика, ибо тот представлял в Германии не только ИТТ, но и компанию Форда, «Дженерал моторс», «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Тексас компани», «Дэвис ойл компани» и «Стерлинг продактс».

Бен, оставшийся, как того требовали дела, в Лиссабоне, попросил Торкильда Рибера, главу «Тексас компани», организовать Вестрику радушный прием в США. Он сам позвонил в первоклассный нью-йоркский отель «Плаза», где постоянно бронировал один из лучших номеров, и распорядился предоставить его Вестрику.

В марте 1940 года Вестрик отправился в Нью-Йорк через Сан-Франциско, где между прочим передал по просьбе Бена и Риббентропа 5 млн. долларов генеральному консулу фашистской Германии в США Фрицу Видеману. Деньги предназначались для финансирования ряда пропагандистских мероприятий, рассчитанных на завоевание симпатий к третьему рейху массы мелких предпринимателей в США.

Рибер выполнил просьбу Бена и встретил Вестрика с распростертыми объятиями. 12 апреля 1940 года, после ряда бесед с руководителями «братства», Вестрик дал интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс», суть которого сводилась к изложению взглядов Эмиля Пуля и Вальтера Функа о путях дальнейшего развития экономики фашистской Германии. США должны были бы предоставить нацистскому правительству заем в размере 7500 млн. долларов в ценных бумагах и 18 млрд. долла-

ров в золоте, причем не более чем под полтора процента. Предполагалось, что посредником в этой сделке между правительством США и «Рейхсбанком» станет БМР. Конечная цель всех этих мероприятий, по его словам, сводилась к достижению «вечного мира» путем прекращения экономических разногласий, этой древней причины войн и конфликтов. Прийти к такому «миру», с точки зрения Вестрика, можно лишь путем подчинения мировой экономики господству финансового триумvirата Уолл-стрит, «Рейхсбанка» и Банка Японии, обладающих контролем над золотом и финансами. Впрочем, как едко отметил корреспондент газеты «Таймс», позиция Вестрика мало чем отличалась от той, которую усиленно пропагандировал и госсекретарь США Корделл Хэлл.

Вряд ли стоит говорить, что в разговоре о «вечном мире» не нашлось места для таких досадных и мелких препятствий на пути к его достижению, как оккупация Австрии, Чехословакии или Польши.

Среди откликов на это интервью три дня спустя в «Таймс» было опубликовано письмо Карла Худека, исполнявшего обязанности генерального консула правительства оккупированной Чехословакии в США. В нем, в частности, говорилось:

«Я думаю, что все страны, по которым прошелся нацистский сапог,— Австрия, Чехословакия, Польша, Дания, Норвегия,— а также и те, которым предстоит быть раздавленными в недалеком будущем, должны поблагодарить господина Вестрика за благие намерения... Д-р Вестрик, безусловно, прав, утверждая, что в конечном счете войны всегда порождаются экономическими причинами. Моя несчастная и униженная страна — лучший тому пример: сразу после ее оккупации фашисты захватили всю промышленность. Можно не сомневаться — ими руководили экономические соображения!»

26 июня 1940 года члены «братства» устроили в честь Вестрика великолепный прием в отеле «Уолдорф-Астория», отпраздновав одновременно и победу нацистов над Францией. На этом «пире скорпионов» присутствовали Дитрих Шмиц, брат и партнер Германа Шмица из «Дженерал анилайн энд филм», Джеймс Муни от «Дженерал моторс», Эдзел Форд, вместе с отцом возглавлявший «Форд мотор компани», Уильям Уэйс от «Стерлинг продактс» и, наконец, Торкильд Рибер от «Тексас компани».

Эти магнаты пришли к общему соглашению: способствовать заключению договоров о беспошлинной торговле и мире с Германией.

Очень скоро, однако, Вестрик понял — фешенебельный гостиничный номер, где все на виду, не подходит для его необычной миссии. Поэтому с помощью того же Рибера он снял просторный дом в Вестчестере¹. Здесь у него собиралось изысканное общество видных представителей руководства третьего рейха и американских промышленников.

Пребывание Вестрика в США приобретало скандальный характер, и глава ФБР Эдгар Гувер нашел юридическое основание избавиться от немецкого гостя. Агенты ФБР выяснили, что Вестрик незаконно получил в США водительские права, солгав, что не имеет физических увечий. Несмотря на смехотворный повод, цель была достигнута. История попала в прессу, и — ура! — патриотически настроенные репортеры подняли невероятную шумиху вокруг пронацистской деятельности Вестрика, а временный поверенный Германии в США Ганс Томсен был вынужден предложить Вестрику немедленно вернуться домой.

Предотъездные хлопоты захлестнули Вестрика. В первую очередь он отправился к ожидавшим его с нетерпением отцу и сыну Фордам в Дирбоне с тем, чтобы обсудить вопрос об увеличении производства на их заводах моторов для немецких военных грузовиков. Правда, пришлось бы резко сократить поставки моторов в осажденную Британию, но это ничуть не смущало и не останавливало «автомобильных королей».

После этого вместе с Уилом Клейтоном из министерства торговли Вестрик нанес визит госсекретарю Корделлу Хэллу, от которого они постарались добиться гарантий строгого соблюдения американо-германских торговых соглашений, в чем были крайне заинтересованы также и владельцы хлопчатобумажной промышленности Техаса.

Клейтон, председатель совета директоров «Ю. С. коммершиал компани», стоял на страже интересов «братства» в течение всей второй мировой войны. Среди других американских друзей Вестрика небезынтересно отметить и Уильяма Донована, возглавившего в 1942 году управление стратегических служб США (преобразованное позже в ЦРУ). Вестрик успел до отъезда установить деловые контакты с руководством корпораций «Истмэн кодак» и «Ундервуд», после чего со спокойным сердцем отправился восвояси.

По возвращении домой дела его шли довольно гладко, пока после событий в Перл-Харборе и вступления США в

¹ Вестчестер — пригородный район Нью-Йорка, где сосредоточены виллы американских сверхбогачей.

войну с Германией против него не начались интриги со стороны нацистского руководства. В разговоре со Шрёдером и Беном в Швейцарии Вестрик пожаловался, что встретил непримиримого врага в лице престарелого министра Вильгельма Онезорге, одного из сподвижников фюрера, который среди первых вступил в НСДАП. Онезорге взбунтовался против того, чтобы филиалы концерна ИТТ, руководимого из Нью-Йорка, продолжали функционировать на территории рейха во время войны. Бен посоветовал Вестрику использовать влияние Шрёдера и гестапо, чтобы заставить замолчать Онезорге, а за это обещал Шрёдеру существенно увеличить свою финансовую помощь гестапо через «кружок друзей».

Нацистское руководство в итоге ограничилось созданием специального опекунского совета для контроля над деятельностью ИТТ на территории Германии и оккупированных стран Европы, а это было совсем не просто, поскольку к этому времени европейская часть ИТТ превратилась в гигантскую корпорацию, на предприятиях которой трудилось более 30 тыс. человек. Онезорге, как и следовало ожидать, всеми силами сопротивлялся этим половинчатым мерам и решил добиться своего с помощью Гиммлера. Но не тут-то было. Между Гиммлером, Шрёдером и Шелленбергом царил полное взаимопонимание, по крайней мере в этом вопросе. Тогда Онезорге обратился к самому Гитлеру и в беседе с ним прямо обвинил Вестрика в проамериканских симпатиях и предательстве. Однако Гитлер, хорошо представлявший всю важность ИТТ для фашистской Германии, полностью встал на сторону Бена.

Было найдено компромиссное решение, в соответствии с которым германское правительство отказывалось от передачи акций ИТТ в немецкие руки как непременно-го условия и устанавливало «эффективный контроль» над американской корпорацией, учредив совет управляющих, главой которого предполагалось назначить... Вестрика.

Действия американской корпорации ИТТ нельзя квалифицировать иначе, как прямое и недвусмысленное сотрудничество с правительством фашистской Германии во время войны.

Бен и Вестрик не успокоились на достигнутом. С целью упрочения позиций немецких филиалов корпорации они ввели Вальтера Шелленберга и генерала немецких войск связи Фрица Тиле в совет директоров ИТТ, заинтересовав их таким образом и в прибылях, и в самом существовании корпорации. Генерал Тиле оказался весьма ценным приобретением, поскольку военные заказы,

которые корпорация получала с его помощью, всегда были лакомым куском, а во время войны тем паче. Гитлеру, правда, не понравилось, что его генерал получает директорскую зарплату от американской корпорации, и он чуть было не лишил его генеральского звания, но за Тиле вступился Гиммлер, и дело уладилось.

Однако старик Онезорге не унимался и однажды почти уговорил Гиммлера выдать ордер на арест Вестрика по обвинению в государственной измене. Он хотел упрятать Вестрика в концлагерь, чтобы без помех разделаться с ИТТ. И вновь явился ангел-хранитель — бригаденфюрер СС банкир Курт фон Шрёдер, который защитил ИТТ от престарелого министра. Вскоре Бен стал не только прямым владельцем немецкого филиала ИТТ, но и сосредоточил в своих руках управление всеми промышленными предприятиями корпорации, расположенными в нейтральных странах Европы: в Испании, Португалии, Швеции и Швейцарии. Все они работали на полную мощность, производя и реализуя продукцию в странах «оси». Однако, понимая уязвимость своего положения с точки зрения американского законодательства, Бен лично или через представителей пытался легализовать деятельность европейских филиалов ИТТ и неоднократно обращался в министерство финансов за специальным разрешением. Хотя Моргентау постоянно отклонял просьбы Бена, тот, ничуть не смущаясь, продолжал сотрудничать с врагом. Бен поставлял сырье дочерним компаниям ИТТ в нейтральных странах, работавших на противника.

После Перл-Харбора главные командования сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота фашистской Германии заключили с ИТТ контракты, предусматривающие производство коммутаторов, телефонных аппаратов, систем воздушной разведки и оповещения, радиолокационного оборудования и взрывателей для артиллерийских снарядов в количестве 30 тыс. штук в месяц. Эту цифру предполагалось увеличить к 1944 году до 50 тыс. Кроме того, ИТТ поставляла готовые изделия для сборки ракетных снарядов, которыми немцы бомбили Лондон, селеновые выпрямители и высокочастотное радиооборудование, аппаратуру для обеспечения военной связи.

Благодаря услугам ИТТ немецкие военно-воздушные силы получили возможность уничтожать американские и британские войска, а немецкая армия — наносить удары по силам союзников в Африке, Италии, Франции и затем в самой Германии. Самолеты, варварски разрушающие английские города, совершающие налеты на корабли союзников в открытом море, несли смертельный груз, заботли-

во укомплектованный ИТТ... Без стараний ИТТ и ее филиалов фашистской Германии не удалось бы поддерживать связь со странами Латинской Америки как раз в то время, когда главнокомандующий германским военноморским флотом адмирал Редер перешел к практическому осуществлению своих опасных и далеко идущих планов основательно закрепиться южнее зоны Панамского канала. Приподнять завесу над тайными махинациями телефонной корпорации помогает докладная записка от 26 февраля 1942 года, направленная юрисконсультком госдепартамента США Р. Иглингом заместителю госсекретаря Брекинриджу Лонгу:

«Руководству корпорации «Интернэшнл телефон энд телеграф», которое с *одобрения и при содействии госдепартамента* обеспечивает телефонную, телеграфную и телетайпную связь между странами Латинской Америки и отдельными пунктами на территории стран «оси», нужны определенные гарантии того, что подобная деятельность корпорации и впредь не вызовет возражений со стороны администрации. Данный вопрос, видимо, следует обсудить в частном порядке с министром юстиции США. В случае его согласия необходимо довести до сведения руководства ИТТ, что корпорации не угрожают санкции со стороны властей. Поскольку руководство ИТТ считает, что действия латиноамериканских филиалов не противоречат положениям недавно принятого в США закона о торговле с врагом, ему надлежит в установленном порядке просить министерство финансов США выдать предусмотренное этим законом разрешение».

Не дожидаясь никаких разрешений, Бен продолжал торговать с противником. Он был уверен: ни госдепартамент, ни министерство юстиции не станут вмешиваться в его дела. Твердая поддержка со стороны влиятельных членов американской администрации на протяжении всей войны позволяла ему совершать регулярные поездки в Мадрид для заключения сделок с противником. В Испании ему принадлежала не только крупнейшая в стране телефонная компания, но и главная компания по производству телефонного оборудования — «Стандард электрик». После одного из визитов в Мадрид в середине 1942 года Бен обратился в госдепартамент за разрешением закупать сырье в Германии, чтобы использовать его потом на предприятиях филиала ИТТ в Испании. Вполне понятное недоумение госдепартамента несколько не смутило Бена. Не моргнув глазом, он заявил, что в противном случае правительство Франко выполнит свою угрозу

¹ Курсив автора.

и конфискует имущество компании. Довод отнюдь не новый и к тому же заведомо лживый — годом раньше Бен безуспешно пытался продать франкистскому правительству испанский филиал корпорации и убедился, что оно вовсе не желает взваливать себе на плечи дополнительные сложности по управлению компанией.

Просьба Бена вызвала оживленную переписку между госдепартаментом и американским посольством в Испании, причем посол Карлтон Хейс продемонстрировал уникальную способность скрывать истинное положение дел. 15 августа 1942 года он писал: «Посольство... склоняется к мнению, что ИТТ лишена возможности постоянно ставить военные интересы нашей страны выше ее собственных».

Эти строки были написаны в то время, когда на предприятиях ИТТ в Испании полным ходом шло производство военного снаряжения для германской армии.

28 сентября 1942 года американский посол в Лондоне Джон Вайнант в срочном сообщении в Вашингтон настойчиво рекомендовал госдепартаменту убедить министерство финансов «выдать разрешение на торговлю с нацистской Германией» швейцарскому и испанскому филиалам ИТТ. Однако Моргентау и Гарри Декстер Уайт решительно отклонили это ходатайство.

Бен, несмотря на подобные мелкие неурядицы, строил все более широкие планы и незамедлительно переходил к их реализации. Первые три месяца следующего, 1943 года он снова провел в Мадриде. В испанской столице Бен часто встречался с Вильгельмом Грубе, полковником войск связи Германии, и подробно излагал ему проект слияния всех компаний ИТТ на территории Западной Европы в единую корпорацию, позже получившую название «Еуропиан стандарт». Идеи Бена Грубе довел до сведения своего начальства.

Однако не будем забегать вперед. Сразу после событий в Перл-Харборе президент Рузвельт поручил Нельсону Рокфеллеру подготовить доклад о состоянии средств связи в Латинской Америке, ибо, учитывая вступление США в войну, вопрос этот приобретал стратегическое значение. 4 мая 1942 года президент США направил вице-президенту Генри Уоллесу, возглавлявшему управление экономической войны, меморандум, в котором предписывалось очистить все предприятия, обеспечивающие связь по радио, телефону и телеграфу, от служащих, которые являлись подданными враждебных стран. Далее он убеждал Уоллеса в необходимости устранить контроль и влияние государств «оси» над линиями дальней связи в Латинской Америке с тем, чтобы обеспечить

надежность их работы во всем западном полушарии. Президент предлагал также закрыть прямые линии связи с государствами, которые вели войну против США. Для осуществления этих мероприятий и решения вопроса об их финансировании он считал целесообразным создать специальную корпорацию и комитет экспертов при ней.

Уоллес решил разделить бремя возложенной на него ответственности с министром торговли Джесси Джонсом и обратился к нему за помощью. Джонс организовал так называемую «Ю. С. коммершиал компани», в задачу которой входило практическое осуществление распоряжений президента. Следует особо остановиться на тех кандидатурах, которые Джонс подобрал на руководящие посты в компании. Вторым лицом в ней стал Роберт Гантт, вице-президент ИТТ, причем то обстоятельство, что Гантт стал совмещать два поста, ни у кого не вызывало недоумения. Остальные члены совета директоров в большинстве своем также занимали ответственные должности в ИТТ или в «Радио корпорейшн оф Америка» (РКА), не менее тесно связанной с германскими компаниями. Бесспорно, их общий интерес заключался в том, чтобы свести работу «Ю. С. коммершиал компани» к пустым словопрениям, в чем они и преуспели.

Кроме того, был образован комитет по проблемам связи западного полушария. В него вошли представители министерства финансов, госдепартамента, ВМФ, ВВС и директора «Ю. С. коммершиал компани». Комитет регулярно заседал в течение всей войны, однако его деятельность сводилась в основном к бесконечным дискуссиям о наиболее действенных мерах, которые могли бы быть приняты против сотрудничающих с нацистами американских компаний.

После событий в Перл-Харборе центральное место в дебатах надолго занял вопрос о планах поглощения ИТТ телефонных компаний в Мексике. Дело в том, что одна из них, «Мексикан телефон энд телеграф», полностью принадлежала Бену. В его руках были 35 процентов акций другой — шведской «Эриксон компани». Оставшейся частью акций владели некто Аксель Вэннер-Грен, давно сотрудничавший с нацистами, и Якоб Валленберг, шведский миллионер, снабжавший шарикоподшипниками обе воюющие стороны. В начале 40-х годов Бен приложил массу усилий к тому, чтобы объединить и подмять под себя обе компании.

Довод, который он приводил американским официальным лицам в пользу такого замысла, полностью соответствовал духу его деятельности. Оказывается, прежде всего это должно было ослабить прогерманское влияние

в Мексике! Какая роль отводилась здесь ИТТ, не сумел объяснить даже он. Совершенно ясно лишь одно: с осуществлением планов Бена такое влияние могло лишь усилиться. Идее Бена решительно воспротивился К. Дурр, исполнявший обязанности председателя федеральной комиссии по вопросам связи. У Дурра были основания подозревать, что 15-миллионный кредит, который Экспортно-импортный банк обещал Бену, попадет прямо в руки фашистов. Дурра возмущало также, что в условиях войны оставался в силе контракт между ИТТ и японской «Ниппон электрик компани», по которому Бен мог принимать на работу в Мексике служащих из числа японских граждан.

Тем не менее 29 октября 1942 года Экспортно-импортный банк заявил о согласии предоставить ИТТ кредит под слияние в размере 36 млн. долларов. Этому событию было посвящено бурное заседание федеральной комиссии по вопросам связи. На вопрос Дурра, как могло быть принято такое решение, один из членов федеральной комиссии многозначительно заметил, что свои мексиканские телефонные станции ИТТ предлагает использовать для прослушивания разговоров противника.

«Но, насколько я знаю, связь — вещь двусторонняя, а значит, прослушивать можно и нас?» — резонно возразил Дурр. «Контроль за телефонными разговорами приносит больше пользы той стороне, которая раньше и лучше сумеет оценить и проанализировать полученную информацию», — внес ясность капитан 3-го ранга ВМФ США Уиллибукер. «К кому же, в таком случае, раньше всего поступает полученная информация?» — поинтересовался представитель юстиции Лоуренс Смит. «Руководству компании, естественно», — ответил, не задумываясь, Фрэнсис де Вольф из госдепартамента. «А правительство получит лишь те сведения, которыми с ним сочтет нужным поделиться ИТТ¹. Правда, компании придется задуматься над тем, что правительство может через конкурирующие источники контролировать объем передаваемой информации, и тогда попытка утаить часть сведений поставит ее в весьма щекотливое положение».

Характер и тон всех этих рассуждений приводили Дурра в ярость. Он рвал и метал по поводу того, что линии связи со странами «оси» работали по-прежнему с полной нагрузкой.

Этот вопрос он поставил на обсуждение возглавляемой им комиссии. В ходе горячих дебатов член комиссии Хью Ноултон заявил: «Военные тщательно проверили все

¹ Курсив автора.

сторсны деятельности корпорации, и если они сочли возможным передавать ей важнейшие заказы, я думаю, мы тоже должны отбросить все подозрения».

Дурр возразил, что его беспокоит не столько деятельность ИТТ в самих США, «где корпорацию можно держать под постоянным контролем», сколько ее операции за границей, в особенности в странах «оси». Однако ни Ноултон, ни де Вольф не сдавались.

«Давайте разберемся, что более всего беспокоит нашу комиссию,—предложил де Вольф.—Все мы и раньше знали, что ИТТ принадлежат заводы в Германии, компания в Испании, что она связана с Бельгией, одним словом, торгует с противником. Так что единственно, чего придется опасаться, это реакции общественности, если ей станут известны связи ИТТ с противником».

Ноултону пришлось выложить последний козырь—напомнить, что Бен приобрел безупречную репутацию истинного патриота Америки. («Он, конечно, себе на уме, но всегда был предан американским интересам».) Лоуренс Смит из министерства юстиции бросил упрек «Ю. С. коммерциал компани»: она так и не представила глубокого анализа ситуации, которого от нее так ждали. Когда он упомянул имя Вестрика и намекнул на сотрудничество с нацистами в Латинской Америке, де Вольф поспешил подвести черту: «ИТТ является вполне лояльной американской корпорацией». Смит позволил себе с этим не согласиться, а другой представитель министерства юстиции спросил, функционирует ли по-прежнему линия прямой связи с Токио. «Если да, то только с санкции правительства»,—быстро парировал Ноултон, а де Вольф уточнил: «Такие каналы связи могут действовать лишь с разрешения госдепартамента».

Пока шли дебаты, СИДРА, филиал ИТТ в Аргентине, обеспечивал, как всегда, телефонную связь между Буэнос-Айресом, Германией, Венгрией и Румынией. Другая аргентинская телефонная компания, принадлежавшая Бену, только за первые семь месяцев 1942 года предоставила 622 телефонных разговора между Аргентиной и Берлином.

Продолжалось сотрудничество ИТТ с латиноамериканскими компаниями, внесенными в «черный список». Разрешения на это выдавались, как правило, посольствами США в соответствующих странах. Согласно инструкциям Бена, руководство деятельностью компании в Бразилии и Перу осуществлялось из Аргентины, которая не объявляла войны странам «оси».

В Бразилии ИТТ получила разрешение от американского посольства на покупку партии товаров у находящей-

ся в «черном списке» немецкой компании, производящей электрооборудование. У нее же ИТТ покупала вольфрам и кобальт. Получателями продукции, производимой корпорацией Бена, были фирмы стран, с которыми воевали Соединенные Штаты. В Венесуэле в июне 1942 года ИТТ купила большую партию товара у фирмы «Арманда Каприлес энд компани», которая вносила щедрые вклады в так называемый «фонд зимней помощи», предназначенный для немецких войск в России и Польше. Что касается главы уругвайского филиала корпорации ИТТ, то он сам значился в правительственном «черном списке».

Во второй половине 1942 года ИТТ поставила большую партию телефонного оборудования для своих отделений в странах Латинской Америки, не имея на это разрешения. Корпорация по-прежнему пользовалась скидками и более низкими учетными ставками в Экспортно-импортном банке, который к тому же продлил для нее сроки своего кредита. В июле 1942 года произошел следующий случай: в руки принадлежащей ИТТ телефонной компании в Буэнос-Айресе попала секретная информация о залежах вольфрамовой руды. Вскоре эти сведения оказались у контролировавшейся фашистами «Хаверо трейдинг компани оф Буэнос-Айрес».

В Европе филиалы ИТТ действовали не менее целенаправленно и активно. 4 декабря 1943 года П. Эрикссон из шведского филиала ИТТ отправил письмо своему коллеге Г. Пизу в главную контору корпорации в Нью-Йорке, в котором подробно излагал план автоматизации телефонной сети оккупированной нацистами Дании. Стоимость такой реконструкции оценивалась в 400 млн. крон. Только на телефонной станции ИТТ в Копенгагене, служившей нацистам основным узлом связи со всей Северной Европой, было занято около двухсот человек.

В Латинской Америке Бен имел могущественного партнера и соперника в лице «Радио корпорейшн оф Америка» (РКА), которой принадлежала крупнейшая радиосеть Эн-би-си. РКА была тесно связана с английской корпорацией «Бритиш кэйбл энд уэйрлес» (БКУ), нацистской «Телефункен», принадлежавшей правительству Муссолини «Италкабле» и вишистской «Компани женераль». Кстати, «Компани женераль» входила в крупнейший консорциум «Трансрадио», председателем которого в то время был американский генерал Роберт Дэвис, возглавлявший нью-йоркское отделение американского Красного Креста. В свою очередь РКА, БКУ и некоторые немецкие и итальянские компании совместно с ИТТ владели акциями компании «Телеграфика и телефоника дель Плата»

(ТТП), полностью контролировавшейся нацистами и обеспечивавшей прямую телефонную и телеграфную связь между Буэнос-Айресом и Монтевидео. Нацисты в Монтевидео, таким образом, располагали в Буэнос-Айресе надежным средством передачи информации.

Проконтролировать эту линию не могли ни государственные телефонные сети в Уругвае, ни ИТТ в Аргентине.

Зачастую даже самая секретная информация, предназначавшаяся для американского правительства, попадала прямо в Берлин и Рим по линиям связи «Трансрадио». Через ТТП ИТТ поддерживала деловые контакты со своим германским соперником, концерном «Сименс», также входившим в число акционеров этой латиноамериканской компании. Империя Бена и «Сименс» конкурировали и в западном полушарии к югу от Панамы.

Во главе РКА во время второй мировой войны стоял полковник Дэвид Сарнофф. Плотный, приземистый, весьма решительный во всех вопросах, отдающий распоряжения глуховатым басом,— вот портрет этого человека, сына русских эмигрантов. В начале жизненного пути он — мальчик на побегушках, продавец газет, затем телеграфист в фирме «Маркони уэйрлес». В 1912 году Сарнофф неожиданно прославился: 22-летний клерк оказался первым, кто поймал сигналы бедствия тонущего «Титаника», и в течение 72 часов направлял корабли на помощь гибнущему судну. Далее карьера его сложилась на редкость удачно: за пять лет он быстро поднялся по служебной лестнице от скромного инспектора до поста коммерческого директора фирмы. В 1922 году Сарнофф — уже главный управляющий РКА, а еще через несколько лет — президент этой компании. Под его руководством Эн-би-си превратилась в крупнейшую радиовещательную сеть, а РКА стала одной из ведущих многонациональных корпораций в области телевидения и связи.

Сразу же после трагедии в Перл-Харборе Сарнофф телеграфировал Рузвельту: «Весь технический и людской потенциал нашей компании находится в состоянии готовности и в полном Вашем распоряжении. Ждем указаний». Вклад Сарноффа в военные усилия США во второй мировой войне был столь же важен, как и вклад Бена. Обоим присвоили звание полковника войск связи США. Сарнофф сумел справиться с задачей обеспечения всеми видами связи 12-миллионных вооруженных сил США. В 1944 году он прибыл в Лондон и в качестве консультанта при штабе верховного главнокомандующего экспедиционных сил союзников в Западной Европе генерала Дуайта Эйзенхауэра участвовал в подготовке

высадки в Нормандии. За помощь, оказанную англо-американскому командованию при овладении территорией в Европе, Сарнофф был награжден медалью «За заслуги». Возглавляемая им РКА обеспечивала поступление в Америку всей информации о праздновании Дня победы над Японией.

С одобрения американских генералов РКА в 1943 году создала новые экспериментальные лаборатории, которые были необходимы для разработки современных средств связи на завершающем этапе войны.

Однако американская общественность, привыкшая видеть в Сарноффе гражданина и патриота, была бы шокирована, узнав, что возглавляемая им гигантская корпорация находилась в тесном сотрудничестве с такими пронацистскими компаниями, как «Трансрадио» и ТТП. Для англичан было бы малоприятно узнать следующее: БКУ, 10 процентов акций которой принадлежало правительству Великобритании, одновременно являлась партнером немецких и итальянских компаний.

«Трансрадио», о тесных связях которой с крупнейшими корпорациями США мы уже говорили, была истинным аванпостом германского фашизма в Латинской Америке. Вскоре после событий в Перл-Харборе управляющий «Трансрадио» в Чили Ганс Блюме организовал нелегальную сеть радиовещания, использовавшуюся для пронацистской пропаганды, координации действий разветвленной шпионской сети противника, созданной для сбора секретных сведений о передвижении судов американского флота и данных о структуре экспорта США через латиноамериканские порты, оборонных мероприятиях соседних стран. Кроме того, Блюме обеспечивал связь фашистской Германии с ее дипломатическими миссиями в Южной Америке. Подобные задачи «Трансрадио» выполняла и в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе.

Бразильский филиал «Трансрадио» был известен как «Радиобраз». Акции этой компании принадлежали американским, британским, германским и итальянским акционерам, представители которых входили и в совет директоров «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», точнее, его отделения в Рио-де-Жанейро. В 1942 году этому отделению НСБ лондонский банк «Трансрадио» перевел акции стоимостью более 250 тыс. долларов, изъятые из различных банков, контролировавшихся нацистами.

Совет директоров аргентинского филиала «Трансрадио» также представлял собой разношерстную компанию представителей финансового капитала Германии, Италии и стран антигитлеровской коалиции. Как и директора БМР, они без конца проводили совещания, обдумывая,

как лучше услужить нацистам. Влияние и власть пронацистских сил возросли настолько, что большинство совершенно секретных донесений, направлявшихся посольствами и консульствами США в столицы союзных стран, ложились на стол гитлеровского руководства раньше, чем достигали адресатов.

15 марта 1942 года руководство «Трансрадио» в Лондоне дало указание своему филиалу в Буэнос-Айресе немедленно открыть линию фоторадиосвязи с Токио, что могло быть осуществлено лишь с санкции правительства Великобритании. 16 марта американское посольство в Буэнос-Айресе сообщило госдепартаменту о самых негативных последствиях, которые может повлечь открытие такой линии, ибо «японцы получают прекрасную возможность беспрепятственно передавать любую фотоинформацию, содержание которой нанесет вред интересам союзников, особенно в случае ее опубликования в печати». В тот же день на стол заместителя госсекретаря Брекинриджа Лонга легла служебная записка из государственного департамента следующего содержания:

«Теперь, когда мы находимся в состоянии войны и учитывая обязанности, которые налагает на нас подписанная в Рио-де-Жанейро 40-я резолюция, представляется целесообразным призвать наши компании, обеспечивающие телефонную связь государств «оси» со странами Латинской Америки, впредь воздержаться от подобной деятельности, если у них не будет на это соответствующего разрешения министерства финансов... Что касается деятельности компаний в прошлом, то, вероятно, мы можем устно заверить руководство компаний в том, что они не будут подвергнуты судебному преследованию». Интересно отметить, что сотрудничество с противником ни «в прошлом», ни в будущем не доставляло американским компаниям никаких неприятностей со стороны администрации и уж тем более не подвергалось судебному преследованию.

В то же самое время Лондон, по имеющимся данным, разрешил «Трансрадио» открыть линию прямой связи между крупнейшими городами Латинской Америки и Римом. Еще в 1939 году правительство Великобритании распорядилось ликвидировать принадлежавшую «Италькабле» линию связи с Римом в Гибралтаре. Теперь же «Трансрадио» получила возможность за полцены приобрести эту линию у своего итальянского партнера.

Помимо этого, как докладывал госдепартамент, принадлежавшие «Трансрадио» телефонные станции имели прямые линии связи с Берлином, о чем отлично знал Дэвид Сарнофф. Количество секретной информации, по-

лученной противником таким путем, даже трудно себе представить: на протяжении всей войны лондонское и нью-йоркское отделения корпорации находились в постоянном контакте, обменивались сведениями, полученными из Аргентины, Бразилии и Чили, а также направляли отчеты компании заинтересованным ведомствам в Италии и Германии.

Одна телеграмма дает представление о сотрудничестве с фашистами. Ее направил из Буэнос-Айреса Нандо Бен своему дяде Состенесу Бену в Нью-Йорк в конце июня 1942 года, причем он с возмущением уличал «Трансрадио» в том же, чем грешила ИТТ:

«Здесь действует настоящий центр связи Америки с Берлином. Необходимо положить этому конец. Наши конкуренты (я имею в виду «Трансрадио») имеют прямую радиосвязь с Берлином. Поэтому будь уверен, об отплытии любого судна из Буэнос-Айреса в Берлине узнают раньше, чем оно успевает выйти в открытое море».

Создается такое впечатление, что американскому генералу Роберту Дэвису никогда в голову не приходила мысль, что его шведские коллеги по совету директоров «Трансрадио» являлись доверенными лицами правительства одной из стран «оси». Почему-то его не удивляло, что совершенно секретные чертежи, документы и патенты быстро и с большой точностью передавались из Страны восходящего солнца в Латинскую Америку с санкции японского министра связи.

10 июля 1942 года аргентинский министр внутренних дел направил генеральному директору почт и телеграфа США официальное письмо, в котором пытался заручиться согласием на закрытие прямых линий связи со странами «оси», ссылаясь при этом на договоренности, достигнутые на конференции в Рио-де-Жанейро¹. (Эти договоренности были заключены по настоянию Сэмнера Уэллеса.) Руко-

¹ Конференция в Рио-де-Жанейро (Бразилия) проходила с 15 по 28 января 1942 г. Ее участники — министры иностранных дел государств западного полушария — приняли целый ряд резолюций, которые способствовали вытеснению европейских и азиатских конкурентов монополистического капитала США из Латинской Америки. В частности, были приняты резолюции о разрыве всеми латиноамериканскими странами дипломатических, торговых и финансовых связей с Японией, Германией и Италией, об установлении контроля над всеми фирмами, принадлежавшими подданным стран фашистского блока, вплоть до их конфискации, и т. д. Кроме того, было принято решение о создании в Вашингтоне «межамериканского совета обороны» для разработки «рекомендаций в вопросах обороны континента и обеспечения возможности сохранить военные связи в послевоенный период». Это решение отражало курс империализма США на создание под своей эгидой нового военного блока, с тем чтобы еще более упрочить свои позиции в Центральной и Южной Америке.

водство «Трансрадио», РКА и ИТТ тут же лицемерно заявили, что аргентинское правительство не замедлило бы с национализацией их финансов, прекрати они обеспечивать связь с враждебными государствами.

Переложив, таким образом, ответственность в вопросе о закрытии линий связи на плечи правительств Аргентины, Чили и Бразилии, Сарнофф вновь доказал: основной движущей силой его деятельности и во время войны оставался главный для дельца принцип «бизнес прежде всего». Стоит ли говорить, что подобная деятельность ничего общего с патриотизмом не имела.

Через два дня после заявления Аргентины о ее желании закрыть линии связи с противником в кабинете Брекинриджа Лонга состоялось срочное совещание. Здесь хочется сделать небольшое отступление и сказать несколько слов о Лонге, занимавшем пост заместителя госсекретаря США по вопросам связи и виз, а ранее посла США в Италии. Восторженное преклонение перед личностью Муссолини было одной из самых ярких черт его характера. Находясь на новом посту, Лонг проявил редкостное рвение, изыскивая всевозможные препятствия иммиграции евреев в США из оккупированной гитлеровцами Европы. На заседании в кабинете Лонга присутствовали, кроме него, Сарнофф, сэр Кэмпбелл Стюарт (представитель БКУ в Нью-Йорке), вице-президент РКА У. Уинтерботтом и генерал Р. Дэвис. Узкий круг дельцов, собравшихся в кабинете Лонга, вынес решение направить Дэвиса в Аргентину и Чили, чтобы он мог на месте разобраться в сложившейся ситуации. Для широкой публики миссию Дэвиса преподнесли по-иному: преисполненный решимости, получив соответствующие полномочия, он якобы едет с единственной целью — приложить все усилия и закрыть линии связи с противником через Латинскую Америку, как того требовали обстоятельства и правительства этих стран. В помощники Дэвису выделили инженера Филиппа Сайлинга из федеральной комиссии по вопросам связи, состоявшего на службе в ИТТ, и капитана Джорджа Шеклина из управления военной информации, работавшего и в РКА.

На следующем заседании, состоявшемся 20 июля и созванном для обсуждения деталей миссии Дэвиса, Брекинридж Лонг особо отметил ее важность, упомянув без особого сожаления, что «информация, передаваемая телефоно- и радиостанциями нашей корпорации, достигает адресатов не без утечки». Сэр Кэмпбелл Стюарт невозмутимо обещал «довести до сведения правительства Великобритании решения, принятые на этом совещании». Было условлено, что госдепартамент США возьмет на

себя все издержки по поездке Дэвиса и окажет содействие в получении паспортов и виз.

Дэвис отправился в Латинскую Америку и провел переговоры с директорами и управляющими местных филиалов. Однако, изучая «сложившуюся ситуацию», он смотрел на многие факты сквозь пальцы, либо неприкрыто лгал с целью обелить своих коллег. Несмотря на то что во всех без исключения филиалах «Трансрадио» работали многочисленные нацистские агенты или лица, не скрывающие своих симпатий к нацизму, он почему-то обнаружил лишь двоих: Анри Пэнсемэна, представителя вишистской «Компани женераль» в Буэнос-Айресе, и уже известного Ганса Блюме из «Трансрадио» в Вальпараисо. Генерал Дэвис просто не заметил Эрнесто Агирре, хотя тот не только возглавлял совет директоров в Буэнос-Айресе, но и занимал руководящие посты в контролируемом нацистами филиале «Дженерал электрик» и нескольких других итальянских, японских и немецких компаниях.

На весьма ответственных должностях в Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айресе и других крупных городах Дэвис оставил видных нацистов. Например, одного из них, Георга Рихтера, сотрудника компании «Сименс», постоянно кочевавшего якобы по делам службы из одного филиала фирмы в другой, в ФБР давно знали как агента шпионской сети, созданной верховным главнокомандованием нацистского вермахта.

По завершении своей миссии 18 августа 1942 года генерал Дэвис телеграфировал Лонгу из Сантьяго (Чили), что воочию убедился в абсолютном «моральном здоровье «Трансрадио» и может констатировать: эта корпорация находится «всецело под контролем союзников». Однако выводы доклада, подготовленного через полгода ФБР, резко контрастировали с оценкой Дэвиса. Из доклада явствовало, что «Трансрадио» сохранила четыре мощные радиостанции, настроенные на волны Токио, Берлина, Лондона и Нью-Йорка. Руководил их деятельностью Курт Блюме, родной брат уволенного за пронацистскую деятельность Ганса Блюме.

По возвращении в Вашингтон Дэвис 25 августа 1942 года отчитался об итогах своей поездки все в том же кабинете Лонга в госдепартаменте. Вокруг были знакомые лица: Сарнофф, Уинтерботтом и, конечно, сам хозяин кабинета. Дэвис докладывал: «Положение дел сейчас следует признать вполне удовлетворительным... Филиалы «Трансрадио» в южноамериканском регионе находятся в надежных руках друзей». Чьих друзей? — возникает резонный вопрос. Но у Лонга такого вопроса не

возникало. В разговоре со своим шефом, госсекретарем Корделлом Хэллом, он не пожалел ярких красок, рисуя впечатляюще радостную картину деятельности американских корпораций связи в Латинской Америке, иногда даже греша против истины. Так, упомянув об Эрнесто Агирре, он явно перегнул палку: «Д-р Агирре и душой и телом на стороне союзников и свою преданность подкрепляет делами».

Через неделю генерал Дэвис выступил еще с одним отчетом о своей миссии, на этот раз на общем собрании акционеров РКА, с понятным восторгом внимавших его цветистым речам о блестящем положении дел в корпорации. Он огласил послания, направленные от имени госдепартамента представителям Италии и Германии в совете директоров РКА (и это в разгар войны!). Немецкие и французские директора выразили общее мнение руководства корпорации, потребовав не прибегать в дальнейшем к практике перестановки кадров (читай, к увольнению фашистов) в латиноамериканских филиалах. И в самом деле, все остались на своих местах, за исключением одного американца, Джорджа Хейса, занявшего важное место в Буэнос-Айресе. Он возглавил правление аргентинского филиала корпорации, членами которого были представители обеих воюющих сторон. Заняв этот пост, Хейс вплоть до октября 1943 года даже не заикался о необходимости порвать связи с компаниями, принадлежавшими фашистской Германии.

Прямые линии связи со странами «оси» функционировали по-прежнему на полную мощность, и Брекинридж Лонг либо не смог, либо не захотел добиться их закрытия. Да и правительство Великобритании, как оказалось, не стремилось покончить с бесконечными проволочками и решить наконец этот вопрос. Игра в кошки-мышки шла по всем правилам: стоило Лонгу высказать мнение о том, что англичанам необходимо закрыть эти линии связи для того, чтобы американцы смогли последовать их примеру, как сэр Кэмпбелл Стюарт заявлял: первый шаг должны сделать США, а Великобритания не замедлит поступить точно так же. Иными словами, Сарнофф кивал на Стюарта, а Состенес Бен на Сарноффа. Тянули резину как могли, а ответственность за это пытались свалить то на правительство латиноамериканских стран, то на Лондон, то на Нью-Йорк. А тем временем доллары продолжали скапливаться в руках тех, кто более всех был заинтересован в бесконечных словопрениях и менее всего думал о том, что широкое русло для утечки информации по-прежнему не перекрыто.

Члены «Ю. С. коммерциал компани», действовавшей

под эгидой федеральной комиссии по вопросам связи, не забывали, чего ждет от них общество, и подвергли данный вопрос всестороннему рассмотрению на заседании 25 сентября 1942 года. Хью Ноултон докладывал на заседании, что руководство РКА отдало распоряжение филиалам «Трансрадио» в Аргентине и Чили закрыть линии связи со странами «оси» только после того, «как их закроют англичане». Британский посол в Вашингтоне заверил Дурра, исполняющего обязанности председателя федеральной комиссии, что «соответствующее распоряжение правительство Великобритании направит своим представителям в обоих филиалах корпорации, видимо, в самом ближайшем будущем». ИТТ также обязалась «закрыть все линии связи с противником, как только это сделает Великобритания».

Однако в октябре того же года с места так ничего и не сдвинулось. Характерно, что именно тогда на одном из совещаний в госдепартаменте Сарнофф заявил о готовности «добровольно поступиться соображениями финансовой выгоды в пользу интересов государства». Такая «щедрость» была, конечно, вынужденной в условиях военного времени. При этом он предпочел умолчать, что британские представители в совете директоров его корпорации давно уже выразили готовность закрыть все линии связи в Латинской Америке, как только Сарнофф даст соответствующее распоряжение, учитывая, что большинство правительств стран региона уже присоединилось в то время к антигитлеровской коалиции. Он продолжал упорно настаивать, что дело якобы за согласием английских членов руководства корпорации и выражал сомнения, подчинятся ли его распоряжению местные филиалы... Но все прекрасно понимали: в его власти приказать Дэвису уволить любого, кто откажется повиноваться.

И в 1943 году «Трансрадио» продолжала осуществлять выгодные сделки. 10 февраля вице-президент РКА Уинтерботтом телеграфировал в Лондон ответственному сотруднику БКУ Мартину Холлоуэру, что хотел бы убедиться, получает ли РКА все полагающиеся дивиденды от «Трансрадио», находятся ли по-прежнему все счета «Трансрадио» под ее контролем, а кроме того, каково положение дел в лондонском филиале корпорации. В самый разгар войны БКУ и РКА принадлежал солидный пакет акций «Трансрадио». В марте 1943 года, через семь месяцев после вступления Бразилии в войну с Германией, бразильский филиал РКА «Радиобраз» владел 70 659 акциями немецких компаний — лишь частью из 240 тыс. таких же акций с правом голоса, хранившихся в отделе-

нии «Нэшнл сити бэнк» в Рио-де-Жанейро. Примерно в то же время, 22 марта 1943 года, лондонская контора БКУ сообщала в письме госдепартаменту США, что в руках шведов, представляющих интересы нацистов, оказались протоколы последнего заседания совета директоров РКА, которые тут же были отосланы в Париж и Берлин.

Это досадное происшествие, впрочем, никак не омрачило отношений корпорации с госдепартаментом. Некоторое время спустя, правда, Лонг позвонил Сарноффу и мягко упрекнул в том, что представители стран «оси» при передаче своим правительствам шифрованных телеграмм из Буэнос-Айреса нарушают договоренность о том, что объем содержащейся в них информации не будет превышать семисот кодовых групп. Лонг добавил: «Я не сомневаюсь, что ваш представитель в Аргентине Джордж Хейс имеет серьезные основания держать в тайне действительный объем информации, передаваемой каждым из представителей стран «оси» своему правительству. Вместе с тем представляется, что Хейс правомочен и, более того, должен требовать ежедневные сводки об объеме информации, переданной представителями всех воюющих государств. Госдепартамент был бы крайне признателен, если бы вы предоставили в наше распоряжение такие сведения. Но ни в коем случае не прибегайте к услугам телеграфа или телефона. Вы сможете использовать нашу дипломатическую почту». Сарнофф в ответ выразил полную готовность исполнить просьбу. Но, судя по сохранившимся документам, дальше обещаний дело не пошло.

Наконец, после длительных проволочек, прямые линии связи со странами фашистского блока были закрыты, однако отнюдь не по распоряжению руководства американских корпораций, а под нажимом правительств нескольких латиноамериканских стран. Нет никаких свидетельств того, что госдепартамент или компании, обеспечивающие связь в латиноамериканском регионе, такие, как РКА и БКУ, сделали хоть один практический шаг в этом направлении.

Состенес Бен, как и Сарнофф, приложили немало усилий, чтобы выглядеть патриотами своей страны, не щадящими сил во имя победы США в войне. 15 мая 1942 года Бен заявил в интервью газете «Нью-Йорк таймс», что правительство Соединенных Штатов может впредь безвозмездно пользоваться любыми патентами, принадлежащими ИТТ или ее филиалам, как в США, так и за границей в течение войны и шести месяцев спустя после ее завершения. Он не будет также взимать лицензионную плату с компаний, пользующихся патента-

ми ИТТ для производства оборудования для армии.

В том же интервью он «признался» газете: «Наша корпорация имеет 9200 патентов на изобретения и более 450 зарегистрированных фирм в 61 стране. Сюда не включены данные, относящиеся к германским филиалам ИТТ, поскольку сведения от них теперь по вполне понятным причинам не поступают». Эта беззастенчивая ложь не вызвала в редакции газеты ни малейших сомнений и была тут же напечатана.

Бен также во всеуслышание заявил, что отчеты о прибылях и убытках «немецких, испанских, мексиканских филиалов ИТТ, а также принадлежащей корпорации телефонной компании в Шанхае» не включены в годовой отчет по причине «отсутствия информации о состоянии дел в этих компаниях». На самом деле Бен, как и раньше, ежедневно получал исчерпывающую информацию об их деятельности. Год спустя он проговорился об этом на собрании акционеров ИТТ в Нью-Йорке: «Более 60% всего объема операций, совершаемых ИТТ, приходится на западное полушарие, около 24% — на Британскую империю и нейтральные государства Европы и, наконец, чуть меньше 13% — на страны «оси» или контролируемые странами «оси» государства. Основная часть прибыли корпорации в целом получена филиалами ИТТ, находящимися в западном полушарии».

У присутствующих, впрочем, такая осведомленность не вызвала ни удивления, ни недоумения.

Больше того, хотя все подразделения американской разведки внимательно следили за каждым шагом полковника Бена, не было принято никаких мер для того, чтобы воспрепятствовать его деятельности. По мере того как война близилась к завершению, все внутренние разногласия между финансово-промышленными кругами и администрацией США отходили на второй план — вставали новые задачи: перспектива мира, с Германией, планы будущей конфронтации с Россией... Федеральное бюро расследований распространило по своим каналам несколько специальных досье относительно личности Бена и деятельности ИТТ к сведению разведслужб военно-морского флота, военно-воздушных сил и сухопутных войск США. Глава ФБР Эдгар Гувер не сомневался: копни поглубже, и выяснится, что Бен сотрудничал с агентами нацистской шпионской сети на Кубе и в других странах Карибского бассейна. Как это ни парадоксально, неопровержимые факты предательства Беном национальных интересов США нисколько не смущали Гувера. Из его глаз чуть не хлынули слезы умиления, когда в 1944 году Бен прислал ему в подарок книгу, написанную при его

участии и называвшуюся «Вдали от наших берегов мир слышит нас». В книге обосновывалась необходимость создания разветвленной сети американского радиовещания за пределами США. Растроганный Гувер писал Бену:

«Я получил Ваше письмо и книгу 10 июня с. г., за что выражаю искреннюю благодарность. Восхищен Вашим глубоким трудом и польщен оказанным мне вниманием».

Надо сказать, что во время войны ни американская администрация, ни президент не чинили Бену препятствий, хотя это было бы вполне понятным и патриотичным жестом. На пути к сотрудничеству ИТТ с нацистами стояли многие влиятельные лица... из окружения Гитлера. В завершающий период войны деятельность Бена в пользу вермахта резко активизировалась. Системы связи, производившиеся на предприятиях его корпорации по заказу штаба верховного главнокомандования вермахта, становились все более совершенными. С их помощью специальная группа из нацистской службы безопасности, подчинявшаяся Шелленбергу, сумела раскрыть шифр, использовавшийся американцами в дипломатической переписке, а также создать службу перехвата в ходе оборонительных операций вермахта после вторжения англо-американских войск во Францию в 1944 году. Одновременно Бен принимал участие в техническом оснащении союзнических армий с тем, чтобы обеспечить успех этого вторжения.

Постоянные хлопоты американской корпорации ИТТ доставляла так называемая «антибеновская коалиция» в Германии, возглавляемая министром почт Вильгельмом Онезорге и включавшая несколько высших военных и гражданских чинов. Дело в том, что игра Бена с нацистским режимом была сложна и переходила иногда в плоскость, весьма для него опасную. Близкий к Бену генерал Эрих Фельгибель¹ из штаба высшего главнокомандования вермахта являлся убежденным сторонником заключения сепаратного мира Германии с западными державами, причем Шелленберг постоянно подогревал в нем эти настроения. Нет сомнений, что известный заговор генералов 20 июля 1944 года против Гитлера² был задуман и подготовлен не без участия Бена и при содействии Аллена Даллеса, члена руководства банка Шрёдера и

¹ Эрих Фельгибель занимал в то время должность начальника связи ставки Гитлера.

² Подробнее о «заговоре генералов» 20 июля 1944 г. См.: Мельников Д. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: легенда и действительность. М., 1962; Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года: дело полковника Штауффенберга. М., 1976.

первого главы УСС. Из-за нерешительности, сыгравшей роковую роль, Фельгибель не отдал приказа, как условились заговорщики, и не вывел из строя систему связи ставки Гитлера. Это было необходимо, чтобы изолировать ее от внешнего мира после взрыва бомбы, которая должна была убить фюрера. Его охрана слышала телефонные разговоры членов заговора и передала их чудом спасшемуся и маниакально боявшемуся измены Гитлеру. Шелленберг, над которым нависла угроза разоблачения, без колебаний отрекся не только от причастности к заговору, но и от Гиммлера, который с самого начала молчаливо поддерживал Бена и других участников покушения. Шелленберг решил принести в жертву Фельгибеля.

Генералы Э. Фельгибель и Ф. Тиле, участники заговора и директора немецкого филиала ИТТ, были казнены, а Карл Линдемманн, представитель «Стандард ойл» в Германии, оказался в тюрьме, едва избежав петли. Главу немецкого филиала ИТТ Герхарда Вестрика от печальной участи спасли Шелленберг и руководство «И. Г. Фарбен-индустри». Империя Бена в Германии чуть не рухнула: она едва избежала конфискации в пользу нацистского государства под нажимом Онезорге, стремившегося не упустить редкий случай, но Шелленберг (вспомним, что он — один из директоров германского филиала ИТТ) рискнул даже в такой ситуации прийти на помощь корпорации.

В памятный день 25 августа 1944 года, когда был освобожден Париж, Бен — ныне «специальный эксперт по вопросам связи оккупационных войск союзников» — проехал в армейском джипе по Елисейским полям. Рядом с ним в форме американского бригадного генерала сидел его ближайший помощник — Кеннет Стоктон, вместе с Вестриком возглавлявший ИТТ в Германии. Бен сделал все возможное и с помощью высокопоставленных французских друзей добился, чтобы членов руководства его компании во Франции, тесно сотрудничавших во время оккупации с нацистами, не коснулась карающая рука «Свободных французов»¹.

После разгрома Германии Бен и Стоктон отправили грузовики, которых остро не хватало американской армии в Европе, для вывоза из советской зоны оккупации

¹ «Свободные французы» — название вооруженных формирований возглавляемого генералом де Голлем движения «Свободная Франция» (с 1942 г. — «Сражающаяся Франция»). «Свободные французы» боролись на стороне антигитлеровской коалиции против фашистской Германии и ее сателлитов. Они ставили цель изгнать из Франции оккупантов, восстановить власть крупного французского капитала в стране и удержать французские колонии в Азии и Африке.

принадлежащего корпорации ИТТ оборудования предприятий связи и авиационных заводов в американскую зону.

В 1945 году был создан специальный сенатский комитет по вопросам международной связи. Его председателем стал «исправившийся» после поражения Германии сенатор Бэртон Уилер. Увесистое досье, документально подтверждающее сотрудничество РКА и ИТТ с немецким фашизмом и милитаристской Японией, выпущенное в качестве приложения к протоколам заседаний этого комитета, осталось практически без внимания. Самое интересное, что это досье совершенно не заинтересовало членов сенатского комитета, бесцельно день за днем проводивших время на заседаниях и получавших за это деньги из федерального бюджета. Бесконечные дебаты продолжались вокруг возможности—вскоре, впрочем, отвергнутой—централизовать системы связи всего западного полушария. Вопрос о предательской деятельности руководства корпораций РКА и ИТТ во время войны вовсе не был затронут. Тем не менее в ходе перепалки между Уилером и контр-адмиралом Джозефом Редманом, возглавлявшим службу связи американского военно-морского флота в начале войны, всплыли немаловажные детали. Уилер, видимо, не сомневался, что протоколы заседаний комитета не будут опубликованы, поэтому был максимально откровенен. Он начал с того, что поставил Редману риторический вопрос: «Какую пользу принесли военным усилиям Соединенных Штатов промышленные компании, принадлежащие американским корпорациям и производившие средства связи в таких странах, как Германия, Швеция, Испания?» Редман ответил: «Я не могу судить об экономических выгодах—здесь я не компетентен,—но с точки зрения технической, научной и оборонной такое положение вещей неизбежно ведет к постоянному обмену информации, то есть, в условиях войны, к ее утечке».

Подобная откровенность из уст человека в высшей степени ответственного вызвала мгновенную реакцию Уилера: «Не мог ли этот «обмен» негативно сказаться на интересах нашей страны?» Ответ последовал незамедлительно: «Когда речь идет о лабораторных разработках для военных целей, всегда существует опасность, что результаты исследований попадут в руки противника».

Беседа продолжалась.

Уилер: «Как, например, практически можно утаить от противника, что производится на заводе, находящемся на его территории, даже если он принадлежит юридически, скажем, корпорации «Уэстерн электрик»?»

Редман: «Ну, прежде всего мы привыкли полагаться

на патриотизм и честность американских бизнесменов и их умение хранить тайну. А потом, если человек — негодяй, он таковым и останется, какие ограничения ни вводи».

Уилер: «Тогда возьмем для примера две промышленные компании — в Германии и здесь, в Соединенных Штатах, — принадлежащие одной корпорации. Неужели они не будут постоянно обмениваться последней технической информацией, новой технологией и т. п.? Вы ведь не столь наивны, адмирал Редман, и не верите, будто правая рука не знает, что делает левая?»

Редман: «Вы правы, сэр».

Уилер: «Стало быть, такие компании в любой отрасли промышленности, являясь частью одной корпорации или картеля, неизбежно поддерживают тесные контакты друг с другом, даже при условии, что находятся на территории враждующих государств. Тогда позвольте спросить, какие меры принимались командованием ВМФ, чтобы обнаружить и пресечь подобный обмен информацией с противником, иными словами, ее утечку?»

Редман: «Наличие такой утечки довольно просто определяется путем изучения и анализа захваченных у противника документов, оборудования и т. п. Безусловно, и наши военные атташе за границей служат немаловажным источником информации. Однако во избежание негативных последствий я не считаю уместным обсуждать здесь вопросы, касающиеся отдельных аспектов деятельности военной разведки».

Уилер: «Не могу с вами согласиться».

Редман: «Весьма сожалею».

Уилер: «Я понимаю, вы опасаетесь, что у нас могут быть неприятности с сенатом, ну и что? В данный момент сенат против нас бессилён».

«И будет бессилён ещё на протяжении по крайней мере шести лет!» — подал голос сенатор Гомер Кейпхарт.

16 февраля 1946 года генерал-майор Гарри Ингелс, начальник войск связи армии США, от имени президента Трумэна вручил в Нью-Йорке Бену медаль «За заслуги», высшую награду страны, которой может быть удостоено гражданское лицо.

На церемонии вручения генерал сказал: «Вы получаете эту награду за высшей степени благородную деятельность на поприще служения Соединенным Штатам». А через несколько лет Бен получил несколько миллионов долларов — компенсацию за ущерб, причиненный в 1944 году в ходе боевых действий предприятиям его корпорации в Германии. Гораздо раньше компенсацию получил и Вестрик — от нацистского правительства.

Всю вторую мировую войну Состенес Бен был вкладчиком «Стокгольмс эншильда банк», финансировавшего гигантский шарикоподшипниковый концерн СКФ, а директорами СКФ в США были родственник Геринга Гуго фон Розен и заместитель начальника управления военного производства США Уильям Л. Бэт. СКФ снабжал шарикоподшипниками южноамериканские компании, внесенные в «черный список».

Крошечные стальные шарики были чрезвычайно важны для нацистов — без них не смогли бы подняться в небо самолеты люфтваффе, а танки и бронемашины — сдвинуться с места. В них нуждались также европейские филиалы концернов ИТТ и «Форд», производившие для врага самолеты «фокке-вульф», легковые автомобили и грузовики. Фактически без них нельзя было воевать. В каждом «фокке-вульфе» было по меньшей мере четыре тысячи подшипников — примерно столько же, сколько в «летающей крепости». Артиллерийские орудия, прицелы для бомбометания, электрические генераторы и двигатели, вентиляционные системы, подводные лодки, горнодобывающие машины, производимая в ИТТ аппаратура связи — все это работало на шарикоподшипниках.

185 торговых отделений СКФ были разбросаны по всему миру — прекрасный пример шведской организации производства. Во время войны концерн торговал с обеими враждующими сторонами. В определенной степени СКФ был связан с правительством Швеции, поскольку за границей его дела нередко вели послы, посланники, консулы, представлявшие Швецию в разных странах мира. В концерне были представлены практически все промышленные объединения страны, и каждый член его совета директоров принадлежал к той или иной компании, контролировавшей экономику Швеции.

Основанный в 1907 году, СКФ вместе со своими дочерними предприятиями являлся крупнейшим производителем шарикоподшипников в мире. Кроме того, под его контролем находились добыча железной руды, производство чугуна и стали, литейные цеха, фабрики и заводы в Великобритании, Германии, Соединенных Штатах и Франции. Большая часть его продукции почти до конца второй

мировой войны предназначалась для Германии. 60 процентов производимых в различных странах СКФ подшипников поступало в распоряжение немецких предприятий. Об отношении СКФ к союзникам в определенной степени говорит тот факт, что в то время, как завод в Швайнфурте (Германия) был загружен на 93 процента, филиал в Филадельфии (США) работал с нагрузкой в 38 процентов, а завод в Великобритании и того меньше. Итак, шарикоподшипники были одним из самых мощных орудий в той хитроумной политике нейтралитета в войне, которую проводило «братство».

Конструктором и организатором производства и сбыта продукции был президент СКФ Свен Уингквист, приятель Геринга и герцога Виндзорского¹. Он был крупным держателем акций принадлежащего Якобу Валленбергу «Стокгольмс эншильда банк» — крупнейшего частного банка Швеции, банка — корреспондента гитлеровского «Рейхсбанка». Валленберг контролировал шахты, рудники, предприятия по производству нефти из сланцев, заводы электрооборудования и военного снаряжения — фактически всю промышленность Швеции! С. Бен и С. Унгквист были партнерами Акселя Вэнера-Грена по компании «Ю. С. Электролюкс» из «Бофорс» — гигантской империи военного снаряжения, которая во время второй мировой войны поставляла Германии значительную часть стали, выплавляемой на принадлежащих ей предприятиях.

Как уже говорилось, директорами американского филиала треста СКФ всю войну были троюродный брат жены Геринга Гуго фон Розен и Уильям Л. Бэт. Бэт родился в штате Индиана. Он начал трудовую деятельность в железнодорожных мастерских, где обучился у отца ремеслу механика. В 1907 г. защитил в Пэрдью² диплом инженера, а через год получил место на шарико-

¹ Герцог Виндзорский (1894—1972) — старший сын короля Великобритании Георга V. С 20.1.1936 г. по 11.12.1936 г. занимал трон под именем Эдуарда VIII. Поддерживал тесные отношения с руководством нацистской Германии, которое возлагало большие надежды на его поддержку в деле подчинения правительства Великобритании своему влиянию. Стремление Эдуарда VIII активно вмешаться в политические дела, а также его намерение вступить с дважды разведенной женщиной в брак, противоречащее традиции династических браков, вызвало резкое недовольство в правящих кругах Великобритании. В результате дворцового кризиса Эдуард VIII был вынужден отречься от престола в пользу своего младшего брата (король Георг VI). После отречения ему был пожалован титул герцога Виндзорского. В годы второй мировой войны занимал пост губернатора Багамских островов. Последние годы жизни провел во Франции.

² Университет в штате Индиана. — *Прим. перев.*

подшипниковом заводе «Гес-Брайт мануфактуринг К° оф Филадельфия». После слияния «Гес-Брайт» с СКФ в 1919 году Бэт начал быстро продвигаться по службе и в 1923 году стал президентом компании. Филиал в Филадельфии, во главе которого стоял Бэт, соперничал с аналогичными ему огромными предприятиями концерна в Швайнфурте (Германия) и Гётеборге (Швеция). Газета «Уолл-стрит джорнэл» и журнал «Форчун» наперебой расхваливали филадельфийский СКФ. К 1940 году он уже производил продукции на внушительную сумму — 21 млн. долларов.

Поскольку приближалась война и вероятность того, что США примут в ней участие, была довольно высока, Гуго фон Розен и сотрудничавшие с ним члены совета директоров побывали на фабриках СКФ в Германии и Италии, являвшихся совместной американско-германской и американско-итальянской собственностью. Американцы обещали руководителям этих предприятий, что в случае если английская блокада затруднит доставку шарикоподшипников германским или итальянским филиалам в Латинской Америке, то филадельфийский СКФ возьмет поставки на себя, вне зависимости от того, вступит правительство Рузвельта в войну или нет. Одновременно с этим директора СКФ при помощи Джона Фостера Даллеса приняли меры по сохранению их дочерней химической компании «И. Г. Фарбен Бош». Президентом американского филиала этой компании был Бэт, а Даллес — поверенным компании «Бош/Дженерал анилайн энд филм». Чтобы уберечь «И. Г. Фарбен Бош» от возможной конфискации, Даллес после событий в Перл-Харборе учредил над ней опеку, объявив себя и Бэта держателями акций, которым доверено управление этой компанией. Таким образом, конфискацию удалось отсрочить до весны 1942 г., а к этому времени США уже воевали пять месяцев.

Даллес также содействовал принятию мер по защите американского филиала СКФ в течение всей войны. С его помощью была совершена операция, в результате которой Бэт стал номинальным держателем его основного пакета акций с правом голоса в качестве лица, которому поручено управление. Поскольку компании, принадлежавшие американским гражданам, не могли быть конфискованы Лео Кроули, главой управления по охране секвестрованной иностранной собственности, эта мера себя полностью оправдала.

Когда началась война, Рузвельт назначил Бэта заместителем начальника управления военного производства Дональда Нельсона из компании «Сиэрс, Робак». Нахо-

дьясь на этом посту, Бэт закрывал глаза на темные махинации сообщников по «братству», наносивших стране большой ущерб: не хватало то одних, то других стратегически важных товаров. Он тщательно скрывал, что в военное время сам стал доверенным лицом держателей акций компаний, сотрудничавших с врагом. Выступая по радио, Бэт произносил зажигательные речи о расточительном отношении американцев к резине и металлическому лому. Он призывал сограждан сдавать консервные банки, старые автопокрышки, шины, камеры, дырявые грелки, резиновые перчатки и фартуки... Не забыл он и о старых газетах, половиках, побитых молю шерстяных вещах,— все это старье можно использовать для упаковки боеприпасов, только сдавайте! Что касается сала, то оно необходимо для производства глицерина... Несите сало! При этом Бэта ничуть не смущало, что металллом, которому он уделял такое большое внимание, шел на производство бомб—таких же, как сброшенные на Перл-Харбор. Бэт был своим человеком как в республиканском Клубе объединенной лиги в Филадельфии, так и среди последователей «нового курса»¹ на Капитолийском холме. Он действовал весьма предусмотрительно: находясь в России в составе знаменитой миссии Аверелла Гарримана², восторгался Красной Армией—ему было на руку считаться «розовым» в то время, как он поддерживал связи с нацистами.

Находясь всю войну на посту заместителя начальника управления военного производства, Бэт хорошо потрудился в интересах «братства». Колоссальное влияние, разветвленный аппарат государственных служащих в Северной и Южной Америке и нейтральной Европе предоставляли Бэту все возможности «не замечать» торговлю фон Розена с компаниями из «черного списка».

Война и блокада затруднили СКФ снабжение продукцией из Европы заказчиков в Центральной и Южной Америке, поэтому фон Розен осуществлял поставки напрямую из Филадельфии. Он действовал по указке из

¹ «Новый курс»—система мероприятий, осуществленных в 1933—1938 гг. в США правительством президента Ф. Д. Рузвельта с целью смягчения противоречий американского капитала, обострившихся в результате мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

² Уильям Аверелл Гарриман (род. 15.11.1891 г.)—американский политический деятель и дипломат. Длительное время был советником президента Ф. Рузвельта по финансовым и промышленным вопросам. В сентябре 1941 г. возглавлял делегацию США на Московском совещании представителей трех великих держав (СССР, США и Англии), принявших ряд важных решений о сотрудничестве в борьбе против фашистской Германии и ее союзников. В 1943—1946 гг. Гарриман был послом США в СССР.

Стокгольма и обеспечивал сотрудничавшие с нацистами latinoамериканские предприятия, невзирая на растущий спрос на стальные шарики в самих США.

Если бы Бэт, с одобрением относившегося к деятельности фон Розена, загнали в угол, то жалким лепетом прозвучали бы его оправдания, будто он имел дело лишь со шведской компанией и обязан был соблюдать в отношениях с ней нейтралитет. Ведь в действительности сам Бэт, являясь гражданином США, владел 103 439 акциями основного капитала СКФ...

Благодаря саботажу фон Розена и Бэта объем производства продукции СКФ в США за годы войны не достиг уровня, удовлетворявшего даже минимальные потребности страны. Это бесило Моргентау. Он поручил сотруднику экономического аппарата Белого дома, коренастому и энергичному канадцу Лочлину Карри убедить правительство положить конец этому возмутительному положению вещей. В помощь Карри был назначен решительный и исполнительный чиновник из управления экономических программ, француз по происхождению Жан Пажу. Именно он готовил в дальнейшем пространные доклады о деятельности Бэта и фон Розена вплоть до 1945 года.

Подняв массу документов, Карри обнаружил, что компания «Кёртис-Райт авиэйшн корпорейшн», имевшая в годы войны исключительно важное значение, на протяжении пятнадцати месяцев после Перл-Харбора не только не получила от СКФ необходимого количества шарикоподшипников, но чуть не потерпела крах.

Из-за изношенных подшипников разбивались самолеты, гибли люди. Большое количество машин вообще не могло подняться в воздух. И это в тяжелое военное время, когда страна остро нуждалась в самолетах!

В июне 1943 года один честный и патриотически настроенный служащий СКФ¹, не желавший больше мириться с деятельностью фон Розена, отправился в Вашингтон к заместителю начальника управления военного производства, то есть к Бэту. Он сообщил: СКФ намеренно не расширяет производство, от которого зависит успех военно-воздушных операций США. Холодно выслушав его, Бэт ответил: «Ничего не поделаешь, и ничего не нужно делать». На этом вопрос был исчерпан, а служащий был вынужден уволиться.

Кто-то из служащих СКФ даже подтасовывал данные об объеме выпускавшейся продукции, в результате чего создавалось впечатление, что производство подшипников

¹ В правительственных документах его имя не указывается.— *Прим. авт.*

не превышало нескольких миллионов штук, тогда как на деле оно было значительно большим. Бывали случаи, когда американскому потребителю фон Розен поставлял одни лишь наружные кольца подшипников или, наоборот, внутренние. В таком виде продукция была непригодна для использования, и это вызывало негодование Карри и Пажу.

Задерживая выполнение заказов, создавая (при пособничестве незаменимого Джесси Г. Джонса) перебои и дефицит, фон Розен не только отправлял подшипники в Латинскую Америку, но и переправлял в Швецию засекреченные патенты, подробные чертежи и конфиденциальные данные о производстве. Поскольку существовала вероятность того, что эти документы могут быть перехвачены английской или американской цензурой на Бермудах, люди фон Розена отправляли этот драгоценный груз дипломатической почтой посольства Швеции в Вашингтоне. Дипломатическая почта нейтральных стран в годы войны не подлежала ни проверке, ни конфискации.

В то самое время, когда подобная деятельность процветала, филаделфийский СКФ получил генеральную лицензию на ведение внешнеторговых операций на весь период войны. Тот факт, что Бэт сохранил свой официальный пост в годы войны, нельзя объяснить иначе, чем поддержкой Рузвельта.

Министерство финансов, несмотря на имевшиеся в его распоряжении документы о том, что корпорация СКФ принадлежит Швеции и Германии, не стало поднимать шума из-за того, что она выдавала себя за американскую. Когда Карри начал проявлять к СКФ излишний интерес, Бэт сжег всю имевшую отношение к делу официальную переписку и финансовые отчеты СКФ.

10 апреля 1943 года преданный своей стране американец Дж. С. Тореси, занимавший должность главного инженера в совете директоров СКФ, после жаркой схватки с Бэтом оставил службу. Он заявил, что СКФ сводит на нет военные усилия США, срывает ежемесячные поставки 150 000 подшипников компании «Прат-Уитни», производившей двигатели для истребителей, а Бэт, несмотря на занимаемый пост в управлении военного производства, наносит явный ущерб американским интересам. Испытывая непередаваемое отвращение к концерну, Тореси перешел работать в ВВС. Он связался с министерством финансов, и для встречи с ним на военновоздушной базе во Флориде вылетел сотрудник управления по вопросам зарубежных экономических связей Франклин Джэдсен. В ходе оживленной беседы Тореси рассказал о махинациях СКФ. Он заклеил позором фон

Розена и многих его сотрудников, настроенных профашистски, и сказал, что в частных беседах и на заседаниях совета они высказывались о США с явным презрением.

Когда на стол Карри легли все обличительные документы, тот пришел в ужас. Он представил Morgентау резкий отчет о встрече, за которым последовал столь же обличительный отчет экономического аппарата Белого дома, но в результате всего... санкции против компании приняты не были.

На протяжении всей войны традиционные методы «братства» приносили неизменный успех. Так, доходы СКФ от латиноамериканских операций перечислялись в Швецию через «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Официально все авуары Швеции в «Нэшнл сити бэнк» по распоряжению Рузвельта были заморожены. Бэт, используя связи в правительственных кругах, умудрился каким-то образом не только разблокировать эти авуары, но и получить официальное разрешение перевести их в Европу.

В ходе войны руководство СКФ приняло надлежащие меры к тому, чтобы ФБР не смогло обвинить концерн в махинациях, связанных с поставками шарикоподшипников в Южную Америку. С этой целью фон Розен, действуя по примеру «Стандард ойл», основал дочернее предприятие, которое зарегистрировали в Панаме и, таким образом, оградили панамскими законами от конфискации Соединенными Штатами. Подшипники перевозились из американских портов на зарегистрированных в той же Панаме судах. Более 600 000 подшипников получали ежегодно нацистские клиенты, обосновавшиеся в Южной Америке. Это прежде всего компании «Сименс», «Дизель», «Асеа», «Сепаратор», а также «Электролюкс», во главе которой стоял Аксель Вэнер-Грен, и ИТТ, успешно функционирующая под руководством Бена.

Деньги за поставляемые шарикоподшипники выплачивались из специального закупочного фонда и переводились затем в США через нацистский «Банко алеман трансатлантико». Фон Розен, подтверждая доставку шарикоподшипников, посылал телеграмму с примитивным шифром: «Получена дикая утка в желе, вместе с ней „шнапс“». Вся корреспонденция шла дипломатической почтой. Германия закупала громадное количество подшипников в Швеции и производила их сама. И тем не менее с 1943 года она стала испытывать все возрастающий дефицит этих маленьких стальных шариков. Были приняты меры по увеличению поставок шарикоподшипников из Южной Америки. Фон Розен обеспечил их транзит в Германию из Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айреса через

Швецию. Англичане, также остро нуждавшиеся в шарико-подшипниках, находились в прямой зависимости от двуличной СКФ и поэтому выдавали специальные разрешения на проход грузовых судов этой корпорации без досмотра через блокаду в Швецию.

В 1943 году произошел целый ряд примечательных событий. В начале октября Бэт в сопровождении представителей армии прибыл на американском бомбардировщике в Стокгольм. Официальной целью их миссии были объявлены переговоры о дальнейших поставках оборудования для производства шарикоподшипников—хотя в самой Филадельфии его было предостаточно. Подробности встреч и бесед Бэта с Якобом Валленбергом и Уингквистом не сообщались. Однако, когда 14 октября командующий армейской авиацией США генерал Генри Арнольд (по прозвищу Хэп) отдал приказ совершить воздушный налет на гигантский завод СКФ в Швайнфурте, его ждал удар: противник каким-то образом узнал о предстоящей бомбардировке. И в результате этот рейд стоил Америке шестидесяти самолетов. 19 октября Арнольд без обиняков заявил лондонской газете «Ньюс кроникл»: «Они бы не смогли организовать оборону, если бы не были предупреждены заранее».

Впервые после Перл-Харбора американское правительство зашевелилось: стали поговаривать, что оно может предпринять хоть какие-то акции со своей стороны. Энергичный Жан Пажу возглавил лагерь сторонников разоблачения СКФ.

А тем временем в Лондоне командующий стратегическими ВВС США в Европе генерал Карл Спаатц не находил себе места от ярости: после налета на Швайнфурт шведы—с официального согласия британских и американских властей—утроили свои поставки Германии. 13 марта 1944 года Спаатц пригласил к себе в штаб посла США в Лондоне Джона Вайнанта и устроил ему разнос, заявив, что посол «заодно с этими англичанами». «Все усилия нашей авиации,—громыхал Спаатц,—сведены к нулю!» Едва оправившись от головомойки, Вайнант поручил своему помощнику Уинфилду Рифлеру разобраться. Рифлер быстро выяснил, что британское министерство по вопросам экономической войны, которому вменялось в обязанности блюсти ограничения на поставки, и пальцем не шевельнуло, поскольку после немецких бомбардировок дочернего предприятия СКФ в Лутоне Великобритания оказалась в не меньшей зависимости от продукции СКФ, чем Германия.

20 марта Лочлин Карри писал Дину Ачесону, что он глубоко озабочен серьезностью ситуации: «В последние

месяцы наша авиация предприняла шестнадцать массированных налетов с единственной целью — разрушить производственные мощности по выпуску шарикоподшипников в Германии. Однако в то время, как мы ценой огромных потерь в самолетах и пилотах уничтожаем германское производство, враг продолжает получать необходимую продукцию из Швеции. Шведские поставки Германии в 1943 году побили все рекорды». Ответа от Ачесона не последовало.

13 апреля 1944 года посол США в Стокгольме Гершель Джонсон встретился с министром иностранных дел Швеции Кристианом Гюнтером. Гюнтер указал, что заключение «трехстороннего соглашения» между Соединенными Штатами, Британией и Германией далось ценой невероятных усилий, и, разорви сейчас Швеция это соглашение, Германия отреагирует весьма бурно. Гюнтер резко и недвусмысленно добавил: «Американская общественность сумеет понять, что занятая Швецией позиция оправданна и справедлива, если мы обнародуем содержание всей переписки, из которого будет явствовать, что торговля между Швецией и Германией осуществляется на договорной основе, известной союзным правительствам и достигнутой с их предварительного согласия». Стало ясно, что шведский министр иностранных дел угрожает Соединенным Штатам разоблачением: если правительство США не смирится, Швеция доведет до сведения американского народа, что их руководители вступили в сделку с врагом.

Весной 1944 года правительство США грозило в случае отказа Швеции удовлетворить его просьбу о прекращении поставок «шариков» занести СКФ в «черный список». Лорд Селборн, возглавлявший британское министерство по вопросам экономической войны, отвергал этот план целиком и полностью. Он считал, что подобная угроза была бы роковой ошибкой. Министр упрашивал Рифлера отговорить правительство США от такого шага. Британское правительство в свою очередь предлагало, чтобы США закупили всю продукцию СКФ. У Селборна были основания для опасений: если СКФ попадет в «черный список», то Британия вообще лишится поставок шарикоподшипников. Причем, помимо груза этих изделий, который должен был прибыть в ближайшее время морем, еще 350 тонн шарикоподшипников, уже закупленных британскими снабженцами, дожидались отправки в Британию в Гётеборге. Селборна пугало, что шведы могут наложить арест на эту партию в ответ на конфискацию шведской собственности в Соединенных Штатах или Британии. Существовала и реальная угроза перехвата в море

нескольких тысяч тонн шарикоподшипников, находившихся на борту двух британских судов — «Дикто» и «Оайонел».

25 апреля заместитель военного министра Роберт Патерсон поставил своего шефа Стимсона в известность о том, что Швеция отклонила требование США прекратить поставки шарикоподшипников Германии сверх квоты, согласованной в 1943 году. Он сообщал: «Швеция, я уверен, будет пытаться затянуть решение вопроса, а на бесконечных переговорах посулит сократить свой экспорт в Германию в неопределенном будущем. Такой политики она придерживалась в прошлом, попробует применить ее и на этот раз». Патерсон указывал, что Швеция снабжает Германию боеприпасами, которые убивают американских солдат, что пятая часть снарядов, выпущенных по американцам, изготовлена из шведской железной руды и что шведы получают нефть в значительных количествах — в то время, как Британии и США ее не хватает для военных целей. Он добавлял: «Я... полагаю, что правительство должно предать гласности эти факты». Его надежды оказались тщетными.

27 апреля лейтенант Джеймс Пьюлстон, офицер связи ВМФ при управлении зарубежных экономических связей, писал Лочлину Карри, что «ни в коем случае нельзя доверять» Якобу Валленбергу, что идея эмбарго представляет собой «иллюзию» и «розовую мечту». Он считал, что у государственного департамента есть куда более эффективный способ заручиться сотрудничеством со стороны Швеции — пригрозить ей прекращением поставок нефти; лейтенанту было явно не по душе, что шведские суда «ошиваются» в американских и карибских портах, поскольку «в экипажах (шведского флота) предостаточно прогермански настроенных лиц, готовых к шпионской деятельности». В своем докладе Карри он также писал:

«Если мы будем мешкать или согласимся с полумерами, предлагаемыми Валленбергом или государственным департаментом, мы проиграем решающее сражение еще до его начала.

...Если мы добьемся эмбарго на поставки нефти, то по крайней мере неоправданная гибель многих и многих американцев будет лежать целиком на совести государственного департамента. В противном случае ответственность за нее ляжет и на нас. Лично я боюсь даже подумать, что хотя бы один-единственный американский солдат был убит лишь потому, что я не настоял на принятии надлежащих мер государственным департаментом».

Вынудить государственный департамент действовать было нелегкой задачей. Тем не менее в апреле 1944 года министерству финансов, наконец, удалось вырвать у Дина Ачесона согласие послать кого-нибудь в Швецию и попытаться выторговать у «Эншильда банк» отказ от поставок Германии.

Отбирая кандидата в специальные эмиссары, Ачесон и Моргентау остановились на странной фигуре. Вместо того чтобы направить в Стокгольм Карри или Гарри Уайта, они поручили эту особую миссию некоему банкиру и администратору киностудии «Парамаунт» Стэнтону Гриффису. Он прекрасно себя чувствовал в светских салонах и не обладал ни должным опытом, ни знаниями в области экономики. Стэнтон прибыл в Лондон, где к нему присоединился способный молодой экономист и вице-президент Красного Креста Дуглас Поутит. Эмиссаров кое-как затолкали в неимоверно тесный «москито»¹, который, пробившись сквозь ужасную грозу, доставил-таки пассажиров в Стокгольм. Там, в гнетуще мрачном отеле «Гранд» их встретили посол Джонсон и Якоб Валленберг.

На второе утро пребывания в гостинице Гриффиса разбудил официант, принеший завтрак. С чудовищным балканским акцентом он произнес: «Я американский тайный агент. Буду работать на вас и держать в курсе происходящего. В номере 208, где будут происходить ваши беседы со шведами, немцы установили подслушивающую аппаратуру. В номере 410 остановился д-р Шнурре, представитель нацистского правительства. Он надеется перебить цену и обойти вас на переговорах по подшипникам». Гриффиса поразил маленький спич официанта. Что это — розыгрыш или провокация? Но с того самого момента официант, действительно сотрудничавший с разведкой США, доносил ему о каждом шаге Валленберга и нацистов.

Переговоры в угрюмом правлении «Эншильда банк», увешанном фамильными портретами Валленбергов, шли изнуряюще медленно. Гриффис явно не подозревал о связях между Бэтом и государствами «оси», потому что однажды в ходе вялых дебатов вдруг заявил одному из шефов СКФ, Гарольду Хамбергу: «Вы можете тянуть время сколько душе угодно, но только Соединенные Штаты не намерены сидеть сложа руки в сторонке, пока вы делаете машины, чтобы убивать американских парней». Хамберг сделал вид, что не знает, о чем идет речь: «С чего вы взяли, что наши шарикоподшипники помогают убивать американских юношей?» Тогда Дуглас Поутит,

¹ Боевой самолет времен второй мировой войны.

вытащив пригоршню подшипников и высыпав их на стол, спросил: «Где они изготовлены?» Хамберг тщательно рассматривал лежавшую перед ним россыпь железок. «В Швеции»,— ответил он наконец. Глядя Хамбергу прямо в глаза, Пуутит отчеканил: «Все они извлечены из обломков немецкого самолета, сбитого над Лондоном».

Через несколько долгих недель соглашение все-таки было достигнуто. Гриффис взял обязательство выплатить «Эншильда банк» 8 млн. долларов. Он также гарантировал, что против СКФ по окончании войны не будут применены антитрестовские законы. СКФ оставит за собой всю собственность в Германии на вечные времена. Соединенные Штаты заверили, что простят, забудут и—самое главное—сохранят в тайне связи СКФ с нацистами.

Тем временем общественность США начала проявлять признаки беспокойства. Рабочие филиала СКФ в Филадельфии прослышали про сделки с нацистами. В либеральной газете «ПМ» появилась статья, в которой фон Розен и Бэт обвинялись в тяжких должностных преступлениях и торговле с сообщниками врага. Некоторые сотрудники из административных органов СКФ, обеспокоенные характером деятельности корпорации, начали писать доносы.

14 мая 1944 года Бэт дал интервью газете «Вашингтон пост». Он предупреждал: если критика левой прессы возымеет свое действие и компания будет национализирована или внесена в «черный список», эффективность филадельфийского предприятия резко снизится. Он опровергал предъявленное ему обвинение в сотрудничестве с нацистами и отрицал, что родственник Геринга—его партнер. Что касается фон Розена, то он, по словам Бэта, директор по сбыту, и только. Да, Бэт не отрицал, что в качестве доверенного лица он представлял интересы владельцев СКФ. Однако никто не узнал, что стал он таковым с единственной целью—сохранить компанию от конфискации как иностранную собственность.

Однако сбить волну протестов честных американских служащих и рабочих на сборочных линиях завода в Филадельфии не удалось. На бурных заседаниях профсоюза цеховые старосты обсуждали вопрос о забастовке. Возвращаясь с работы домой к женам и детям, рабочие с возмущением говорили о сделках с врагом. Казалось, то, что, к сожалению, не сумело сделать правительство США—прекратить деятельность СКФ,—смогут сделать рабочие.

Однако Бэт был начеку. 16 мая он устроил общий митинг в огромном дворе завода, на который собралось

восемь тысяч служащих СКФ. Воспользовавшись доверием, которое всегда испытывали к нему рабочие концерна, Бэт произнес речь, забравшись на высокую трибуну, украшенную четырьмя американскими флагами, трепещущими на ветру: «Ничто из нашей продукции не достается врагу! Уверяю вас, друзья мои! Все слухи о том, что наша компания в Швеции находится под влиянием фашистов,—сухая чепуха! Эти слухи—гитлеровская пропаганда, направленная на то, чтобы вывести нас из строя».

Ловкий трюк Бэта удался: ложь была принята за чистую монету. 18 мая министерство финансов и управление по охране секвестрованной иностранной собственности сделали совместное заявление для прессы, которое гласило: в результате проведенного расследования с СКФ «полностью снято обвинение в сотрудничестве с врагом». «Как военное, так и военноморское министерства,—говорилось в заявлении,—довели до сведения министерства финансов и главы управления по охране секвестрованной иностранной собственности следующее: «СКФ индастриз» и «СКФ стил» вносят вклад в военные усилия США. ...«СКФ индастриз» и «СКФ стил» добились прекрасных показателей, выполняя военные заказы, и любые резкие сокращения выпуска продукции незамедлительно скажутся на производстве необходимого военного снаряжения».

13 июня между СКФ и правительствами США и Великобритании было заключено соглашение о сокращении поставок подшипников в фашистскую Германию. Правительство США явно побаивалось придавать широкой гласности то обстоятельство, что союзники, по сути дела, оказывают пособничество нацистам. Поэтому резолюция на памятной записке госдепартамента от 13 июля об объеме таких поставок гласила: «Вынесено решение сохранять секретность данного соглашения не только на установленный срок действия, но и после его истечения».

В июле в различные министерства были разосланы меморандумы управления по зарубежным экономическим связям. В них утверждалось, что в нарушение соглашения, за которое США обязались выплатить Швеции 8 млн. долларов, СКФ ведет так называемую тройную торговлю, осуществляя поставки в Германию через Испанию, Португалию и Швейцарию, с тем, чтобы избежать обвинений в торговле с врагом. Словом, СКФ делала все возможное, чтобы уклониться от выполнения взятого на себя обязательства. Из меморандумов следовало, что правительство США, к сожалению, теперь едва ли могло обличить СКФ в новых махинациях, поскольку оно само же ранее

оправдало его. Заместитель военного министра Патерсон, хотя и продолжал выступать против СКФ, ничего фактически не добился. Беспомощный Лочлин Карри ходил и мямлил, что в конце концов все встанет на свои места...

От имени управления зарубежных экономических связей Жан Пажу к 15 сентября 1944 года подготовил разгромный обвинительный акт против Уильяма Л. Бэта, Гуго фон Розена и СКФ в целом. Изучив деятельность корпорации, он сделал следующие выводы: Бэт по «указанию СКФ способствовал снабжению латиноамериканских стран в ущерб текущим военным заказам США и вел торговлю в Соединенных Штатах, руководствуясь долгосрочными деловыми интересами компании, а не потребностями военного производства страны». Он также подчеркнул, что директивы от шведского СКФ поступали через представительство Швеции в Вашингтоне, минуя таким образом цензуру. Эти директивы свидетельствовали, что сотрудничавшая с противником компания имела возможность контролировать одну из важнейших отраслей промышленности США.

Пажу подтвердил, что промышленное производство СКФ в США не достигло даже минимального уровня, удовлетворяющего потребности страны, что исключительно важные в военном отношении отрасли промышленности испытывали серьезные перебои в поставках шарикоподшипников. В результате самолеты не могли подняться в воздух. Уильям Л. Бэт имел возможность исправить положение, но не сделал этого. Пажу обобщил факты, свидетельствовавшие о преднамеренном неполном использовании сырья, о связях с корпорациями противника и обо всей позорной деятельности так называемой американской компании, действовавшей в интересах врагов. И все же СКФ остался безнаказанным.

Норвежцы достаточно натерпелись от сотрудничества шведов с противником, поэтому акция норвежских рабочих находит объяснение: 4 декабря 1944 года они взорвали завод СКФ в Осло, уничтожив подшипников на общую сумму 1,5 млн. долларов. Тем временем Дин Ачесон не включил СКФ в «черный список», хотя имел на то полномочия. Вместо того чтобы на волне очередного подъема протестов общественности принять меры против СКФ, он просто заставил Моргентау и Карри сделать ряд публичных заявлений относительно лояльности и добропорядочности концерна — якобы во имя того, чтобы не возникла помеха военным усилиям.

Надежды Лочлина Карри на то, что с приближением конца войны положение дел изменится, оказались беспочвенными. Торговля с врагом продолжалась, и 9 декаб-

ря 1944 года Жан Пажу направил послу США в Стокгольме Джонсону письмо. «После того как при налете на Швайнфурт было сбито столько самолетов и погибло столько людей,— писал он,— как бы среагировали американцы, узнай, что СКФ по-прежнему снабжает военную машину Германии шарикоподшипниками?»

К началу 1945 года стало, к сожалению, очевидным, что 8 млн. долларов, потраченных Стэнтоном Гриффисом, были в значительной мере пущены на ветер. Во-первых, эта сделка касалась лишь части, притом малой, поставок подшипников. Во-вторых, шведы систематически превышали согласованные пределы поставок. Только когда стало очевидно, что Гитлер окончательно проиграл войну, Швеция наконец начала соблюдать договоренности.

После войны Уильям Л. Бэт и его сообщники, не без стараний Гриффиса, остались безнаказанными. Гуго фон Розен, конечно же, прикрылся своей «нейтральностью». В последние недели второй мировой войны Бэт внезапно появился в Берлине и посетил отделение военной декартелизации. Там он долго беседовал с руководившим декартелизацией бригадным генералом Дрейпером о необходимости выполнить тайно данные Гриффисом Валленбергу обещания, а именно: что шведские предприятия СКФ в Германии не пострадают, что ни один из его заводов в Германии не будет ни демонтирован, ни перемещен и что ни против него, ни против его коллег в США не будет применено антитрестовское законодательство. Естественно, все эти обещания были выполнены.

Председатель правления концерна «И. Г. Фарбенинду-стри» Герман Шмиц был одной из наиболее заметных фигур «братства». Шмиц родился в 1880 году. С самых ранних лет его обуревало честолюбивое стремление властвовать. В годы первой мировой войны Шмиц проявил себя неприкрытым националистом. В возрасте 33 лет он пробился к руководству одной из крупнейших сталелитейных корпораций Германии. Замкнутый и недоверчивый, предприимчивый Шмиц использовал связи в промышленных кругах и в 1915 году получил пост в министерстве экономики.

Шмиц сблизился с Гельмаром Шахтом, который буквально заразил его идеей мирового финансового сообщества, не подвластного ни империям, ни войнам. Далее Шмиц захватил руководство одним химическим трестом. На его основе в 1925 году он помог своему коллеге и другу Карлу Крауху создать концерн «И. Г. Фарбен». Обладая безошибочным нюхом на людей влиятельных, Шмиц при содействии Шахта завязал важные контакты в Соединенных Штатах и Великобритании. У Шмица появились единомышленники, полностью разделявшие его идею о международной солидарности финансистов. Ими были: Уолтер Тигл из «Стандард ойл» и Эдзел Форд, сын Генри Форда.

В 1929 году в США совместными усилиями Шмица, его племянника Макса Ильгнера, Уолтера Тигла, Эдзела Форда и Чарльза Митчела из «Нэшнл сити бэнк» был организован филиал «И. Г. Фарбен», получивший название «Америкэн И. Г./кемикл корп.». Президентом новой компании стал Герман Шмиц, передав временно свои полномочия в Европе брату Дитриху. Подобную операцию ранее осуществили братья фон Клемм. Это позволило их фирме настолько прочно утвердиться по обе стороны Атлантики, что она могла бы пережить любую войну, причем без ущерба для себя.

В 1931 году Герберт Гувер принял Шмица в Белом доме. Президент и промышленник быстро нашли общий язык — оба считали, что Советская Россия должна быть

уничтожена. Гуверу, вложившему большие капиталы в разработку нефтяных месторождений в России, социалистическая революция принесла значительные убытки.

Идея восстановления мощи Германии вызвала у американцев немецкого происхождения настолько горячий энтузиазм, что выпущенные Шмицем на сумму 13 млн. долларов облигации акционерного общества «Америкэн И. Г.» «Нэшнл сити бэнк» распродан за одно утро. Богатство и могущество «Америкэн И. Г.» практически не поддавалось оценке. Эта международная корпорация стала основным орудием экономической политики правительства Германии. Среди товаров, которые она производила, были разнообразные химикаты и химические продукты, включая искусственные масла, синтетический каучук, авиационный бензин, пластмассы, нейлон, отравляющие газы и ядовитые вещества. Последние использовались как на заводах «И. Г. Фарбен» для производства резины, так и в концлагере Освенцим.

Шмиц помогал организовывать Банк международных расчетов и вплоть до конца второй мировой войны входил в его правление. Кроме того, он начал вкладывать капиталы в различные предприятия за рубежом. В результате к 1941 году «И. Г. Фарбен» владел акциями на сумму 5 042 550 долларов в «Стандард ойл оф Нью-Джерси», 838 412 долл. в «Дженерал моторс» и 155 000 долл. в «Стандард ойл оф Калифорния».

Совместно с концерном «Крупп» «И. Г. Фарбен» претворял в жизнь четырехлетний план Геринга, по которому Германия к 1940 году должна была полностью обеспечить себя военной продукцией. К 1939 году «И. Г. Фарбен» давал 90 процентов притока иностранной валюты, 85 процентов всей военной и промышленной продукции от предусмотренных планом.

С 1932 года Шмиц стал тесно сотрудничать с Куртом фон Шрёдером, директором БМР и богатейшего частного банка «И. Г. Штейн» в Кёльне.

Шрёдер был фанатичным нацистом. Обходительный и безупречно элегантный, с правильными чертами лица — разве скажешь, что это прирожденный главарь отрядов «Мертвая голова». Часто в годы войны, вернувшись с работы домой в строгом, в мелкую полоску костюме, он переодевался в черную с серебром форму, украшенную наградами, и отправлялся на сборища своего личного отряда штурмовиков. Именно этот эсэсовец был наиболее тесно связан с Уинтропом Олдричем из «Чейз бэнк», Уолтером Тиглом из «Стандард ойл», Состенесом Беном из ИТТ и другими членами «братства» в США. В 1933 году он предоставил свою прекрасную виллу под Мюнхеном

для встречи Гитлера с фон Папеном¹. Эта встреча оказалась важным звеном в цепи событий, приведших к захвату Гитлером власти в рейхстаге.

В 1932 году при содействии специального советника Гитлера по экономическим вопросам, Вильгельма Кепплера, Шрёдер начал «приглядываться» к влиятельным сторонникам «братства» — кого из них можно привлечь для постоянного субсидирования гестапо? Они должны были вносить в среднем по 1 млн. марок в год на личный счет Гиммлера с отметкой «С» в «И. Г. Штейн банк». Эти средства переводились далее на тайный счет гестапо с отметкой «Р» в «Дрезднер банк» в Берлине. Сообщество этих влиятельных финансистов получило название «Кружок друзей рейхсфюрера СС Гиммлера».

Шмиц был одним из самых щедрых вкладчиков в кружке, в который входили представители ИТТ и «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Он лично снабжал Гиммлера крупными суммами.

В конце 30-х годов Шмиц завязал тесные контакты с молодым и энергичным Вальтером Шелленбергом, который в то время быстро продвигался по служебной лестнице и впоследствии стал главой СД — политической контрразведки фашистской Германии.

Судя по рассекреченным в 1981 году документам разведслужбы армии США, Шелленберг прочил Шмица на роль главы так называемого «совета двенадцати». Совет должен был привести к власти Гиммлера и установить над Гитлером опеку, заключив его под арест в Берхтесгадене. Шелленберг возлагал на Шмица большие надежды, зная о его преданности Гиммлеру и гестапо. Однако Гиммлер постоянно колебался и так и не смог решиться санкционировать свержение фюрера. Тем не менее он не выдал Шелленберга Гитлеру. Те же документы свидетельствуют, что основной целью плана Шелленберга являлось заключение сепаратного мира между Германией и Соединенными Штатами — заветная мечта «братства».

Перед самой войной брат Шмица Дитрих по указанию из Берлина перебрался на Манхэттен, чтобы всячески

¹ Франц Папен (1879—1969) — реакционный немецкий политик, один из главных военных преступников фашистской Германии. В 1932 г. возглавлял правительство, которое подготовило почву для установления фашистской диктатуры в Германии. В 1933 г. стал вице-канцлером в правительстве Гитлера. В 1934—1938 гг. на посту посла в Вене играл активную роль в подготовке захвата Австрии фашистской Германией. В 1939—1944 гг., будучи послом в Турции, пытался вовлечь эту страну в войну против СССР. В 1946 г. предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге, но по настоянию американских влиятельных кругов был оправдан.

вредить военным приготовлениям США. Американское гражданство, а также непрерывное пребывание в блестящих светских салонах Нью-Йорка не мешали его шпионской деятельности в агентурной сети концерна «И. Г. Фарбен».

«Америкэн И. Г.» владел заводами «Дженерал анилайн энд филм» и колоссальной кинопромышленной корпорацией «Агфа энд Анско». Ему также принадлежала корпорация-мультимиллионер «Озалид», производившая множительную аппаратуру. «Дженерал анилайн энд филм» поставлял красители для формы военнослужащих США. Цвета — синий и хаки. Многочисленные шпионы-торговцы Шмица, переодевшись в синюю или цвета хаки форму, получали блестящую возможность проникать на любую армейскую, морскую или воздушную базу США как до событий в Перл-Харборе, так и после. «Торговцы» также уговорили военные власти снимать свои учебные фильмы на пленку «Агфа энд Анско» и проявлять фотоснимки секретных объектов в лабораториях «Америкэн И. Г.». Кроме того, им удавалось снимать копии со всех печатавшихся на предприятиях «Озалид» секретных документов, имеющих военное значение, и переправлять их в главное правление компании в Берлине.

Всем этим шпионским хозяйством руководил племянник Германа и Дитриха Шмицев, бойкий толстяк Макс Ильгнер, стремившийся пробиться к руководству «И. Г. Фарбен», неизменно доказывая, насколько он незаменим для компании. Он объединил агентурную сеть «Н. В.-7» с «заграничной организацией немцев» — разведсетью, непосредственно находившейся под контролем Вальтера Шелленберга, — и таким образом создал пятитысячную армию агентов во главе с фашистским консулом Фрицем Видеманом. Действуя под прикрытием «Америкэн И. Г.» в странах Северной и Южной Америки, агенты проникали на армейские, морские и воздушные базы. Под видом сотрудников компании они уточняли информацию, полученную «торговцами». Так, с помощью двух сетей агентуры Германия получила четкое представление об американском вооружении еще до Перл-Харбора.

По примеру Германа Шмица Макс Ильгнер решил не ехать в США, а отправить туда своего брата. Рудольф Ильгнер, столь же жадный и беспринципный, стал в Нью-Йорке одним из ведущих руководителей концерна, возглавлявшегося Дитрихом Шмицем. Для ведения шпионажа он организовал «крышу» — химическую компанию «Отделение статистики И. Г.». Более того, Ильгнер подружился со священником Бернардом Р. Хаббардом. За

Хаббардом, посвятившим себя деятельности миссионера и исследователя «белого безмолвия» Аляски, закрепилось прозвище Ледовый священник. Дружба Ильгнера и Хаббарда была не случайна. В 1939 году, вскоре после начала войны в Европе, военный министр США Генри Стимсон попросил Хаббарда оказать ему особую услугу — посетить стратегические базы США на Аляске (якобы для чтения лекций) и тщательно заснять на кинофото пленку военные объекты. То ли по наивности, то ли по беспечности Хаббард проговорился об этом поручении Рудольфу Ильгнеру. Тот ему сказал, что «Америкэн И. Г.» (к тому времени уже называвшаяся «Дженерал анилайн энд филм») из самых лучших побуждений может бесплатно предоставить ему со складов оптовой продукции «Агфа» аппараты и высококачественную цветную пленку. Конечно, добавил при этом Ильгнер, Хаббард сможет проявить заснятый фильм в лабораториях «Дженерал анилайн энд филм». Хаббард согласился. По-видимому, в военной разведке не потрудились заглянуть в досье ФБР или госдепартамента, а ведь там скопилось предостаточно материалов о связях «Дженерал анилайн энд филм» с фашистами. Преодолев снежные бураны и шквалы, Хаббард привез из длительной и тяжелой поездки на Аляску бесценную кинозапись всей системы обороны США на северо-западном направлении. Вполне естественно, что Рудольф Ильгнер переправил копию пленки своему брату в штаб «Н. В.-7» в Берлине.

Тогда же военное министерство США, исходя из соображений обороны, приступило к кинофотосъемке Панамского канала. Рудольф Ильгнер, не долго думая, взялся поставлять министерству кинопленку «Агфа» — по крайне низкой цене. После проявления пленки, причем оригиналы, переправлялись... в Берлин, а копии Ильгнер — хорош шутник! — отдавал американцам. Пленки-оригиналы отправлялись в долгое путешествие на борту морских судов, курсировавших по линии Гамбург — Америка, и оказывались в конечном счете в Берлине. Президентом этой судоконпании был Юлиус Мейер, возглавлявший одновременно германо-американскую торговую палату, а председателем этой палаты являлся не кто иной, как Рудольф Ильгнер.

В сентябре 1939 года братья Шмиц и братья Ильгнер смекнули, что с началом войны в Европе буквы «И. Г.», фигурировавшие как в названии «Америкэн И. Г.», так и в «И. Г. Фарбен», могут отпугнуть кое-кого из многочисленных мелких держателей акций в Америке, которые, сами о том не зная, помогали финансировать Гитлера. Именно тогда «Америкэн И. Г.» стал называться «Джене-

рал анилайн энд филм» (ДАФ), Рудольф Ильгнер сжег все компрометирующие его документы и запретил рекламному бюро подчеркивать высокое качество немецкой продукции в целях увеличения сбыта.

«И. Г. Хеми», дочерней компанией «И. Г. Фарбен» в Швейцарии, управлял родственник Шмицев. 91,5 процента ее акций контролировали— нужно ли пояснять?— «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и «Чейз бэнк». В правление компании входил Уильям Уэйс из «Стерлинг продактс» и Эдзел Форд. Тигл был вынужден выйти из правления в 1938 году из-за того, что был изобличен в махинациях. Место Тигла в правлении занял Джеймс Форрестол. Он же являлся партнером банковской компании «Дилон, Рид», которая участвовала в финансировании партии Гитлера в первые годы ее существования. Позднее Форрестол стал заместителем военно-морского министра, а потом и министром. Другим членом правления был бывший министр юстиции США Гомер Каммингс. Занимая этот официальный пост, Каммингс немало сделал в интересах «Америкэн И. Г.» в качестве ведущего адвоката корпорации. О его профессиональной квалификации может свидетельствовать следующее: Каммингс снабжал информацией секретного характера нацистского поверенного в делах в Вашингтоне Ганса Томсена. В телеграмме с пометкой «совершенно секретно», отправленной в Германию 11 июня 1940 года, Томсен докладывал, что Каммингс информировал его о подробностях личной беседы с Рузвельтом. Что же это были за «подробности»? Согласно данным Каммингса, президент намеревался использовать любые законоположения, чтобы покончить с политикой нейтралитета и оказать помощь Великобритании в Атлантике. Кроме того, Рузвельт станет поставлять Великобритании вооружение, если американцы успеют до конца войны наладить его производство. В случае если война закончится победой Гитлера над Великобританией и Францией, США будут проявлять «любезность и покладистость» в отношении Германии два года, за которые они, не останавливаясь перед затратами, создадут свою боеспособную армию. Рузвельт поведал-де Каммингсу, что Германия будет разбита, если попытается напасть на Канаду или страны Карибского бассейна. Словом, бывший министр юстиции, услуги которого оплачивала фашистская корпорация, снабжал Гитлера секретными сведениями о сугубо личных размышлениях президента.

«Дженерал анилайн энд филм» не могла бы функционировать как отделение германской разведки «Н. В.-7» без поддержки сената и палаты представителей. В

докладных записках Ганса Томсена утверждалось, что «Дженерал анилайн энд филм», помимо финансирования агентов «Н. В.-7» и «заграничной организации немцев», субсидировала еще и кампанию профашистской пропаганды, проводившуюся конгрессменами. 12 июня 1940 года Томсен в телеграмме Иоахиму Риббентропу, министру иностранных дел Германии, докладывал:

«Известный конгрессмен-республиканец, который тесно связан с одним сотрудником издания «Пресс афферс», намерен на три дня пригласить около 50 конгрессменов-республиканцев, сторонников политики изоляционизма¹, для участия в работе съезда республиканской партии. Приглашенные постараются склонить делегатов к курсу на изоляционизм во внешней политике. Для проведения мероприятия необходима сумма 3 тыс. долларов.

Кроме того, упомянутый конгрессмен готов организовать небольшой специальный комитет республиканской партии, который в ходе съезда будет вести в крупнейших американских газетах пропагандистскую кампанию под девизом «Уберечь Америку от войны!». Это будет своего рода контрмерой против проводимой комитетом Белого дома (Уильямом Алленом) кампании в печати под лозунгом «Остановить Гитлера немедленно». Стоимость этого мероприятия составит от 60 до 80 тыс. долларов, из которых половина, вероятно, пойдет друзьям-американцам упомянутого конгрессмена. В силу незаурядности этого предложения я его принял, поэтому прошу сообщить телеграфом, представляет ли данный проект для вас интерес, если да, то выделяйте необходимую сумму».

Ведомство Риббентропа телеграфировало в ответ 16 июня: «Министр иностранных дел согласен на предлагаемые контрмеры против просоюзнической пропаганды США». Средства были отчислены и выплачены «друзьям-американцам».

А кто же был этот «конгрессмен-республиканец»? Его звали Стефен Дэй. Он входил в палату представителей

¹ Изоляционизм — направление во внешней политике США. «Изоляционисты» призывали не вмешиваться в европейские дела и в вооруженные конфликты вне Американского континента. В 30-е годы политика изоляционизма служила ширмой для прикрытия экспансионистских устремлений империализма США. Кроме того, она использовалась американской реакцией для оправдания бойкота усилий СССР и всех миролюбивых сил, направленных на создание системы коллективной безопасности в Европе в целях обуздания фашистских агрессоров. После нападения главных сил фашистского блока на СССР в июне 1941 г. реакция США взяла на вооружение изоляционистские идеи для подрыва советско-американского военного сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции.

от штата Иллинойс. С ним сотрудничали такие ярые сторонники Гитлера, как сенатор Раш Холт из Западной Вирджинии и сенатор Эрнст Ландин из Миннесоты.

19 июля Томсен докладывал об успешном завершении кампании. Он телеграфировал в Берлин: «Как я уже сообщал, на съезде конгрессменам-республиканцам удалось добиться включения в программу партии принципов изоляционистской внешней политики, а именно: республиканцы не позволят втянуть себя в войну в Европе. Наше содействие этому осталось в тайне... На дорожные расходы и пропагандистские публикации израсходована сумма 4350 долларов, которую следует возместить посольству».

По мере того как неумолимый ход международных событий приближал час вступления Америки в войну, Макс Ильгнер и его дядя Герман начали проявлять все возрастающее беспокойство: как будут идти их нью-йоркские дела в будущем? 2 мая 1941 года они пригласили на совещание в Милан двух энергичных директоров «Дженерал анилайн энд филм», чтобы выработать оптимальную линию поведения на случай вступления Рузвельта в войну против Гитлера. Директора — американцы Альфредо Е. Мол и Эрнст К. Холбах — согласились негласно переправлять медикаменты и патенты в Южную Америку через американскую фирму «Фезандие и Сперле», которая в случае войны не могла быть конфискована. Хью Уильямсон, еще один из директоров ДАФ, по-видимому, переправлял оборудование и химикаты. Тем временем Холбаху удалось создать свое собственное дочернее предприятие «Дженерал дайстафс». Зарегистрированная как американская компания, она также не подлежала конфискации. В Нью-Йорке Дитрих Шмиц собрал все документы, обличавшие деятельность отделения статистики «И. Г.», и сжег их.

9 мая 1941 года министр юстиции Роберт Х. Джексон, уступив настояниям Рузвельта, наложил арест на депозиты «Америкэн И. Г.» в «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Однако оказалось, что в банковских сейфах находилось лишь 250 тыс. долларов из полумиллиардного счета корпорации. Несомненно, Ильгнер был человеком со связями — не прошло и двух месяцев после этого, как все средства, за исключением 25 тыс. долларов, были разблокированы. Казалось, что «И. Г.» все сходит с рук, когда Рузвельт и Моргентау заморозили все швейцарские капиталовложения в США, а вместе с ними и средства «Америкэн И. Г.». Итак, «швейцарская ширма» на время стала бесполезной.

Состенес Бен из ИТТ оказался весьма полезным

членом «братства». Он откликнулся на предложение Геринга и попытался купить «Дженерал анилайн энд филм». В результате этой операции компания превратилась бы в американскую и не могла бы быть конфискована во время войны. Кроме того, был бы снят арест с ее швейцарских средств. Аналогичную махинацию предполагалось провести с филиалами ИТТ в Германии, чтобы уберечь их от конфискации. Естественно, что неизменный «Нэшнл сити бэнк» способствовал заключению сделки. Тем не менее Герману Шмицу почудилось, будто Бен пытается его перехитрить, и он решил продать компанию одному из ее дочерних предприятий. Но оказалось, что Шмиц перехитрил самого себя—сделка была почти заключена, когда Моргентау, выведенный из терпения, наложил на нее запрет. Тогда Шмиц сделал другой ход: попытался продать «Дженерал анилайн энд филм» одной датской компании, владевшей частью ее акций. Однако министр финансов воспрепятствовал и этому.

После событий в Перл-Харборе Моргентау решил полностью конфисковать ДАФ до конца войны. Предварительно он закрыл или национализировал 50 связанных с концерном фирм, которые не вызывали у него доверия. Затем он обратился к Рузвельту с просьбой поставить «Дженерал анилайн энд филм» под контроль министерства финансов, а не министерства юстиции или управления по охране секвестрованной иностранной собственности, которое в то время только создавалось под эгидой ненавистного ему промышленного магната Лео Кроули. Моргентау не доверял Кроули, ставленнику слабовольного и нерешительного министра юстиции Фрэнсиса Биддла. Он знал, что Кроули, этот громогласный хвостун, всячески потворствовал деятельности корпораций и был защитником большого бизнеса, как и Джесси Джонс.

13 января 1942 года Моргентау принял против «Дженерал анилайн энд филм» решительные меры и начал увольнять явных профашистов. Хозяин Белого дома целиком и полностью его поддерживал. «Если кто-нибудь спросит,—говорил Рузвельт Моргентау,—можешь говорить, что президент велел не церемониться».

Но одновременно Рузвельт вредил деятельности Моргентау: он временно поручил надзор за компанией служителю большого бизнеса, богатому адвокату Е. Маку. Мак назначил председателем правления отъявленного интригана Уильяма Буллита, отказался увольнять служащих-нацистов и попросту отклонил требование Моргентау прекратить использовать их как консультантов. Моргентау вышел из себя, когда узнал, какие колоссальные оклады назначили Маку и Буллиту за... откровенное

укрывательство фашистов! Кроме того, Мак попытался учредить так называемый «комитет по управлению предприятием», состав которого полностью состоял бы из ловких дельцов — бывших руководителей «И. Г. Фарбен».

16 февраля 1942 года Моргентау сумел взять верх над Маком, конфисковав 97 процентов акций ДАФ. Буллит сразу же вышел в отставку, а Мак остался на своем посту, ожесточенно отбиваясь от Моргентау. Тем временем Рузвельт напомнил в очередной раз, что Кроули с готовностью ожидает передачи ему под контроль ДАФ. Расстроенный, негодующий Моргентау писал Гарри Гопкинсу 26 февраля: «Рузвельт ведет себя так, чтобы в случае чего сослаться на полную неосведомленность — если я буду продолжать начатое и наведу порядок. А он без преувеличения может сказать, что ничего не знает». Гопкинс высказал свое возмущение президенту, и тот наконец 5 марта разрешил Моргентау «не медлить и продолжать действовать в отношении «Анилайн» в том же духе». Однако немногим больше, чем через неделю, президент неожиданно поставил Кроули во главе «Дженерал анилайн энд филм». Шаг, типичный для уступчивого характера президента. Вступив в должность, Кроули сразу же назначил председателем правления компании Эрнста К. Холбаха, пожалуй наиболее скомпрометировавшего себя профарбеновской деятельностью. Впоследствии Кроули отказывался уволить Холбаха даже тогда, когда тот трижды официально был обвинен в связях с «И. Г. Фарбен» после Перл-Харбора. Как ни возмущался Моргентау, Кроули повысил Холбаху оклад с 36 до 82 тыс. долларов в год. У него хватило смелости возложить на Альфредо Е. Мола, сообщника Холбаха, руководство сбытом продукции ДАФ в Южной Америке. Обоим были возвращены акции, конфискованные Моргентау. По специальному указанию Кроули их средства в «Нэшнл сити бэнк» были разблокированы. Но Кроули и этого было мало. Его партнером по фирме-мультимиллионеру «Стандард гэс энд электрик» (СГЭ) был баснословно богатый Виктор Эммануил, который установил контроль над СГЭ с помощью банков Шрёдера. И Кроули, возглавив управление по охране секвестрованной иностранной собственности, продолжал получать зарплату как от этой фирмы, так и от нью-йоркского отделения банка Шрёдера! Специальным юридическим советником Кроули стал близкий друг его и Холбаха — Джон Фостер Даллес, к тому же и адвокат Холбаха, предъявивший правительству иск о возвращении компании ее фондов.

К 1944 году Кроули уже два года управлял ДАФ. За

это время ни он, ни Фрэнсис Биддл не удосужились отреагировать на три официально предъявленных корпорации еще 19 декабря 1941 года обвинения в нарушении антитрестовского законодательства. Основание для предъявленных обвинений — соучастие в тайной торговле с фашистской Германией. Кроули и Биддл отказались от принятия судебного «решения по соглашению»¹ о полном разрыве связей с «И. Г. Фарбен». Они также отказались слить ДАФ с американской компанией «Дженерал дайстафс», которая по-прежнему закупала 10 процентов сбываемой ими продукции. Они не только не передали в распоряжение властей патенты «Дженерал анилайн энд филм», но и не поставили правительство в известность о том, какие патенты были переданы им нацистами, чтобы предотвратить их конфискацию во время войны.

Стоун обрушился на Кроули с критикой на страницах «ПМ» и «Нейшн». В результате Кроули ушел с поста главы управления по охране секвестрованной иностранной собственности, но лишь за тем, чтобы занять другой, еще более ответственный — главы управления зарубежных экономических связей. В редакционной статье газеты «ПМ» от 10 февраля 1944 года Стоун писал: «Одного ухода Кроули с поста недостаточно... Мы надеемся, что при подборе кандидатуры нового главы управления по охране секвестрованной иностранной собственности президент остановит свой выбор на человеке, доходы которого в отличие от Кроули не будут в основном состоять из выплат от частных компаний... Мы предлагаем правительству очистить совет директоров ДАФ от всех лиц, связанных с Виктором Эммануилом, банками Шрёдера, «Стандард ойл» или любой другой компанией, которая до войны имела деловые контакты с „И. Г. Фарбен“». Далее в статье указывалось: «Откройте доступ американской промышленности ко всем патентам по красителям, химикатам, медикаментам и прочим товарам, которые принадлежат самой ДАФ или ее дочернему предприятию «Уинтроп кемикл»... Разделите ДАФ на мелкие компании, сделав их американской собственностью, чтобы каждая из них занималась одним из видов деятельности ДАФ, — тогда мы избавились бы от монополии этой контролируемой Германией корпорации по множеству товаров».

Излишне добавлять, что президент не прислушался ни к одной из этих рекомендаций.

В марте 1944 года, спустя три месяца после ухода

¹ Решение суда в соответствии с заключенным сторонами соглашением.

Кроули с поста председателя правления ДАФ, на поверхность всплыли новые подробности его махинаций. Уильям Лавэр из министерства торговли 1 июня 1944 года заявил на заседании почтового комитета сената, что Кроули в ущерб национальным интересам разглашал, используя официальные каналы, проходившую цензуру информацию. Он сообщил, что двое, представившиеся «торговцами» компании ДАФ, потребовали от него данные, содержащиеся в проходившем через цензуру донесении об американской фирме «Истман кодак» с тем, чтобы использовать их с наибольшей для себя выгодой, торгуя пленкой в Латинской Америке. Вместо того чтобы «заморозить» деятельность ДАФ, Кроули ее стимулировал, конкурируя с «Кодаком». Отчеты ДАФ поступали к Лавэру с сопроводительными письмами, в которых утверждалось: все сотрудники заняты сбором информации для главы управления по охране секвестрованной иностранной собственности и в силу этого должны располагать секретными данными. Поскольку письма исходили от лица официального, Лавэр считал своим долгом представить затребованные сведения. В результате ДАФ одержала полный верх над «Кодаком» в Южной Америке.

Лавэру удалось установить: когда правительство Мексики в 1944 году заключило сделку с американской компанией «Сианамид», касающуюся операций с собственностью конфискованных немецких химических компаний, двое сотрудников Кроули вылетели в Мехико и подкупили всех, кого могли, чтобы сорвать достигнутую договоренность, не отвечающую интересам ДАФ.

Деятельность Кроули осталась безнаказанной. Между тем Джон Фостер Даллес представил от имени г-жи Эрнст Холбах иск в управление по охране секвестрованной иностранной собственности о возвращении ей оставшейся части принадлежавших мужу акций немецких предприятий. Вместо Кроули пост главы этого учреждения в то время занял его помощник Джеймс Маркхэм, который тоже был... одним из директоров «Стандард гэс энд электрик»! Вряд ли кого-то удивит, что Даллес выиграл иск.

* * *

Одним из многочисленных филиалов «И. Г. Фарбен» и компаньоном «Дженерал анилайн энд филм» был «Стерлинг продактс инк.». Этот колоссальный трест финансировал банк «Нэшнл сити». «Стерлинг продактс инк.» и его дочерние предприятия — «Уинтроп кемикл компани» и «Байер компани» — выпускали широко известные фармацевтические препараты, такие, как аспирин. Миллионам

американцев во время второй мировой войны и в голову не приходило, что, покупая упаковку с таблетками, они помогали финансировать целую армию секретных агентов, действовавшую параллельно с разведсетью Макса Ильгнера («Н.В.-7») в Северной и Южной Америке. Эти агенты снабжали врага подробнейшей информацией о состоянии вооруженных сил США.

Председателем правления «Стерлинг продактс» был Уильям Уэйс, близкий друг Германа Шмица и один из директоров «Америкэн И. Г./Дженерал анилайн энд филм». Ревностный приверженец англиканской епископальной церкви, способный химик, в прошлом владелец аптеки, Уэйс давно сблизился не только со Шмицем, но и с Вильгельмом Манном, директором отдела фармацевтики «И. Г. Фарбен».

Немецкая компания «Америкэн Байер», разработавшая технологию приготовления аспирина во время первой мировой войны, в 1918 году была конфискована управлением по охране секвестрованной иностранной собственности. Купив ее в 1919 году, Уэйс подписал обязательство, что компания никогда не будет контролироваться никем, кроме как «стопроцентным патриотом США».

Однако через полгода после подписания такого обязательства Уэйс связался с Германом Шмицем с тем, чтобы установить контакт с недавним врагом США, Германией, и найти способ обойти положения Версальского договора, согласно которому Германии не разрешалось иметь собственную фармацевтическую промышленность. Затем он сделал Эрла Макклинтока своим младшим партнером. Макклинток — этот талантливый юрист с деловой хваткой — был заместителем начальника отдела контроля над конфискованными немецкими предприятиями в управлении по охране секвестрованной иностранной собственности и получал 3 тыс. долларов в год. Уэйс предложил ему на 10 тыс. больше и переманил к себе.

В 1920 году Макклинток совершил поездку в Баден-Баден и встретился с Карлом Бошем и Германом Шмицем. В результате были восстановлены деловые связи с компанией «Байер» в Германии, которые он сам же прервал на законном основании всего девятью месяцами ранее.

Затем Макклинток долго колесил по городам и городишкам Южной Америки, внедряя там тайных агентов, с помощью которых предполагалось создать один из наиболее крупных фармацевтических концернов мира.

В 20-е годы компания «Стерлинг» полностью завладела компанией «Байер» в США. Хотя каждая из них имела

свои конторы и предприятия, они были связаны неразрывными узами.

В 1926 году Герберт Гувер на правах министра торговли создал консультативную комиссию по вопросам химического производства, в состав руководства которой вошли Фрэнк Блэйр из «Стерлинг», Уолтер Тигл из «Стандард ойл» и Ламот Дюпон, брат Ирене Дюпона. Два года спустя «Стерлинг дайстафс» была продана Уэйсом старой и солидной американской фирме «Грасели», которая потом слилась с концерном Дюпонов, а в конечном счете стала частью «Дженерал анилайн энд филм». Итак, с самого начала становления «братства» его члены были спаяны общими интересами.

В 20-е годы Уэйс заключил с «И. Г. Фарбен» соглашение сроком на 50 лет, по которому мир «по-братски» оказался поделен вплоть до Новой Зеландии и Южной Африки на два рынка сбыта. Ими была совместно создана компания «Альба фармацевтикал К^о», 50 процентов акций которой принадлежали «И. Г. Фарбен». В течение последующих 30 лет «Альба», «Стерлинг» и «И. Г. Фарбен» обменивались между собой членами советов директоров и изощрялись во всяческих хитроумных махинациях.

В 1928 году в компании появился нацистский агент. Это был Эдвард А. Рамели, консультировавший Фордов по финансовым вопросам.

Рамели работал вместе с партнером Вестрика д-ром Генрихом Альбертом, адвокатом «братства». Впоследствии Альберт возглавил филиал «Форда» в Германии.

В годы первой мировой войны Рамели вел активную прогерманскую пропаганду в США. Только на подкуп 619 газет — для того чтобы настроить американцев против поставок боеприпасов европейским союзникам — он истратил 200 тыс. долларов. Этот немецкий агент купил газету «Ивнинг мейл» и превратил ее в рупор прогерманской пропаганды. Рамели был арестован в 1918 году и осужден по обвинению в ведении торговли с противником. Однако в тюрьме он провел всего лишь месяц — Генри Форд использовал свое влияние на президента Кальвина Куллиджа¹. В день выхода Рамели из тюрьмы Форд вручил ему пачку облигаций в качестве аванса.

¹ Кальвин Куллидж (1872—1933) — государственный деятель США. В 1923—1929 гг. избирался президентом США от республиканской партии. Был последовательным проводником интересов американского финансово-монополистического капитала как внутри страны, так и за рубежом. Содействовал наращиванию военного потенциала германского империализма, занимал враждебную позицию по отношению к СССР, отказываясь от его дипломатического признания.

Рамели одним из первых вступил в нацистскую партию. В «Стерлинг» он исполнял функции ведущего консультанта и в тесном контакте с Уэйсом помогал насаждать молодежные фашистские организации в Южной Америке. Полную поддержку ему оказывал Альфредо Мол, который продолжал свою деятельность и в годы войны под покровительством Лео Кроули. Для полноты картины следует добавить, что Уэйс пользовался услугами как одной группы юристов, в лице братьев Даллес, так и другой — Эдварда С. Роджерса с партнерами, который был родственником владельцев «Роджерс стандарт ойл» и одно время консультировал по юридическим вопросам главу управления по охране секвестрованной иностранной собственности.

Еще один полезный контакт удалось завязать в 1929 году — Уэйс предложил пост вице-президента «Стерлинг» Эдварду Кларку, секретарю президента Куллиджа, а потом и Гувера.

Кларк возглавлял в Вашингтоне группу лоббистов, «обрабатывавшую» членов конгресса. Концерну «И. Г. Фарбен» была необходима солидная поддержка. Эта группа продолжала действовать под разными названиями вплоть до конца второй мировой войны. Супруга Кларка через 10 лет после смерти мужа продала его бумаги антикварному магазину на Семнадцатой улице в Вашингтоне — неподалеку от Белого дома. Его владелец Чарльз Кон собирал редкие документы, почтовые марки, монеты и автографы. В одной из газет было помещено объявление о том, что в магазин Кона поступили письма Кларка, в которых содержатся сведения о контактах «И. Г. Фарбен». Через два часа после появления объявления в магазин пришел немец, назвавшийся коллекционером документов, выложив 100 тыс. долларов в новых, хрустящих банкнотах. Кон ни за какие деньги не захотел расстаться с письмами. (Он обладал нюхом на немецких шпионов.) На следующий день появилась прелестная молодая дама, предложившая деньги и себя в придачу. Кон устоял и на этот раз. Он передал письма Библиотеке конгресса, где эти изобличительные документы пропали бесследно.

В 30-е годы Уэйс не упускал возможности для ведения профашистской пропаганды и сбора стратегически важных данных. Он всячески пытался воспрепятствовать расширению производства медикаментов лояльными американскими компаниями. 29 марта 1933 года Макс Ильгнер из «И. Г. Фарбен» — к тому времени офицер гестапо — отправил сообщение Максиму Вояну, руководившему экспортом «Стерлинг», в страны Южной Америки. В

нем, в частности, указывалось: «Просим Вас оказывать противодействие протестам общественности в отношении «неблаговидных дел» нашего (нацистского) правительства».

...Немедленно по получении этого письма Вам надлежит включиться в кампанию по распространению информации, учитывая при этом обстановку в стране и взгляды редакторов влиятельных газет. Рекомендуются также направлять соответствующие циркуляры медикам и потребителям. Особенно следует обратить внимание на ту часть нашего письма, где указано, что во всех этих выдумках об ужасах, происходящих в Германии, нет ни слова правды».

Было принято решение не публиковать рекламу «Стерлинг» в антифашистских газетах. Более того, контракт на рекламу расторгался, если газета меняла свою направленность на антифашистскую.

В 1933 году, после прихода к власти Гитлера, Уэйс в письмах к Рудольфу Манну из «И. Г. Фарбен» высказывал «опасения относительно положения дел в Германии». Однако Манн, сразу же с готовностью воспринявший нацистскую доктрину, заверил Уэйса, что дела в Германии под руководством нацистской партии пойдут гораздо лучше. Тогда Уэйс написал ему, что не хотел бы верить грязным сплетням о происходящем в Германии, но было бы желательно получить достоверную информацию. Манн удовлетворил его желание — прислал письмо, полностью оправдывающее действия правительства национал-социалистов. В нем, правда, отмечалось, что имели место «несколько несчастных случаев», по поводу которых Манн процитировал в качестве отговорки пословицу «Лес рубят, щепки летят». Этот «аргумент» был заимствован им из речи, которую произнес всего за несколько дней до упомянутого письма Г. Геринг. Подобный обмен корреспонденцией между Уэйсом и Манном происходил и в дальнейшем.

Осенью 1933 года Уэйс вместе с женой посетил Германию. В Мюнхене они пышно отпраздновали 32-ю годовщину свадьбы в кругу руководителей гестапо. По возвращении в письме от 17 ноября 1933 года Уэйс заверял Манна: «Американские друзья, естественно, проявили большой интерес к нашей поездке, и мы сообщили им много нового о положении в Европе. Я рассказал о колоссальных успехах Германии, и можете не сомневаться: как очевидец наилучшим образом постараюсь осветить происходящее в вашей стране, добившейся при Гитлере огромных успехов».

Бывший служащий американского филиала «И. Г.

Фарбен», молодой и энергичный Говард Эмбрастер постоянно пытался препятствовать профашистской деятельности «Стерлинг». Однако шансов на успех у него было мало: многочисленные обращения к сенаторам и конгрессменам оставались без ответа, а его самого неоднократно пытались заставить замолчать.

Годы депрессии не помешали деятельности Уэйса и Макклинтока по превращению «Стерлинг» в крупнейшую фармацевтическую корпорацию США. В 1936 году Макклинток чуть было не провернул большую махинацию. Недовольный тем, что комиссия по вопросам ценных бумаг и валюты проявляет излишний интерес к компании, он использовал свои связи, чтобы стать ее председателем. К счастью для безопасности Америки, ему это не удалось. Тогда вместе с Уэйсом они вложили крупные суммы денег в национальный комитет демократической партии, а также и в национальный комитет республиканской партии, чтобы заручиться поддержкой того, кто придет к власти в Белом доме. В мае 1938 года Макклинток совершил поездку в Базель, намереваясь в ходе заседаний Банка международных расчетов обсудить кое-какие вопросы с Германом Шмицем и Куртом фон Шрёдером. Речь шла о способах руководства компанией «Стерлинг» в случае вступления США в войну против Германии. Присутствующие договорились, что колоссальные средства, получаемые «Стерлинг» от продажи продукции «Байер» в Латинской Америке, во время войны будут поступать в банк Шрёдера в Нью-Йорке, а доходы «Стерлинг» в Германии и в странах, которые она оккупирует, на протяжении всей войны будут храниться в банке Штейна в Кёльне. Что касается крайне важных патентов «Байер», которые могли быть конфискованы правительством США по причине их контроля Германией, они передавались «Стерлинг» как американские и сохранялись таким образом на срок до конца войны. Деятельность «И. Г. Фарбен» в Латинской Америке должна была осуществляться через «Стерлинг». Продукцию концерна во время войны предполагалось складировать или перемаркировывать, чтобы скрыть имя изготовителя и избежать запрета на ее продажу как вражеской. Следующая встреча произошла во Флоренции в феврале 1940 года, когда в Европе уже шла война. Шмиц и Шрёдер опять встретились с Макклинтоком, подтвердили достигнутые договоренности и решили, что средства, полученные от торговли в Южной Америке, должны поступать в местные банки для использования проживающими на чужбине нацистами.

Все эти договоренности так бы и остались на бумаге,

не окажи поддержки друзья в Вашингтоне. Влиятельный юрист Томас Конкоран сначала стал внештатным, а потом и официальным юрисконсультom «Стерлинг». В конечном счете он занял пост одного из директоров корпорации.

В 1934 году Конкоран представил Уэйсу своего брата Дэвида, который искал работу. Дэвид был торговцем автомобилями и делать практически больше не умел ничего. Но Уэйс без колебаний поручил ему руководство «Стерлинг» в Южной Америке.

Это отделение стало неиссякаемым источником средств для фашистской Германии. Представляя в 1942 году объемистый доклад комитету обороны Трумэна, молодой и проницательный помощник министра юстиции Норман Литл утверждал: «Когда нацистское правительство в 1938 году потребовало от концерна «И. Г. Фарбен» срочно представить ему крупную сумму денег, тот заимствовал ее у «Стерлинг продактс инк.» и его филиалов».

Перевозка товаров морем из Германии в Южную Америку продолжалась вплоть до начала войны в сентябре 1939 года. Установленная англичанами блокада создала для «И. Г. Фарбен» те же проблемы, что и для Дэвиса и «Стандард ойл». Поэтому Герман Шмиц был вынужден доверить «Стерлинг» сбыт продукции в Южной Америке. Поставки медикаментов продолжались без помех, и товары все чаще и чаще поступали из Нью-Йорка.

11 сентября 1939 года, через 10 дней после начала войны в Европе Уэйс взял под свой контроль немецкие предприятия в Латинской Америке, чтобы предотвратить их конфискацию в случае вступления США в войну. Кроме того, он обеспечил договоренность о накоплении продукции для германских заказчиков, которой бы хватило по крайней мере на пять лет. Располагая основным капиталом в 2 млн. долларов и на 30 млн. долларов акций фармацевтических предприятий Южной Америки, Уэйс и Макклинток старались сохранить свое сотрудничество с нацистами. В феврале 1940 года Макклинток вылетел в Рим для переговоров с Рудольфом Манном из «И. Г. Фарбен». Он еще раз подтвердил намерение «Стерлинг» продолжать сотрудничество во время войны.

31 мая 1941 года «И. Г. Фарбен» приступил к передаче дел. Он продал тресту «Стерлинг» 75 процентов акций своего отделения в Аргентине, а вырученные деньги передал для финансирования деятельности одной лаборатории в Буэнос-Айресе, работавшей на фашистов. Об этой сделке узнали в министерстве юстиции США. Министерство дало указание, чтобы эти деньги были оформле-

ны в графе «разные доходы компании «Байер» на основании того, что сделка с «И. Г. Фарбен» была незаконной и не подлежала широкой огласке.

Под давлением Генри Моргентау Уэйс 15 августа 1941 года, отделавшись минимальным штрафом, подписал «решение по соглашению», по которому «Стерлинг» и «Байер» обязались прекратить сотрудничество на период войны. С этого момента деятельность «Байер» стала осуществляться под прикрытием «Стерлинг». Уэйс дал обещание не продавать продукцию «Байер» в Южной Америке под немецкими названиями, но прошло чуть больше трех недель после подписания обязательства, и он нарушил свое слово. 10 сентября СФИ, дочернее предприятие «Стерлинг» в Рио-де-Жанейро, сообщило в Нью-Йорк, что продает аспирин под прежним немецким названием.

По настоянию Моргентау, который постоянно досаждал совету директоров, Уэйс 3 декабря 1941 года оставил пост главы компании и вернулся в свой родной город Уилинг в Западной Вирджинии. Тем не менее он не отошел полностью от дел «Стерлинг» и предпринял две поездки в Олбани, чтобы присутствовать на заседаниях совета директоров и попробовать восстановиться в должности. Но об этом не могло быть и речи: компания и так уже достаточно себя скомпрометировала. Уэйсу пришлось вернуться в Уилинг, однако он отказался забрать личные вещи из своего бывшего кабинета, надеясь, что рано или поздно вернется к руководству. В феврале 1942 года он просил своего преемника Джеймса Хилла оставить в кабинете все на прежних местах. Хилл объяснил ему, что министерство юстиции будет против его восстановления и предупредил: Моргентау может обойтись с ним так же сурово, как и с некоторыми членами совета директоров «Дженерал анилайн энд филм». В интересах компании Уэйс должен все вывезти. Однако доводы Хилла Уэйс пропустил мимо ушей и в марте отбыл на отдых в Аризону, так ничего и не тронув. Тогда выведенный из терпения Хилл накричал на секретаршу Уэйса, отказывавшуюся прикасаться к вещам своего бывшего патрона, и отдал указание в 24 часа очистить кабинет, а секретарше убраться восвояси, что и было исполнено.

Когда Уэйс вернулся, происшедшее настолько его потрясло, что у него помутился разум. Словно приведенный, он бесцельно бродил по улицам или ездил на автомобиле по окрестностям Уилинга. В марте 1943 года Уэйс погиб в автомобильной катастрофе.

Новое руководство «Стерлинг», за исключением Джеймса Хилла, не вызывало особого доверия. Макклин-

ток, хладнокровно пожертвовавший своим партнером, продолжал занимать пост в компании.

31 декабря 1941 года, спустя примерно 3 недели после отставки Уэйса, военная разведка перехватила телеграмму с пометкой «сверхсекретно», отправленную из правления «Стерлинг» в Мексику и Венесуэлу. В ней указывалось: «Осуществляя поставки, следует соблюдать еще более строгие меры предосторожности. Было бы желательно подбирать различных адресатов, причем людей малопримечательных. Мы бы доставляли им товары по 40—50 коробок, предварительно обернув их в немаркированную бумагу. Мы имеем возможность получать груз в портах Западного побережья—это хорошая гарантия сохранить путь следования товаров в тайне от разведслужбы США».

Содержание этой телеграммы стало известно в Вашингтоне. Тем не менее продукция «Стерлинг» продолжала поступать к адресатам, как и прежде. 4 февраля 1942 года Эдгар Гувер направил пояснительную записку частного характера заместителю госсекретаря Адольфу Берли, приложив к ней отчет о деятельности «Стерлинг» в Чили. Он сообщал, что Вернер Сиринг из местного отделения этой компании руководит разведкагентурой в стране. Гувер писал, что руководство этой разведкагентуры «имеет досье на активных антифашистов, кроме того, оно проверяет, насколько граждане Германии лояльны Гитлеру. Агенты действуют на медных рудниках, находящихся под контролем США и Великобритании, а также в крупных химических компаниях и банках. С помощью агентов становится известна экономическая конъюнктура в стране». Далее в этом весьма просторном отчете указывалось, что Сиринг и его люди помогли команде затонувшего фашистского линкора «Адмирал Шпее» совершить побег из тюрьмы и отплыть японским кораблем в Страну восходящего солнца.

При помощи местных фашистов Сиринг собирал информацию о политическом и экономическом положении в стране, о деятельности чилийских властей, о добыче полезных ископаемых в Чили и Боливии, о состоянии промышленности и торговли, о настроениях в армии и на флоте.

В апреле 1942 года сотрудники Моргантау провели обыск в главном правлении компании «Стерлинг» на Манхэттене. Удалось выяснить, что человек, 16 лет работавший на «И. Г. Фарбен», продолжал оставаться одним из руководителей «Стерлинг». Они также установили, что юрисконсульт «Стерлинг», который был исполнительным вице-президентом «Дженерал анилайн энд

фильм», продолжал представлять «Стерлинг» в юридическом отделе ДАФ вплоть до февраля.

28 мая 1942 года управляющий «Стерлинг» в Лиме (Перу) сообщал в правление в Буэнос-Айресе, что деятельность компании вызывает подозрение у перуанского правительства, собирающегося установить контроль за ее деловыми контактами. В письме указывалось, что подобный контроль компанию отнюдь не устраивает и она не потерпит никакого вмешательства в отношения с лицами, внесенными в официальный «черный список».

В письме от 27 августа 1942 года Филип Тайер, старший консультант американского посольства в Сантьяго, занимавшийся вопросами экономики, поручил Марио Юстиниано, руководившему чилийскими лабораториями «Стерлинг», получить сумму в 500 827 песо, которую им была должна компания «Куимико Байер» в Сантьяго, отделение «И. Г. Фарбен». Таким образом, государственный служащий давал указание отделению нью-йоркской компании получить определенную сумму денег от фашистской — т. е. вражеской — корпорации. Далее в письме говорилось: «Было бы также крайне желательно получить от Вас информацию о том, какие меры принимает в США Ваша компания, чтобы получить необходимые доверенности и разрешения для проведения этой операции».

В письме от 30 августа 1942 года Юстиниано обратился в комиссию по ценным бумагам и валюте в Вашингтоне с просьбой о предоставлении ему специального разрешения. Свою просьбу Юстиниано мотивировал тем, что предвидел трудности в получении денег — их должен был выплатить немецкий «Банко амман трансатлантико» в Буэнос-Айресе. Юстиниано хотел бы по возможности этого избежать, опасаясь нежелательной огласки. По его словам, поверенный компании оговорил с «Байер» вопрос о получении выплат наличными в чилийских песо. В этом случае деньги должны были поступить из «Банко алеман трансатлантико» в один из чилийских банков. Копию письма в адрес комиссии по ценным бумагам и валюте Юстиниано направил Макклинтоку. Тот немедленно отбил ответную телеграмму о том, что «Стерлинг» должна сама без посредников осуществить операцию с «Банко». Таким образом, Макклинток санкционировал сотрудничество с врагом.

С ответом из Вашингтона медлили. Госдепартамент колебался, но в конечном счете дал разрешение на сделку.

4 ноября 1943 года Дадли Двайер, советник по юридическим вопросам посольства США в Монтевидео (Уруг-

вай), сообщил в госдепартамент: местное отделение «Стерлинг» открыто нарушает договоренность с правительством США воздерживаться от торговли с противником. Это отделение по-прежнему использовало нацистские торговые знаки и сохраняло в штате сотрудников, работавших ранее на «Байер», что шло вразрез с «решением по соглашению». Действительно, местный управляющий «Стерлинг» перешел на работу из «Байер», которой он ранее руководил. Совладельцами лабораторий «Стерлинг» значились прежние фашистские фирмы из «черного списка».

По сообщениям из посольств, поступавшим в 1943 году, Макклинток подкупал чилийских государственных служащих, чтобы продолжать поддерживать деловые контакты с фашистами. В том же году министерство финансов направило в Южную Америку комиссию для расследования деятельности «Стерлинг». На многих своих предприятиях компания успела принять меры, чтобы обезопасить себя, передав патенты и товары «Байер» другим американским фирмам. Однако кое-где — главным образом в Чили и Уругвае — пособничество и тайные сделки продолжались.

Норман Литл, юрист ведавший вопросами антитрестовского законодательства в управлении генерального прокурора, почти всю войну боролся со «Стерлинг», пытаясь лишить компанию поддержки в правительстве. Его глубоко возмущал факт нарушения компанией «решения по соглашению», а также то, что ею руководит знаменитый Томми Конкоран. (Литл знал, какое колоссальное влияние имеет Конкоран на министра юстиции Фрэнсиса Биддла.) Еще больше его возмутило явно лживое заявление Биддла в «Нью-Йорк таймс» от 6 сентября 1941 года, в котором он стремился защитить корпорацию: «„Стерлинг продактс“ всегда была исконно американской компанией. Что касается доходов от сбыта аспирина компанией «Байер», то иностранные вкладчики их не получали вовсе. Точно так же отечественная американская продукция и разработка «Байер» новейших препаратов не имеют никакого отношения к связям с «И. Г. Фарбен». И еще: ни в одном отделении «Стерлинг» нет иностранных капиталовложений».

Литл выступал с разоблачениями главы управления по охране секвестрованной иностранной собственности Лео Кроули, который, помогая «Стерлинг» заметать следы, отобрал у нее патенты «Байер» на атабрин — заменитель хинина. Этот препарат был крайне необходим в период нехватки хинина, поскольку японцы захватили Малайю и Голландскую Вест-Индию. Без хинина или

атабрина тысячи американцев, воевавших в тропиках, были обречены на смерть от малярии.

В течение 1942 года Литл с помощью бывшего служащего «И. Г. Фарбен» Говарда Эмбрастера настойчиво пытался добиться от Кроули разрешения на производство этого препарата для нужд армии. Тот отказывал, а между тем — как следует из секретных документов — огромные партии атабрина находили широкий сбыт в Южной Америке у заказчиков из «черного списка».

История с атабрином просочилась в печать. О ней узнал И. Стоун, который поддерживал Эмбрастера и Литла в кампании против Кроули. Под их давлением сенатор Гомер Боун, председатель сенатской патентной комиссии, объявил о проведении пленарного слушания по вопросу об атабрине. Однако слушание постоянно откладывалось. Хотя Биддл располагал многочисленными документами, дающими право конфисковать атабрин, он отказывался предать их гласности. Слушание началось только в августе, но его быстро приостановили: выяснилось, что пять членов комиссии отказались обсуждать этот вопрос.

В августе 1942 года Тэрмен Арнольд из отдела по вопросам антитрестовской деятельности министерства юстиции писал в «Атлантик мансли»: «Тайные махинации германо-американских промышленников с атабрином продолжались в течение длительного времени. И это тогда, когда Германия готовилась к войне против нас. Факт настолько чудовищный, что не требует дальнейшего пояснения».

В марте 1943 года Эмбрастер встретился с Э. Гаррисоном, новым главой службы иммиграции и натурализации. Он представил ему список американских граждан, сотрудничавших одновременно со «Стерлинг продактс» и компаниями из «черного списка». Эмбрастер спрашивал, почему никто из указанных лиц не был ни интернирован, ни лишен гражданства, ни депортирован. Гаррисон ответил, что его службе запрещено обсуждать эту тему. Тогда Эмбрастер задал вопрос: на основе какого положения наложен этот запрет? Получить подобные сведения, заявил Гаррисон, не представляется возможным.

Тогда Эмбрастер написал помощнику министра юстиции Уэнделу Берджу, которому подчинялся отдел по уголовным делам министерства юстиции, и задал ему те же вопросы. Ответа не последовало. Позднее по телефону Бердж сказал: «Я не уполномочен удовлетворить ваш запрос».

Помощник министра юстиции Литл проявлял такую невероятную настойчивость, что 18 ноября 1944 года

Рузвельт под давлением врагов Литла предложил ему уйти в отставку. Вместо того чтобы последовать этому совету, Литл разразился гневным посланием, подробнейшим образом разоблачив хитроумные махинации «Стерлинг» и Томми Конкорана. Биддл после этого настаивал, чтобы Рузвельт сместил Литла с поста, но президент колебался—он не любил столкновений на личной почве. В конечном счете Биддл восторжествовал, и Рузвельт сместил Литла за неподчинение, указав: «Когда заявления, сделанные Норманом Литлом (с критикой в адрес правительства), появились в газетах первый раз, я заметил ему... что ради будущей карьеры ему лучше подать в отставку... При сложившихся обстоятельствах у меня не было иного выхода, кроме как освободить его от должности, что я сегодня и сделал».

В 1945 году Литл наконец добился поддержки сената. Члены палаты представителей Ал Смит из Висконсина и Джерри Вурхиз из Калифорнии включили предъявленные Литлом компании «Стерлинг» обвинения в публикацию конгресса «Конгрэшнл рекордс» от 22 января того же года и потребовали проведения расследования. Но никакого расследования не было—через несколько дней после включения этого вопроса в повестку дня он был снят. Биддл спокойно оставил занимаемый пост, чтобы вскоре после этого—ирония судьбы!—приступить к обязанностям судьи на Нюрнбергском процессе.

Перед самой смертью Рузвельт вызвал к себе Литла. Позднее Литл вспоминал, как в ходе беседы, проходившей в Овальном кабинете, президент признался ему, что в свое время собирался обвинить Биддла в заговоре, но ухудшавшееся состояние здоровья помешало осуществить это намерение. Тогда Литл спросил Рузвельта, почему именно Биддл был избран в судьи на Нюрнбергском процессе. В ответ президент промолчал.

Партнер Уильяма Уэйса по «Дженерал анилайн энд филм» Эдзел Форд, сын Генри Форда, владевшего громадным автомобильным концерном, играл важную роль в деятельности «братства» накануне и в ходе второй мировой войны. Председателем правления немецкого филиала концерна «Форд» был д-р Генрих Альберт, взявший в свои руки бразды правления филиалом после событий в Перл-Харборе. До 1936 года он являлся партнером Герхарда Вестрика по адвокатской конторе «Саливан энд Кромвель», с которой, как уже отмечалось, были связаны братья Даллесы.

По данным одного из очередных опросов общественного мнения, Генри Форд был признан третьим величайшим деятелем в истории — после Иисуса Христа и Наполеона. Семейство Фордов было сказочно богато. Когда, например, Форду-младшему исполнился 21 год, он получил в подарок из семейного сейфа 1 млн. долларов — золотом.

Удивляться не приходится, принимая во внимание те баснословные барыши, которые получал Форд от продажи автомобилей. В начале века большой популярностью у американцев среднего достатка пользовалась автомашина «Модель Т», которую собирали на заводах Форда. К 1940 году концерн контролировал более половины автомобильного рынка США.

Генри Форд стал одним из первых восторженных сторонников Гитлера еще тогда, когда другие американцы не воспринимали всерьез его истерические призывы. Форду была близка прежде всего исступленная ненависть фюрера к евреям.

В 1920 году Форд превратил издававшуюся с 1918 года «Дирборн индипендент» в рупор антисемитских взглядов. Первый номер его газеты вышел 22 мая с подзаголовком «Международное еврейство — проблема мирового значения». Передовая статья начиналась словами: «Есть раса, часть человеческого рода, которая никогда не воспринималась как желанная раса». Эту статью написал эмигрант-белогвардеец Борис Бразуль, который как-то

похвастался: «Я причинил евреям больше вреда, чем десять погромов».

Бразуль состоял на службе сначала в царской охране, потом в разведке армии США, а впоследствии стал нацистским шпионом.

В 1927 году был издан «труд» Форда «Международное еврейство». Этот пыщущий злобой антисемитский трактат широко пропагандировался в странах Латинской Америки и Арабского Востока вплоть до 1945 года. Он получил высокую оценку Гитлера. В резиденции фюрера в Мюнхене в кабинете висела фотография Генри Форда. В 1923 году в интервью корреспонденту чикагской газеты «Трибюн» Гитлер заявил: «Мне бы хотелось послать своих штурмовиков на помощь Чикаго и другим крупным городам Америки», намекая на слухи о намерении Форда выставить свою кандидатуру на президентских выборах.

Форд был одним из немногих, удостоенных похвалы на страницах «Майн кампф». На процессе над Гитлером в 1924 году Эрхард Ауэр из ландтага Баварии свидетельствовал, что Форд оказывал Гитлеру финансовую поддержку.

Уже с момента зарождения «братства» Форд заложил надежную основу для его деятельности. Это он назначил д-ра Генриха Альберта, партнера Герхарда Вестрика, председателем правления компании «Форд» в Германии. Руководящие посты в этой компании занимали фашисты — внук кайзера Вильгельма и Карл Бош, возглавлявший до Шмица «И. Г. Фарбен». Позднее в ее руководство вошли Карл Краух и Курт фон Шрёдер.

На допросе в 1946 году Карл Краух показывал: «Я лично знал Генри Форда и восхищался им. Мне был хорошо знаком и его сын, Эдзел. Я сам обратился к Герингу и предложил не национализировать заводы «Форда». Подобная мера оказала бы негативное влияние на характер будущего американско-германского сотрудничества, от которого зависел успех внедрения в промышленность Германии американской технологии. Выслушав меня, Геринг сказал: «Согласен с вами. Я проконтролирую, чтобы немецкая «Форд компани» избежала слияния с «Герман Геринг компани». Я регулярно посещал заседания наблюдательного совета, чтобы быть в курсе дел Генри Форда и по мере сил оказывать ему поддержку после того, как началась война. Благодаря нам Форд сохранил независимость и его предприятия не были конфискованы».

Большое внимание европейским филиалам уделял и сын Форда — Эдзел. Несмотря на нелады с отцом, у него была общая с ним черта — он также ревностно исповедо-

вал принцип «бизнес прежде всего» и не отказался от него в годы войны. В 30-е годы Эдзел входил в правление директоров «Америкэн И. Г.», которая, как указывалось ранее, была переименована в «Дженерал анилайн энд филм». В 1940 году после встреч в Дирборне с Герхардом Вестриком отец и сын Форды решили прекратить производство авиационных двигателей для Англии. Вместо них они предпочли выпускать детали для армейских 5-тонных грузовиков—основного транспортного средства немецкой армии. Они же поставляли Германии автопокрышки—несмотря на то, что их не хватало в самих США. При этом 30 процентов автопокрышек шло в оккупированные нацистами страны.

В публикациях, рассчитанных на служащих компании «Форд» в Германии, можно было найти материалы под следующим заголовком: «В начале года мы торжественно обещали, что, воодушевленные непоколебимой верой в фюрера, мы будем отдавать все наши силы окончательной победе».

Форд никогда не забывал поздравить Гитлера с днем рождения и выслать ему подарок—50 тыс. рейхсмарок. Глава его компании в Германии обязан был передавать Гитлеру документы, имеющие военное значение. Д-р Альберт продолжал работать на Гитлера, когда его партнер Вестрик отбыл в США, чтобы добыть шпионские сведения.

В 1941 году Форд ввел в штат своих служащих одного из самых ярых приверженцев Гитлера—Чарльза Линдберга. 17 декабря 1941 года в Нью-Йорке, в доме одного влиятельного бизнесмена Эдвина Уэбстера, Линдберг в кругу сторонников движения «Америка прежде всего» заявил: «В мире есть лишь одна опасность—желтая. Китай и Япония едины против белой расы. Эффективным орудием против этого альянса может быть только Германия... и было бы идеально, если бы она захватила Польшу и Россию, создав при содействии Великобритании заслон против желтолицых и большевиков. Но нет же—британцы и дураки из Вашингтона сочли необходимым вмешаться. Англия исходит завистью к Германии—она сама хочет быть вечной владычицей мира. Причиной всех бед ныне на нашей планете является Великобритания»¹.

В то время когда Линдберг начал свою деятельность в качестве консультанта концерна «Форд», Эдзел Форд вплотную занялся своей компанией в оккупированной Франции. Делами Форда во Франции заправлял Морис Долфюс, тесно сотрудничавший с банком «Вормс» и БМР.

¹ Доклад ФБР, 18 декабря 1941 г.—Прим. авт.

Плохо разбираясь в вопросах промышленного производства, он тем не менее прекрасно справлялся с задачей финансирования нового автомобильного завода Форда. Предприятие находилось в Пуасси, в 11 километрах от Парижа, на оккупированной нацистами территории. С 1940 года с ведома Долфюса завод начал производить авиационные двигатели, грузовые и легковые автомобили, поступавшие на вооружение фашистской Германии. Предприятием руководили из Берлина Карл Краух и Герман Шмиц, а из Дирборна (штат Мичиган)—Эдзел Форд.

После событий в Перл-Харборе Эдзел Форд встал грудью на защиту интересов компании в оккупированной Франции. За ее благополучие он был готов заплатить любую цену—пусть даже это будет сотрудничество с нацистским правительством! Форд и Долфюс решили сохранить тесные контакты с Карлом Краухом, Генрихом Альбертом и Герхардом Вестриком. Поскольку последние трое находились в Германии, которая вела против США войну, наладить постоянный контакт с ними оказалось довольно сложно. Тогда в 1942 году Эдзел Форд сумел каким-то образом найти общий язык с заместителем госсекретаря Брекинриджем Лонгом, который приложил немало усилий, чтобы использовать закон, запрещающий торговлю с врагом, для прекращения финансовой помощи еврейским беженцам из Германии. Лонг дал разрешение Эдзелу Форду переписываться с руководством компании в оккупированной Франции через Лиссабон и Виши. Так как письма могли попасть в руки журналистов или иностранных агентов, их должен был перевозить португальский курьер по имени Джордж Лешто, которому с санкции фашистов был разрешен свободный въезд и выезд из Парижа.

28 января 1942 года Долфюс отправил с португальским курьером первое после событий в Перл-Харборе письмо Эдзелу Форду в Дирборн. Долфюс писал, что «война между США и Германией затрудняет переписку, поэтому я просил Лешто отправить Вам сообщение почтой из Виши». При этом он добавлял, что предприятие работает, как и до оккупации, поставляя грузовики как немцам, так и французам, причем размеры поставок противнику превосходят французские. Долфюс также сообщал, что правительство Виши оказывает ему содействие в обеспечении прибылей американских акционеров. В заключение он информировал Форда о создании в Северной Африке, в Оране¹, нового филиала, который

¹ Город в Алжире.— Прим. перев.

будет работать на нацистов. Примечательно, что письмо заканчивалось словами: «Я собираюсь направить м-ра Лешто в Соединенные Штаты, как только будет покончено со всеми формальностями и получено разрешение».

13 мая, с некоторой задержкой, Эдзел отвечал: «С интересом узнал о создании африканского филиала и Ваших планах на мирное будущее». Форд писал: «Госдепартамент запросил у меня рекомендацию для выдачи визы м-ру Лешто». Из письма следовало, что Форд дал такую рекомендацию, но с неохотой — он явно побаивался, что все махинации вскроются.

Тем временем британские ВВС, которые понятия не имели о связях международного «братства», разбомбили завод в Пуасси. 15 мая Эдзел писал Долфюсу, что американские газеты опубликовали фотоснимки горящего завода, но, к счастью, без каких-либо ссылок на «Форд мотор компани». Эдзел вздохнул с облегчением — американцы не догадывались, что он руководит заводом, работавшим на фашистов.

В феврале 1942 года Долфюс в очередной корреспонденции сообщил, что, по данным на 31 декабря 1941 года, чистый доход французского отделения «Форда» составил 58 млн. франков, включая поступления от сделок с нацистами.

К письму от 6 июня Долфюс прилагал пояснительную записку Джорджа Лешто, который сообщал уже о четырех бомбардировках завода британскими ВВС, после которых оборудование пришлось вывезти в разные районы страны. Лешто с удовлетворением отмечал, что правительство Виши «согласилось возместить убытки» с «одобрения правительства Германии». В ответном письме от 17 июля 1942 года Форд выразил удовлетворение по поводу достигнутой договоренности и поблагодарил его за находчивость. Он также сообщал, что показал пояснительную записку своему отцу и Чарльзу Соренсону. Они шлют Долфюсу и его сотрудникам наилучшие пожелания, выражая уверенность, что они и впредь будут столь же успешно справляться со своими обязанностями.

Тем временем Долфюс и Альберт организовали с одобрения «И. Г. Фарбен» еще одно отделение компании «Форда» в Северной Африке по производству грузовиков и бронемашин для армии Роммеля¹. Правление этой

¹ Эрвин Роммель (1891—1944) — генерал-фельдмаршал немецко-фашистской армии (1942 г.). Участвовал в походе против Франции в 1940 г. С февраля 1941 по март 1943 г. командовал немецкими войсками в Северной Африке, а в июле — ноябре 1943 г. группой армий «Б» в Северной Италии. По его приказам проводились карательные операции против итальянских партизан. С декабря 1943 г. по июль

компании находилось в Алжире. Об этом подробно сообщал из Алжира Феликс Коул, американский консул. Он представил госдепартаменту 11 июня 1942 года обстоятельный отчет. Коул, однако, умолчал о том, что руководство предприятием осуществлялось из оккупированной Франции и что Долфюс принадлежал к группе связанных с Пюше¹ банкиров, которые финансировали предприятие через банк «Вормс», банк Шрёдера и парижский банк—корреспондент базельского БМР. Но Коул, между прочим, отмечал: банк «Вормс» проявляет огромный интерес к предпринимаемым от имени Германии попыткам заключить мир на основе компромисса. Таким образом, он кое о чем догадывался. Долфюс был не просто коллаборационистом, работавшим на Эдзела Форда,—он играл ключевую роль в деятельности «братства» в Европе, будучи связанным с Пюше, банком «Вормс», Банком Франции, «Чейз нэшнл» и БМР.

Далее Коул писал: «Предполагается, что основными рынками сбыта продукции нового предприятия (в Оране) будут южные районы. Однако население, на которое сильное влияние оказывает пропаганда о *сотрудничестве франко-германо-американского капитала и о сомнительном характере военных усилий США*², уже сейчас выражает недовольство этой сделкой, давно ставшей темой разговоров в коммерческих кругах».

15 августа Долфюс отправил очередное сообщение, полученное Эдзелом Фордом спустя две недели. Долфюс писал, что, несмотря на нанесенный британскими бомбардировками ущерб, производство во Франции полностью восстановлено. Ему не разрешено сообщать, на какие именно новые заводы оно переведено, но это—четыре основных предприятия. «Часть станков отремонтирована, часть—заменена новыми, таким образом основной капитал в виде станков и оборудования полностью восстановлен. Я назначил управляющего на каждом заводе и использую те же методы и нормы, что и на заводе в Пуасси. На нем самом начался капитальный ремонт, но он идет медленно из-за трудностей со стройматериалами».

В том же очень длинном письме Долфюс сообщал, что

1944 г. командовал группой армий «Б» во Франции. Был связан с заговорщиками, подготовившими неудачное покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. После раскрытия заговора покончил жизнь самоубийством.

¹ Пьер Пюше, министр внутренних дел правительства Виши, содействовал фашистскому шпионажу в целях получения информации о планировавшемся наступлении Эйзенхауэра в Северной Африке. Казнен борцами Сопротивления как предатель в 1944 г.— *Прим. авт.*

² Курсив автора.

в данное время завод в Пуасси и другие предприятия непосредственно управляются д-ром Генрихом Альбертом и офицером немецкой армии Таненом, который, по словам Долфюса, «предоставил мне вновь большую часть моих прежних полномочий, необходимых для ведения наших дел, за исключением некоторых из них, которые не входят в его компетенцию. Но, и не располагая ими, я продолжаю достаточно эффективно руководить производством». Долфюс также писал, что д-р Альберт явно стремится к сотрудничеству, дабы выглядеть после войны в глазах союзников «добрым самаритянином».

29 сентября 1942 года Брекинридж Лонг послал Эдзелу Форду письмо, приложив к нему сообщение Долфюса о выплате «Форду» правительством Виши компенсации в размере 38 млн. франков. 8 октября Форд отправил ответное послание, в котором рассыпался в благодарностях.

В апреле 1943 года Моргентау и Лочлин Карри провели подробное расследование деятельности дочерних предприятий «Форда» во Франции и пришли к выводу, что ее «характер отвечает интересам исключительно Германии». Немцы «явно готовы защищать интересы Форда, поскольку тот в военное время проводит «политику строгого нейтралитета». И наконец, то, что немцы поощряют расширение производства на предприятиях «Форда» во Франции, воспринимается Фордами в Америке благожелательно».

Это расследование кончилось тем, что обстоятельный отчет с приложенными к нему изобличительными документами положили под сукно.

А тем временем Форд продолжал заключать сделки. 29 мая 1942 года «Форд мотор компани» в Эджуотер (Нью-Джерси) отправила чилийской компании «Хосе О. Моль» из «черного списка» шесть транспортов с автомобилями. Еще одним заказчиком была боливийская «Лилиенфельд», которая также фигурировала в «черном списке» как компания противника.

Кроме того, посол США в Лондоне Джон Вайнант 20 октября 1942 года сообщал Дину Ачесону, что автомобильному заводу Форда в Берне даны указания произвести ремонт 2 тыс. немецких военных грузовиков. В тот же день Вайнант докладывал, что представительство Великобритании и власти США выступили с рекомендацией внести в «черный список» бельгийский филиал компании Форда, поскольку одно из его предприятий в Цюрихе по указанию из США производит в Швейцарии ремонт и переоборудование грузовиков немецкой армии.

В следующем сообщении из Берна, датированном

декабром 1943 года, посланник Леланд Гаррисон указывал: «Компания «Форд» в Цюрихе, действуя в интересах филиала в Кёльне, поставляет запчасти для ремонта грузовиков и пассажирского транспорта агентам «Ю. С. Форд мотор компани» в Швейцарии. Часть этих запчастей импортируется, благодаря чему противник имеет возможность увеличивать свои средства на клиринговых счетах».

Так, год спустя после доклада правительству о преступной деятельности «Форда» торговля с врагом процветала. Заводом в Швейцарии руководил близкий друг Фордов Чарльз Соренсон. Эдзел Форд умер от рака в 1943 году, но и после его смерти Соренсон продолжал преступные сделки с противником.

Морис Долфюс, всю войну сотрудничавший с фашистами, 6 ноября 1945 года прибыл на транспортном самолете ВВС США в Нью-Йорк. В интервью «Нью-Йорк таймс» он весьма пространно описывал свою служебную деятельность в годы войны, и, конечно же, никому в голову не пришло спросить о сущности этой деятельности. Она так и осталась тайной для американцев.

Автомобильный концерн «Дженерал моторс», принадлежавший семье Дюпонов из штата Делавэр, ничем не уступал «Форду» в сотрудничестве с противником. Крупные капиталы в его предприятия вложила компания «Дженерал анилайн энд филм».

Наибольшим влиянием в этом клане Дюпонов обладал Ирене Дюпон. Он был фанатично предан идеям Гитлера и с 20-х годов внимательно следил за его карьерой. 7 сентября 1926 года, выступая перед членами общества американских химиков, он выдвинул теорию создания расы «суперменов». Для выработки должного характера он рекомендовал мальчикам в период отрочества вводить специальные лекарства. По физическим данным «супермены» не должны были уступать морским пехотинцам, а по чистоте крови — викингам.

В период с 1932 по 1939 год руководители «Дженерал моторс» вложили 30 млн. долларов в предприятия концерна «И. Г. Фарбен». К тому же в результате целого ряда встреч в 1933 году в Берлине с Германом Шмицем и Карлом Краухом из «И. Г. Фарбен» один из директоров «Дженерал моторс», Уэндел Свинт, установил следующее: еще до прихода фашистов к власти по инициативе концернов «И. Г. Фарбен» и «Крупп» все промышленные предприятия Германии обязались отчислять 0,5 процента от своих доходов на нужды нацистов. В 1934 году Свинт давал показания в ходе слушаний по вопросу о военных поставках. Он засвидетельствовал под присягой: Дюпон

знал, что отчисление 0,5 процента от дохода предприятий «Опеля» шло в кассу нацистской партии. Знал он и о сделках «Опеля» с «И. Г. Фарбен», и о том, что «Опель» производил бронемшины и грузовики.

После захвата власти Гитлером в Германии в 1933 году Дюпон начал субсидировать фашистские группировки в самих США. Одной из них была Американская лига свободы¹, проповедовавшая расистские взгляды, другой — «Крестоносцы Кларка»². В 1933 году численность последней достигла 1 250 000 человек.

Дюпоны, Джон Якоб Раскоб и Альфред Слоан из «Дженерал моторс» финансировали деятельность Лиги, на собраниях которой Рузвельта клеймили как коммуниста, намеренно окружающего себя евреями.

Концерн «Дженерал моторс» быстро установил деловые контакты с правительством германских фашистов. Поэтому неудивительно, что Геринг не стал конфисковывать его предприятия в Германии. Он радушно принял президента концерна Уильяма Кнудсена, который, вернувшись 6 октября 1933 года в Нью-Йорк, в беседе с журналистами назвал Германию «чудом 20-го века».

К началу 1934 года антирузвельтовская деятельность Ирене Дюпона и Кнудсена достигла апогея. Некоторые из единомышленников Дюпонов и Морганов финансировали тогда подготовку к государственному перевороту. Согласно их замыслу, отряды террористов, получившие финансовую помощь в размере 3 млн. долларов, должны были свергнуть президента. Эти отряды формировались по образцу действовавшей в Париже фашистской организации «Огненные кресты».

¹ Американская лига свободы — реакционная организация, существовавшая в США с 1934 по 1940 г. В ее центральное и местное руководство входило 225 человек — мультимиллионеров. Всего в организации насчитывалось 125 000 членов. Организация выступала за снижение налогов на капитал, за прекращение общественных работ и помощи безработным, против права трудящихся на социальное страхование и т. д. Материально и идейно способствовала консолидации всех реакционно-фашистских сил США, которые в середине 30-х годов вынашивали план «похода на Вашингтон» с целью свержения президента Ф. Д. Рузвельта и установления в США фашистской диктатуры.

² «Крестоносцы» — реакционная военизированная молодежная организация, существовавшая в США с конца 20-х до начала 40-х годов. Финансировалась американскими монополиями. Возглавлял организацию так называемый «национальный командир» Фред Кларк, предприниматель из г. Кливленда (штат Огайо). С 1934 г. «крестоносцы», по существу, превратились в придаток Американской лиги свободы. Активно участвовали во всех пропагандистских и политических кампаниях, направленных на подавление общедемократического и рабочего движения в США.

В случае успеха переворота Рузвельт должен был либо дать согласие выполнять все указания промышленников, войдя в состав нового фашистского правительства, либо подлежал заключению в тюрьму, а затем казни. По всей видимости, представители Дюпонов провели целый ряд экстренных переговоров с Морганом, в ходе которых они решили предложить после переворота пост президента США одному из военных деятелей Америки—генералу Смедли Батлеру¹ из Пенсильвании. По мнению заговорщиков, он мог стать превосходной заменой Рузвельту, если тот окажется несговорчивым. Этот план промышленников пользовался поддержкой Германа Шмица, барона фон Шрёдера и других членов «братства» в Германии.

Инициаторы преступного заговора подыскивали сговорчивого адвоката по имени Джеральд Макгюир, который согласился ознакомить генерала Батлера с их замыслами. Макгюир тоже считал генерала достойной кандидатурой—в своих выступлениях Батлер неодобрительно высказывался о «новом курсе» Рузвельта.

Макгюир встретился с генералом сначала в доме в Ньютон-Скуэйре (Пенсильвания), а затем в отеле. С невероятной настойчивостью адвокат вводил Батлера в курс дела. Генерал не симпатизировал Рузвельту, но государственный переворот считал изменой. Батлер чтит конституцию. Откровения Макгюира привели его в ужас, но он изобразил заинтересованность, чтобы узнать все до конца.

В следующий приезд Макгюир сообщил ему о новых миллионных субсидиях и поделился еще более безумными планами, в частности установить в США диктатуру во главе с Батлером, которому отводилась роль, подобная Гитлеру в Германии. Генерала возмутило это предложение, но он сдержался. После отъезда Макгюира он связался с Белым домом и подробно проинформировал обо всем Рузвельта.

Трудно себе представить ход мыслей президента. С одной стороны, он сознавал, что заговор, за которым стояли влиятельные финансовые круги, нельзя считать безумной авантюрой, не имеющей никаких шансов на успех. К тому же президенту было хорошо известно о

¹ *Смедли Дарлингтон Батлер* (1881—1940)—находился на действительной военной службе в корпусе морской пехоты США с 1898 по 1931 г. Дослужился до звания генерал-майора (1929 г.). Участвовал практически во всех агрессивных акциях США в конце XIX—первой четверти XX века. За верную службу американским монополистам превозносился официальной пропагандой как «самый блестящий офицер за всю историю морского корпуса США».

мощных фашистских группировках, которые легко могли превратить США в союзника Германии уже тогда, всего год спустя после прихода Гитлера к власти.

С другой стороны, Рузвельт понимал, что арест главарей из кланов Морганов и Дюпонов в период депрессии вызовет тяжелейший национальный кризис, а может, и еще один крах на Уолл-стрит. Не в первый и не в последний раз за свое пребывание у власти президент ощутил наличие в Соединенных Штатах сил более влиятельных, чем он сам.

Однако заговор нужно было пресечь, и немедленно. Поэтому о нем, якобы случайно, узнала пресса. Газеты ухватились за сенсационную новость о возможном государственном перевороте, и печатали сообщения о нем на первых полосах. Тем не менее они в один голос с насмешкой называли ее «абсурдом и нелепостью». Когда Томас Ламон из Банка Морганов прибыл пароходом из Европы, его обступила с расспросами толпа журналистов. «Чушь! Смешно об этом говорить!» — ответил он.

Рузвельт под нажимом либерально настроенных демократов учредил для ведения расследования специальный комитет палаты представителей. Батлер предложил комитету вызвать для дознания Дюпонов, но сделать это никто не рискнул. Не посмели тронуть и клан Морганов. Тогда Батлер взял инициативу в свои руки: в ряде интервью журналистам он заявил, что не кто иной, как генерал Макартур, входил в число заговорщиков. Но пресса оставила это заявление без внимания, а генерал Дуглас Макартур высмеял его.

Слушание дела было сплошным фарсом — Макгюира оставили в покое, поверив, будто Батлер «неправильно его понял», другие заговорщики также отделались отговорками. На этом дознание и кончилось.

Только четыре года спустя комитет осмелился опубликовать свой отчет официально, но с пометкой «для ограниченного пользования». Члены комитета были вынуждены признать, что «некоторые лица предприняли попытку создания в стране фашистской организации... Комитет убедился в обоснованности показаний, сделанных по делу генералом Батлером». Однако признание существования чрезвычайно опасного заговора не повлекло осуждения кого-либо из его участников.

Дальнейшее расследование показало, что в переворот, согласно плану, предполагалось вовлечь более 1 млн. человек, а оружие и боеприпасы для них должен был поставить «Ремингтон армс», дочернее предприятие Дюпонов.

Профашистские настроения Дюпонов проявились и в

1936 году, когда Ирене Дюпон использовал средства «Дженерал моторс» для финансирования печально известного «Черного легиона». Эта террористическая организация автомобильных предприятий ставила перед собой цель препятствовать вступлению рабочих в профсоюзы. «Легионеры» — в капюшонах и черных балахонах с изображением черепа и перекрещенных костей — устраивали взрывы на профсоюзных собраниях, избивали и даже убивали активистов профдвижения. Эта организация была связана с ку-клукс-кланом. Ирене Дюпон поощрял вступление в «легион» высококвалифицированных рабочих предприятий «Дженерал моторс». Примечателен один эпизод: рабочий из Детройта Чарльз Поул был зверски убит бандой «легионеров», некоторые из них принадлежали к зловещей «Уолверинской республиканской лиге» Детройта — «филиалу» «Черного легиона». В эту организацию также входили некоторые крупные промышленники. Однако на страницах газет, писавших о судебном разбирательстве по делу Поула, их имена не упоминались. Следствие показало, что по крайней мере 50 человек — большинство из них негры — стали жертвами «легионеров». Было также установлено, что организация объединяла служащих заводов «Дженерал моторс» и насчитывала 75 тыс. человек.

Наряду с «Черным легионом» Дюпоны активно поддерживали Американскую лигу свободы, фашистскую организацию, проповедовавшую ненависть к неграм и евреям, любовь к Гитлеру и отвращение к Рузвельту. Лигу финансировали Ламот и Ирене Дюпоны, выделив ей в первый же год ее существования около 500 тыс. долларов. Организация располагала просторным представительством из 31 комнаты в Нью-Йорке, отделениями в 26 колледжах, и ее 15 вспомогательных организаций распространили по всей стране в общей сложности 50 млн. экземпляров фашистских брошюр. В сентябре 1936 года, когда Гитлер выступил в Нюрнберге с проектом 4-летнего плана, Дюпоны и Американская лига свободы вложили колоссальные деньги в предвыборную кампанию республиканца Алфа Лэндона, выдвинувшего свою кандидатуру на пост президента США. Его также поддерживали Американская нацистская партия и Германо-американский союз.

Кандидатура Лэндона провалилась, что вызвало у Дюпонов еще большую ненависть к Рузвельту. Вопреки намерению президента улучшить условия труда рабочих Кнудсен и Дюпоны ввели на предприятиях «Дженерал моторс» скоростную систему сборки, разработанную другим активным членом «братства», Шарлем Бедо. Случа-

лось, что, не выдержав колоссального темпа, рабочие умирали от перенапряжения, которое усугублялось страхом оказаться на улице в период роста безработицы. По указанию Ирене на заводах были организованы отряды штурмовиков по типу немецких, которые умирляли недовольных с помощью оружия и газов. На это хозяин не пожалел выложить из собственного кармана около 1 млн. долларов. Через агентство Пинкертона Дюпон нанял целую армию детективов, которые вели слежку за «левыми» и прочими недовольными на предприятиях дюпоновской империи, производивших химикаты, военное снаряжение и автомобили.

К середине 30-х годов на заводах «Дженерал моторс» в фашистской Германии полным ходом шло производство грузовиков, бронемашин и танков. Правление этой компании поддерживало тесные политические, торгово-промышленные и личные контакты с Гитлером. В 1937 году председателем правления компании стал Альфред Слоан, бывший президент «Дженерал моторс». 12 августа 1936 года в Эшвиле (Северная Каролина) по инициативе Альфреда Слоана было созвано совещание национально-го совета церковнослужителей и паствы, на котором с горячей речью в поддержку Гитлера выступил фашист и миллионер-лесопромышленник из Техаса Джон Кирби. Губернатор штата Джорджия Юджин Телмедж и священник-фашист Джеральд Смит, присутствовавшие на собрании, поддержали Кирби. Слоан часто бывал в Берлине, где проводил время в обществе Геринга и Гитлера.

Вице-президентом «Дженерал моторс» был ярый фашист Грэм Говард, находившийся под постоянным наблюдением ФБР. Говард написал печально знаменитый трактат «Америка и новый мировой порядок». В нем он проповедовал политику «умиротворения», выдвигал построенную на гитлеровских принципах доктрину, ратовал за свободу торговли и восстановление золотого стандарта для государства «Соединенные Штаты Фашизма», в котором первая роль, несомненно, принадлежала бы концерну «Дженерал моторс».

Частым гостем в Германии был Джеймс Муни, глава компании «Дженерал моторс» в Европе, непосредственно руководивший заводом «Адам Опель». 22 декабря 1936 года в Вене Муни заявлял американскому дипломату Джорджу Мессершмидту: «Нам бы следовало выработать договоренность с Германией на будущее. Я не считаю, что наше недовольство происходящими в этой стране событиями должно этому препятствовать». Иными словами, невзирая на негативное отношение основной массы американцев к нацизму, деловое сотрудничество с

Германией должно было развиваться, как и раньше. Мессершмидт, который ненавидел Гитлера, хотя и сам был немец, пришел в ярость. Он резко ответил: «Весьма странно вести торговлю с какой-либо страной, поставляя ей товары, которые она намерена использовать в ущерб делу мира».

23 декабря в отчете исполняющему обязанности государственного секретаря Мессершмидт писал в Вашингтон: «Примечательно, что Муни и полковник Состенес Бен... единодушны в своих взглядах. Заводы ИТТ в Германии полную неделю работают в две смены. Увеличение нагрузки объясняется просто — все эти предприятия большей частью заняты выполнением государственных заказов и производством военного снаряжения. Заводы «Опеля», которые принадлежат «Дженерал моторс», работают в таком же режиме».

На рождество того же года Муни прибыл в Берлин для обсуждения с Гельмаром Шахтом вопроса о торговле-промышленном сотрудничестве Германии и Америки. Это вызвало негодование посла США в Германии Уильяма Додда, сторонника либеральных взглядов. Возвращаясь в 1937 году из Берлина в Нью-Йорк, Додд выступил на пресс-конференции в нью-йоркском порту. Газета «Нью-Йорк таймс» цитировала его отзыв о «братстве»:

«Клика американских промышленников одержима стремлением превратить наше государство в фашистское, свергнув демократическое правительство. Они действуют в тесном контакте с фашистскими режимами в Германии и Италии. Работая в Берлине, я неоднократно имел возможность убедиться в существовании тесных связей некоторых влиятельных кланов США с фашистским режимом. Здесь (на пароходе) один пассажир, руководитель крупной финансовой корпорации, без обиняков заявил мне, что готов принять решительные меры для установления в стране фашизма, если президент и впредь будет проводить свою прогрессивную политику».

Высказывания Додда остались без внимания.

23 ноября 1937 года представители «Дженерал моторс» провели в Бостоне секретное совещание с бароном Манфредом фон Киллингером, руководившим до Фрица Видемана шпионской сетью на Западном побережье, и бароном фон Типпелькирхом, нацистским генеральным консулом в Бостоне. Участники встречи подписали соглашение, свидетельствующее об их полной приверженности фашизму. В соглашении отмечалась необходимость способствовать поражению Рузвельта на выборах (не устраивало его отношение к Германии). Подчеркивалось, что руководство политикой Белого дома должно впредь

осуществляться фюрером, на роль которого предлагалась кандидатура сенатора из Монтаны Бэртона Уилера. Достигнутая договоренность сохранялась в строжайшей тайне, но одна секретарша каким-то образом сняла копию с документа и передала ее журналисту Джорджу Селдесу. Тот опубликовал его в рубрике «Факты». В свою очередь Джон Коффи, либеральный сенатор из штата Вашингтон, представил 20 августа 1942 года полный текст соглашения в публикации конгресса «Конгрешнл рекордс». Он потребовал наказать по заслугам Дюпонов и руководство «Дженерал моторс». Излишне добавлять, что документ этот канул в Лету.

В 1938 году Муни, как и Генри Форд, был удостоен Гитлером ордена «Золотой орел».

27 марта 1939 года Муни прибыл в Великобританию для консультаций с руководителями английского филиала своей компании, где узнал неприятную новость: трое служащих компании «Адам Опель» в Германии схвачены гестапо по обвинению в передаче США секретных данных о новой модели «фольксвагена». Он тотчас направился в Берлин и встретился там с д-ром Мейснером, занимавшимся делами высокопоставленных иностранцев. В ходе состоявшейся беседы Мейснер указал, что даже фюрер не вмешивается в деятельность Гиммлера и СС. Тогда Муни решил напомнить о своей преданности Гитлеру.

Мейснер считал, что такое пустяковое недоразумение не должно влиять на германо-американские отношения, однако, если обвинение подтвердится, арестованные будут наказаны. В ответ на это Муни вызвался свидетельствовать в их пользу. 6 апреля он посетил сначала одного помощника Гиммлера, а затем и Риббентропа. Тем не менее ему так и не удалось добиться отмены ареста своих служащих.

19 апреля произошла встреча Муни с Эмилем Пулем, сотрудничавшим с БМР и «Рейхсбанком», и Гельмутом Вольтатом, первым помощником Геринга в осуществлении 4-летнего плана. В ходе встречи речь шла о важном для Гитлера проекте — колоссальном золотом займе в США, который был крайне необходим для успешного насаждения «нового порядка». Муни с энтузиазмом одобрил этот замысел и взялся за его осуществление.

25 апреля он прибыл в Лондон для беседы с послом Джозефом Кеннеди. Тот согласился встретиться с Пулем и Вольтатом в Париже. Муни также провел переговоры с Фрэнсисом Родом из «Морган, Гренфел» — филиала Банка Морганов в Великобритании. В результате было решено, что заем Германии будет предоставлен через БМР. При этом Род многозначительно заметил, что с

помощью БМР можно прекрасно вести дела и не нарушать положений государственного законодательства о международных займах. Иными словами, он был уверен: при желании БМР обойдет любой закон.

29 апреля Муни вернулся в Берлин. Он начал уговаривать Пуля тайно встретиться с Кеннеди в Париже в его номере отеля «Ритц». Пуль сначала вроде бы согласился, но на следующий день отказался ехать в Париж, опасаясь привлечь к себе внимание немцев. Он предложил отправить в Париж Вольтата, который не заставил долго себя уговаривать.

3 мая Муни позвонил Кеннеди в Лондон. Последний, сообщив, что намерен прибыть в Париж на уик-энд 5—6 мая, спросил, не ввести ли в курс дела Белый дом? Информировать президента, отвечал Муни, следует, будучи твердо уверенным в том, что он одобрит встречу. Не стоит рисковать. И потом — договоренность о встрече уже одобрена Берлином и идти на попятную просто неразумно.

После этого разговора Кеннеди растерялся. Что же делать? В конце концов он позвонил Рузвельту. Президент был информирован о характере мероприятий, организуемых Муни, поэтому он не мог согласиться на участие в них Кеннеди.

Кеннеди не сразу удалось связаться с Муни и сообщить, что на встречу он не поедет. Муни тотчас нанял в Брюсселе самолет и вылетел в Лондон. В самолете он набросал проект мирного соглашения. Германии предоставлялся через БМР золотой заем на сумму свыше 500 млн. долларов. Ей вернут колонии, с немецких товаров снимут эмбарго и откроют рынки в Китае.

В свою очередь Германия должна была ограничить производство вооружения, заключить пакты о ненападении и ввести свободный обмен валюты. Чем бы ни руководствовался Муни, его проект отвечал интересам только фашистов.

Прибыв в Лондон, он сразу же отправился в посольство и изложил Кеннеди свой проект мирного договора. Муни умолял посла встретиться с Вольтатом, и тот пообещал еще раз попытаться склонить к этому президента. На следующее утро Муни застал Кеннеди глубоко удрученным: он связался с президентом и вновь получил отказ.

Узнав об этом, Муни предложил Кеннеди встретиться с Вольтатом в Лондоне. Кеннеди не возражал. Муни позвонил Вольтату в Берлин и попросил приехать в Лондон. Получив согласие Геринга и Гитлера, тот прибыл 8 мая в отель «Беркли».

Встреча состоялась 9 мая—явно без ведома или согласия Рузвельта. Фашистский экономист быстро нашел с Кеннеди общий язык, и Муни отметил, что они сошлись во взглядах по всем вопросам. Обнадеженный Вольтат вылетел обратно в Берлин. Тем временем вездесущая пресса узнала о приезде Вольтата в Лондон. В газетах появились комментарии под заголовками типа «Таинственный помощник Геринга в Лондоне». Муни, полагавший, что встреча осталась в тайне, переполошился. Узнав о визите, Рузвельт отреагировал сразу же. Он запретил Кеннеди впредь вести какие-либо переговоры.

Отсутствие контакта между фашистской Германией и президентом Рузвельтом не давало Муни покоя. Встречаясь с Кеннеди и Вольтатом, Муни готовил почву для визита в Нью-Йорк на следующий год Герхарда Вестрика из ИТТ. Примечательно, что имя Муни стояло одним из первых в негласном списке лиц, принимавших Вестрика и оказывавших ему содействие. Рузвельту в высшей степени не нравилась деятельность Муни, но он решил не вмешиваться до поры до времени, надеясь, выяснить, что у того на уме.

В дневниках Муни, хранящихся в Джорджтаунском университете в Вашингтоне, приводится документ за подписью Вольтата. В нем на 18 страницах изложены экономические планы Германии. Сам Муни, бесспорно, целиком и полностью их одобрял.

22 сентября состоялась встреча Муни с Рузвельтом. Дневниковые записи промышленника почти дословно воспроизводят сказанное президентом и наводят на мысль о том, что Рузвельт через Муни хотел выяснить намерения Гитлера. Рузвельт попросил напомнить немцам, что он провел школьные годы в Германии, где у него осталось много близких друзей. По его мнению, Германии было бы лучше не трубить о своем стремлении к мировому господству. Он также рассуждал о расширении торговли в мирное время, о том, что нет ничего проще, чем при желании сесть за стол переговоров и решить такие проблемы, как Силезия, Польша, Чехословакия, и выработать в общих чертах политику в отношении России. Рузвельт предлагал свое посредничество на переговорах, считал, что в их проведении не последнюю роль может сыграть и папа римский. По его мнению, конкретные предложения должны были учитывать интересы Берлина, Лондона, Парижа. Он посоветовал Муни встретиться с Гитлером, но просил не сообщать в Белый дом о результатах встречи по телефону.

Вооруженный этими указаниями, Муни в марте 1940 года отбыл в Европу—в тот же день, что и

официальный эмиссар президента Сэмнер Уэллес. Всего лишь на день позже Уэллеса — 4 марта — Муни получил аудиенцию у Гитлера. На встрече Гитлер был весьма предупредителен — «Адам Опель» и Дюпоны играли важную роль в военной промышленности фашистской Германии. Муни передал, что Рузвельт с теплотой вспоминает годы детства в Германии и на самом деле относится к Германии гораздо лучше, чем принято считать в Берлине. Он готов оказать помощь в проведении мирных переговоров, а немецким журналистам следует больше внимания акцентировать на том, что связывает Германию и Америку.

Все это Гитлер выслушал с улыбкой. Война с США ему была не нужна — у него и так руки были связаны. Он хотел, чтобы Америка не вмешивалась в европейские дела, пока она либо не примкнет к странам «оси», либо не будет завоевана. Гитлер выразил удовлетворение по поводу взглядов Рузвельта и одобрил его деятельность на посту президента. Он положительно отозвался о намерениях Рузвельта быть посредником на мирных переговорах. Эти высказывания Гитлера, равно как и предшествовавшие им заявления Рузвельта, были рассчитаны на то, чтобы замаскировать подлинные намерения сторон.

Из имперской канцелярии Муни отправился в министерство авиации, где встретился с Герингом. Тот пригласил его отобедать в «Карин-халле». В беседе за обедом Геринг также постарался дезинформировать Муни. Он, в частности, отрицал, что Германия имеет виды на британские колонии. На самом деле одним из заветных желаний Гитлера было возвращение утраченных колоний. В этом разговоре принял участие и приглашенный в дом Геринга Вольтат. Все присутствовавшие на обеде пришли к заключению, что Муни должен еще раз попытаться склонить президента к согласию на золотой заем.

На протяжении всего марта Муни с борта военного корабля у побережья Италии отбивал Рузвельту телеграммы, призывая содействовать заключению мира с Гитлером. 2 апреля Рузвельт ответил, что общественность США ратует за мир и разоружение.

Вернувшись в Нью-Йорк, Муни встретился с Герхардом Вестриком и принял участие в торжествах в ресторане «Уолдорф Астория» по случаю завоевания Франции фашистской Германией. Среди собравшихся американских руководителей «братства» были Состенес Бен и Торкильд Рибер.

27 июня Генрих Борхес, фашистский генеральный консул в Нью-Йорке, тесно связанный с гестапо, направил

Риббентропу сообщение, подготовленное Вестриком. В нем указывалось:

«Существует группа влиятельных бизнесменов и политиков, которым лично я доверяю целиком и полностью. По-моему мнению, они пользуются огромным влиянием, но в интересах нашего общего дела ни в коей мере не хотели бы сейчас называть себя. Упомянутая группа уполномочила меня довести до сведения министерства иностранных дел, что намерена в скором будущем вынудить президента Рузвельта согласиться на следующие рекомендации.

1. Незамедлительное назначение американского посла в Берлине.

2. Замена посла в Лондоне.

3. Прекращение военных поставок в Великобританию до тех пор, пока новый посол в Берлине будет вести переговоры с правительством Германии».

18 июля поверенный в делах в Вашингтоне Ганс Томсен сообщил в Берлин, что эту группу возглавляет Джеймс Муни. Далее Томсен указывал, что Генри Форд двумя днями ранее высказал ему те же самые идеи, которые вынашивает группа Муни.

В декабре 1940 года Муни решил предпринять поездку по ряду филиалов «Дженерал моторс» в Южной Америке. В связи с этим министр внутренних дел Гарольд Икес на экстренном совещании с Рузвельтом и Корделлом Хэллом 20 декабря вопрошал: «Не следует ли нам отказать Муни в выдаче паспорта и объяснить, по какой причине?» Рузвельт заметил: «Мысль хорошая, Корделл, что вы скажете на это?» Хэлл ответил: «В паспорте в Южную Америку еще не отказывали никому». Икес настаивал: «Южная Америка — важная для нас зона. Муни не следует разрешать ехать туда». Но Хэлл все же разрешил.

Несомненно, ФБР следило за последующими встречами Муни с представителями правительства фашистской Германии. В письме от 5 февраля 1941 года с пометкой «строго секретно» американский консул в Цюрихе Джеймс Стюарт сообщал Флетчеру Уорену в госдепартамент следующее: по словам одного французского журналиста, сотрудничавшего с Шарлем де Голлем, Эдуард Уинтер, в свое время занимавшийся в Берлине вопросами сбыта компании «Дженерал моторс», проживает в Париже. Уинтер был своего рода курьером. Он передавал секретную информацию, полученную от Муни, местному фашистскому руководству. Стюарт также отмечал, что Уинтер имеет специальный паспорт, позволяющий ему беспрепятственно переезжать из одной зоны Франции в

другую. В письме указывалось: «Прогерманские настроения г-на Муни известны».

Тем не менее, симпатизируя Муни, Стюарт поставил под сомнение правдоподобность сообщения. Ему важно было знать мнение Уорена, и он написал ему письмо. Уорен переадресовал письмо Мессершмидту, в то время послу на Кубе. 1 марта 1941 года Уорен ему писал: «Надо сказать, что мне лично эта история с Муни неприятна, но мне кажется, что сведения г-на Стюарта правдивы — уж слишком много ходит об этом слухов».

5 мая Мессершмидт писал Уорену, что, по его мнению, Муни несомненно переправляет секретные данные нацистскому правительству. При этом он отмечал: «Муни — убежденный фашист. Конечно же, он человек неуравновешенный... его обуревают странная идея — будто проблемы войны и мира могут решать несколько бизнесменов, включая и его самого. Сомнений нет, Муни поддерживает связи с немцами. Он верит в их победу в войне или по крайней мере на нее надеется. Муни рассчитывает в случае победы Германии стать нашим „квислингом“».

Следующее письмо Мессершмидт отправил Уорену 7 марта, отметив: «У Джима Муни те же взгляды, что и у многих служащих «Дженерал моторс оверсиз корпорейшн», которые мешают нам избавиться от Барлеты и других антиамерикански настроенных представителей «Дженерал моторс». (Барлета был представителем компании на Кубе.)

В свое время, давая объяснения ФБР по поводу своей деятельности, Муни, не моргнув глазом, называл себя патриотом-американцем, капитан-лейтенантом запаса военно-морского флота США. Он сообщил, что его сын находится на действительной службе во флоте. В середине октября 1940 года в ответ на вопрос сотрудника ФБР Л. Тилера, вернет ли он полученную от Гитлера награду, Муни ответил утвердительно, но заметил, что «этот шаг может затруднить получение «Дженерал моторс» той части акционерного капитала в 100 млн. долларов, которая вложена в предприятия фашистской Германии». Как и прочие члены «братства», Муни стремился к скорейшему мирному урегулированию, чтобы разблокировать эти авуары. Хотя в Европе шли бои, «братство» устраивало свои дела в расчете на будущее, когда после войны Америка будет второй после Германии в вопросах мировой политики. Муни добавил. «Кроме того, я верю в Гитлера и не собираюсь ему противоречить, поскольку сила на его стороне». Он также заявил, что уверен в победе Гитлера, считает его политику справедливой, что Германия нуждается в увеличении своей территории и

если США попытаются препятствовать экспансионизму Германии при Гитлере, то «им же потом будет хуже».

Вскоре после этого заявления Муни получил повышение и стал помощником Слоана по координации оборонных работ в Детройте. В специальном донесении Гуверу агент ФБР Тилер 23 июля 1941 года докладывал: «Люди, которые занимают положение в обществе, как Муни, и придерживаются подобных взглядов, представляют потенциальную опасность для безопасности страны». Тилер был уверен, что деятельность Муни может нанести вред программе национальной обороны — ее разработке, которой он, якобы, занимался. Тилер не доверял и Грэму Говарду, поскольку получил о нем секретное сообщение из министерства внутренних дел. Из этого сообщения становилось ясно, что Сэмнер Уэллес, заместитель государственного секретаря, был вынужден пригрозить Говарду публичным разоблачением, если тот не уволит 900 нацистских шпионов, работавших в «Дженерал моторс экспорт корпорейшн» в Южной Америке.

1 мая Эдгар Гувер сообщил Адольфу Берли, что, по имеющимся у него данным, Эдуард Уинтер является нацистским агентом. Он свободно передвигается по Европе, а занимаемую должность в Антверпене получил от Муни сразу же после оккупации Гитлером Нидерландов. Гувер полагал, что Уинтер «рассчитывает остаться в выигрыше, как бы ни закончилась война». По сведениям Гувера, Уинтер был зятем сотрудника министерства иностранных дел Германии и имел тесные связи с нацистской партией. Комментируя это сообщение, Джон Ридлбергер из министерства внутренних дел отмечал: «Понимаю, насколько легко сходятся во взглядах на эту войну м-р Муни и м-р Уинтер».

Из других донесений явствовало, что Муни, будучи как директором, так и вкладчиком германо-американской торговой палаты, принимал активное участие в мероприятиях этого учреждения: имелось в виду содействие целому ряду нацистов. Эти факты находят подтверждение. В «Бюллетене» германо-американской коммерческой ассоциации среди вкладчиков ассоциации значился Муни. В «Бюллетене» часто помещали его фотографии на фоне свастики.

В свою очередь, американское консульство в Базеле сообщало о переговорах представителей Дюпонов в Монтрё и Сент-Моритце с представителями концерна «Герман Геринг верке». Хотя содержание этих переговоров осталось неизвестным, сам факт их проведения вызвал в Швейцарии серьезную озабоченность. По сведениям, полученным уже после окончания войны, значи-

тельные средства были оставлены Дюпонами после 1942 года в оккупированной Франции, с тем чтобы обеспечить себе и руководству «Дженерал моторс» получение прибылей.

15 апреля 1942 года в донесениях берлинского гестапо появилось любопытное сообщение. Утверждалось, что Эдуард Уинтер был арестован по подозрению в шпионаже в пользу американцев. В то время он руководил одним из заводов «Адам Опель» в Германии. Дело в том, что Уинтер поссорился с Вильгельмом Онезорге, министром почт, который терпеть не мог Вестрика. Однако инцидент был улажен—вмешался Гиммлер (так же, как и в случае с ИТТ), и Уинтера освободили. Таким образом, не оставлял сомнения тот факт, что предприятия «Дженерал моторс», как и «Форда», не подлежали во время войны конфискации. Уинтер продолжал свою деятельность.

3 июля 1942 года посольство США в Панаме направило госсекретарю обстоятельный и подробный отчет о деятельности фашистов. В нем, в частности, указывалось: «Дженерал моторс» дает заказы на литейные формы нацистской фирме «Эрка» или через нее фирме «Альпа» в Сан-Мартине. Обе фирмы должны быть внесены в «черный список», поскольку принимают на работу нацистов и сотрудничают с другими нацистскими фирмами. Тем не менее ни та, ни другая в «черный список» внесены не были.

25 ноября опекун иностранной собственности в Германии назначил Карла Люера, государственного служащего, работавшего в «Дрезднер банк», управляющим предприятия «Адам Опель» в Рюссельсхайме. Всю вторую мировую войну предприятие занималось производством военных самолетов для Германии. 50 процентов силовых агрегатов для «юнкерс-88» производилось этим заводом. «Юнкерсы» были наиболее мощными бомбардировщиками фашистских ВВС. Вскоре после 25 ноября специальный суд в Дармштадте вынес решение оставить в прежнем составе совет директоров этого предприятия, во главе которого стоял Эдуард Уинтер.

Чарльз Левинсон, в свое время заместитель директора европейского отделения Конгресса производственных профсоюзов (КПП), писал:

«Альфред Слоан, Джеймс Муни, Джон Смит и Грэм Говард продолжали входить в состав совета директоров компании «Дженерал моторс—Опель»... В нарушение существовавшего законодательства между главным правлением компании в Детройте и ее отделениями—как в союзных странах, так и контролируемых державами

«оси» — всю войну продолжался обмен информацией, заключались контракты и велась торговля. Финансовые отчеты предприятия «Опель» в Руссельсхайме свидетельствуют о том, что в период с 1942 по 1945 год производство и сбыт осуществлялись при полном взаимодействии с заводами «Дженерал моторс» по всему миру. ...В 1943 году, когда заводы в США работали на американские ВВС, предприятия этой же компании в Германии были заняты разработкой и производством моторов для «мессершмитт-262» — первого реактивного истребителя. Изобретение этой машины дало фашистам принципиально новые технические преимущества. Скорость немецкого самолета (540 миль в час) была выше, чем у американского соперника, поршневого «мустанга-P-150», на 100 миль в час».

В апреле 1943 года было получено сообщение о торговле филиала «Дженерал моторс» в Стокгольме с противником. Генри Моргентау направил зашифрованное указание региональному управляющему «Дженерал моторс» в Нью-Йорке В. Вахтлеру. Он требовал, чтобы управляющий стокгольмским филиалом положил конец этой торговле.

Документы разоблачают сделки «Форда» и филиала «Дженерал моторс» в Швейцарии, производившие ремонт немецких армейских грузовиков и установку на них газогенераторов на древесных чурках.

Из переписки за апрель 1944 года между посольством США в Стокгольме и госдепартаментом можно узнать много любопытного. Оказывается, филиал «Дженерал моторс» в Швеции импортировал продукцию фашистских предприятий, включая «фреон», имея разрешение госдепартамента. В письме от 11 апреля 1944 года Джон Вайнант писал: «Мы... считаем, что Швеция производит недостаточно качественные хладагенты, и если «Свенска нордиска» не может получать качественную продукцию на местном рынке, то, по нашему мнению, она может закупать такие хладагенты в Германии у „И. Г. Фарбен“».

Хладагенты были импортированы.

3 апреля 1943 года чиновники госдепартамента сообщили Леланду Гаррисону из американской дипломатической миссии в Берне о перехвате службой цензуры США телеграфных сообщений филиала «Дженерал моторс» в Швейцарии главному правлению компании в Нью-Йорке. Из них следовало, что торговые сделки на Балканах осуществляются за счет денежных фондов, которые торговые агенты «Дженерал моторс» хранят в банках стран «оси». В сообщении указывалось: «По-видимому,

главное правление не так давно запретило швейцарскому филиалу сообщать о торговле на вражеской территории».

Служащий «Дженерал моторс», ведавший делами корпорации в Европе, телеграфировал из Нью-Йорка швейцарскому филиалу «Дженерал моторс»: «Из-за вас мы оказались в чрезвычайно затруднительном положении». Тем не менее в телеграмме и намек не было на необходимость прекратить эти действия. «Было бы желательно,— указывалось в телеграмме,— чтобы вы постоянно держали американскую дипломатическую миссию в курсе своих дел и не занимались без ее ведома деятельностью, оговоренной в законодательстве США о торговле с противником». Таким образом, торговые сделки с врагом разрешались— получи только одобрение американской дипломатической миссии! Служащий госдепартамента направил копию телеграммы Корделлу Хэллу с примечанием: «Данная телеграмма была зашифрована. Пришлось немало потрудиться, прежде чем стало ясно ее содержание».

В июне 1943 года Муни был призван на службу во флоте, но ФБР продолжало вести за ним наблюдение.

Тогда же неожиданно осложнились отношения госдепартамента с герцогом и герцогиней Виндзорскими. Дело в том, что лорд Галифакс, посол Великобритании в Вашингтоне, обратился к Корделлу Хэллу с просьбой освободить переписку герцогини Виндзорской от прохождения цензуры. Герцогиня вместе с супругом, губернатором Багамских островов, находилась в то время в Нассау. Эта просьба тут же вызвала серьезные подозрения у Адольфа Берли. 18 июня 1943 года он писал Хэллу следующее:

«Я считаю, что переписку герцогини Виндзорской ни в коем случае не следует освобождать от прохождения цензуры. Не вдаваясь в подробности многих донесений, бросающих тень на деятельность этой парочки, следует напомнить о контактах как герцога, так и герцогини Виндзорских с м-ром Джеймсом Муни из «Дженерал моторс», который предпринимал попытки стать посредником на переговорах о мире в начале зимы 1940 года. Они также переписывались с Шарлем Бедо, в настоящее время находящимся в тюрьме в Северной Африке по обвинению в ведении торговли и преступной переписки с противником. Герцог и герцогиня поддерживают постоянные контакты с Акселем Вэнером-Греном, внесенным нами сейчас в «черный список», так как деятельность его не вызывает доверия, и т. д. Герцог Виндзорский постоянно изыскивает поводы заниматься в США «личными

делами», кстати, и в настоящий момент он погружен в эти «личные дела»...

Таковы объективные причины, почему мы не можем предоставить подобный иммунитет. Есть причины и субъективного порядка — подобной привилегией не пользуются супруги американских должностных лиц».

Хэлл сообщил Галифаксу, что герцогине в просьбе отказано. Деятельность «Дженерал моторс» после войны осталась безнаказанной. Согласно данным, почерпнутым в авторитетных источниках, в 1967 году после неоднократных запросов американская администрация освободила корпорацию от уплаты налога с суммы дохода в 33 млн. долларов по причине «ущерба, причиненного ее авиационным и автотракторным заводам в Германии и Австрии в годы второй мировой войны».

В 1938 году нацистский дипломат Фриц Видеман от имени представителей «братства» в Европе поручил руководство коммерческими операциями «И. Г. Фарбен» американскому миллионеру Шарлю Бедо. Скрупулезно изучив вопросы, связанные с затратой рабочей силы и рабочего времени на предприятиях «И. Г. Фарбен», ИТТ, «Стандард ойл», «Дженерал моторс», «Форд», «Стерлинг продактс», Бедо изобрел новейшие системы организации производства. Эти бесчеловечные системы явились причиной забастовок, прокатившихся по США в 30-е годы. В Париже Бедо сотрудничал с Николасом Бенсманом, доверенным лицом фашистов и «Тексас корпорейшн» Торкильда Рибера.

Магнату принадлежала инициатива посвятить в план «братства» — достичь мира путем переговоров — герцога и герцогиню Виндзорских, приверженцев Гитлера и его «нового порядка»¹ в Европе.

В феврале 1941 года журналист правого толка Фултон Ауэрслер взял интервью у вельможной пары в их резиденции на Багамских островах, опубликованное позже в журнале «Либерти». Герцог, судя по публикации, высказывался в поддержку переговоров о мире: «Нельзя

¹ «Новый порядок» — термин, широко использовавшийся нацистской пропагандой для обозначения программы, предусматривавшей новый насильственный передел мировых рынков, источников сырья и трудовых ресурсов в интересах германского монополистического капитала. На практике «новый порядок» представлял собой систему экономических, политических, военных и идеологических мероприятий, проводимых фашистской Германией с целью установления господства над всей Европой. Главным пунктом фашистской программы установления «нового порядка» являлось уничтожение Советского Союза. Германский империализм намеревался ликвидировать социалистический общественный и государственный строй, многовековую культуру народов СССР, физически уничтожить многие миллионы советских людей, а оставшихся превратить в рабов немецких капиталистов и помещиков. Только на временно оккупированной советской территории немецко-фашистские захватчики за годы войны замучили и убили около 10 млн. советских граждан. Победа, одержанная советским народом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., навсегда перечеркнула программу установления чудовищного «нового порядка» в Европе и во всем мире, спасла человечество от угрозы фашистского порабощения.

допустить, чтобы он (мир) стал еще одним Версалем». Откровения его `сиятельства полностью отражали взгляды «братства». Герцог отдавал предпочтение золоту как наиболее надежной валюте, приветствовал политику нацистов и с восторгом отзывался о новом строе в Германии. «Что бы ни произошло, на нашей планете неизбежно установится «новый порядок»... Он должен опираться на полицейскую власть... На этот раз вместе с миром воцарится новая социальная справедливость¹ — не следует заблуждаться на этот счет. А когда это время наступит, что будет делать ваша страна со своими запасами золота?»

В период своего кратковременного пребывания у власти герцог Виндзорский всячески пытался побороть предубеждение англичан против фашизма. Он был одним из организаторов профашистской организации «Линк», в которую входили высокопоставленные лица, в том числе представители некоторых аристократических фамилий. Однако «братство» стремилось установить еще более тесные связи с герцогом. Гиммлер поручил Шарлю Бедо добиться от него конкретных обязательств по сотрудничеству в политической и экономической областях.

Бедо прибыл из Франции в США в 1907 году, успев предварительно отслужить в иностранном легионе, а в 1916 году получил американское гражданство. В США он устроился на подземные работы по сооружению тоннеля метро под Ист-ривер. Однако скоро, собрав имевшиеся деньги, Бедо засел за разработку «потогонной системы» — интенсификации труда с целью повышения его производительности. Согласно этой системе, время работы отдельного человека фиксировалось с помощью секундомера, причем час вместо минут состоял из 60 «единиц Бедо». Рабочий, превысивший средний показатель, получал повышение в оплате. Тот же, чьи показатели были ниже средних, смещался с должности или увольнялся. Распространяя брошюры, в которых излагались основы подобной организации производства, Бедо быстро разбогател.

Свой кабинет на 53-м этаже «Крайслер билдинг» в Нью-Йорке предприимчивый француз оформил под трапезную средневекового монастыря.

В ресторане на высоте птичьего полета — все в том же «Крайслер билдинг» — Бедо встречался с друзьями: Ламотом Дюпоном, Уолтером Тиглом и Германом Шмицем.

Он женился на Ферн Ломбард, которая состояла в

¹ «Социальная справедливость» — так, кстати, назывался откровенно фашистский журнал, издававшийся в то время в США.— *Прим. авт.*

организации «Дочери американской революции»¹. Благодаря этому обстоятельству перед ним распахнулись двери светских салонов Нью-Йорка. За 750 тыс. долларов Бедо купил замок во Франции, потом приобрел поместье в Северной Каролине, охотничий заповедник в Шотландии, по соседству с Уолтером Тиглом, а также имение в Северной Африке. Страстный любитель автомобильного спорта, Бедо в июле 1934 года пересек Скалистые горы и на следующий год провел колонну из 6 автомобилей по пустыням Алжира и Туниса, проделав путь в 9500 миль.

Стараясь завоевать доверие герцога и герцогини Виндзорских, миллионер-американец предложил им отпраздновать свадебное торжество в своем замке. В качестве подарка он преподнес именитой чете статую «Любовь» работы скульптора А. Хёфкен-Хемпель, любовницы Гельмара Шахта. Именно Шахт представил Бедо Фрицу Видеману, который впоследствии поручил американцу заниматься промышленным шпионажем в пользу фашистской Германии.

Германское руководство считало Бедо одним из наиболее доверенных членов «братства» в Европе — вторым после Видемана. Он приложил немало сил, чтобы втянуть герцога и герцогиню Виндзорских в махинации сообщества. Большое содействие в этом деле оказал американский посол Уильям Буллит, друг Виндзорских, накануне капитуляции Франции переехавший с основным составом посольства США в замок Бедо.

В планах американского магната герцогу и герцогине отводилось важное место. Прежде всего он хотел организовать встречу Виндзорских с Гитлером и их поездку по фашистской Германии. Как следует из документов военной разведки, находящихся в военном министерстве в Лондоне, летом 1937 года состоялась тайная встреча в отеле «Мёрис» в Париже. В ней приняли участие: сам организатор — Бедо, герцог Виндзорский, близкий друг Бедо Эррол Флинн, Рудольф Гесс² и Мартин Бор-

¹ Феминистская организация, объединяющая потомков руководителей американской буржуазной революции.

² Рудольф Гесс (род. 24.4 1894 г.) — один из главных нацистских военных преступников, член национал-социалистической партии с первых лет ее существования. Был личным секретарем, а с апреля 1933 г. заместителем Гитлера по партии. Один из главных организаторов развязывания второй мировой войны и фашистского террора против прогрессивных сил в Германии и в оккупированных странах. В мае 1941 г. прибыл на самолете в Англию и от имени Гитлера предложил английскому правительству заключить мир, принять участие в нападении на СССР. Был интернирован как военнопленный. С 1946 г. по приговору Нюрнбергского трибунала отбывает пожизненное заключение в тюрьме Шпандау (Зап. Берлин).

ман¹. Герцог пообещал Гессу помочь установить контакт с герцогом Гамильтоном, который через Гиммлера и Курта фон Шредера был непосредственно связан с Банком Шрёдера и банком «Вормс». Гесс стремился заключить союз с Великобританией, который оставался бы в силе, несмотря на захватнические планы Гитлера. Он использовал Бедо как послушного исполнителя. Однако осуществление плана пришлось отложить. В дальнейшем Гесс предпринимал неоднократные попытки встретиться с Гамильтоном, которые в конечном итоге увенчались столь неудачной посадкой в имени Гамильтона в 1941 году².

Оказанный Гитлером прием и поездка по Германии привели герцога и герцогиню в неописуемый восторг. В ноябре 1937 года Бедо пытался организовать визит именитой четы в США. Он буквально забросал телеграммами высокопоставленных чиновников в Вашингтоне, настаивая, чтобы герцога и герцогиню Виндзорских приняли в Белом доме. Однако госдепартамент планировал ограничиться обедом для президента и герцога в «Гридерон клуб» и приемом для герцогини в женской организации «Уименс нэшнл пресс клуб». В Белый дом и американские правительственные учреждения хлынул поток писем с критикой в адрес Рузвельта «за оскорбительное отношение» к именитой паре.

В ноябре Бедо с супругой прибыл в США, не теряя надежды организовать визит. Предварительно Бедо оговорил этот вопрос с послом Великобритании, сэром Рональдом Линдсейем. Самым большим ударом было отсутствие г-жи Рузвельт, которая ездила по стране с лекциями и не могла принять герцога и герцогиню. Правительство решило не торопиться с приглашением супружеской четы Виндзорских. Официально причины отказа названы не были, однако вполне вероятно, что определенную роль сыграли связи Бедо с фашистами. Профсоюзы заявляли, что намерены пикетировать ко-

¹ *Мартин Борман* (род. 17.6.1900) — один из руководителей фашистской Германии, и главных нацистских военных преступников. С 1933 г. являлся начальником штаба «заместителя фюрера» Р. Гесса. С 1941 по 1945 г. — руководитель партийной канцелярии и член «совета министров имперской обороны», с 1943 г. — одновременно «секретарь фюрера». Пользовался неограниченным доверием Гитлера, оказывал большое влияние на политику фашистского рейха. Ответствен за военные преступления и преступления против человечности. Приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни заочно. По недостаточному твердо установленным фактам убит в мае 1945 г. при попытке бежать из Берлина.

² При посадке, выпрыгнув с парашютом, Гесс сломал себе ногу.— *Прим. перев.*

рабль герцога, а Фрэнсис Горман из профсоюза рабочих текстильной промышленности не преминул обвинить американского магната в разработке бесчеловечных систем организации производства. Все это сильно расстроило как Бедо, так и герцога и герцогиню Виндзорских.

В 1940 году Шарль Бедо развернул свою тайную деятельность во Франции, подготавливая почву для установления широкого сотрудничества между нацистским правительством и капитулянтским правительством Виши. Герцог Виндзорский был членом британской военной миссии при главнокомандовании французской армии. Невилл Чемберлен и Уинстон Черчилль понимали, что установление тесных связей герцога с нацистами — это не просто дань симпатии фюреру, а что-то более серьезное...

3 мая 1941 года Эдгар Гувер направил докладную записку секретарю Рузвельта генерал-майору Уотсону, в которой сообщал:

«ФБР располагает сведениями, полученными от одного влиятельного человека... По этим сведениям, Джозеф П. Кеннеди, бывший посол в Великобритании, и Бен Смит, делец с Уолл-стрит, некоторое время назад встречались в Виши с Герингом и пожертвовали внушительную сумму денег на германские дела. В сообщении подчеркивались антибританские и прогерманские настроения обоих. По сведениям из этого же источника, имеется информация о заключении герцогом Виндзорским соглашения, суть которого такова: после победы Германии Герман Геринг при помощи армии свергнет Гитлера, а на английский престол возведет герцога Виндзорского. Сообщается, что информация касательно герцога исходит от его личного друга Аллена Макинтоша, который организовывал увеселительную программу вельможной пары во время их недавнего пребывания в Майами. Указывается также, что супруги намерены этим летом посетить Ньюпорт, Род-Айленд и Канаду».

Герцог Виндзорский обратился к Чемберлену с просьбой доверить ему более ответственный пост, но получил отказ. Тогда он примкнул к группе сторонников политики умиротворения, входившей в «Линк». В январе 1940 года граф Юлиус фон Цех-Буркерсрода, посол нацистского правительства в Гааге, направил в Лондон специального эмиссара к герцогу Виндзорскому. Эмиссар передал герцогу просьбу уведомить правительство Великобритании, что попытки изменить политическую систему Германии бесполезны. От самого герцога ожидали содействия в англо-германских переговорах о мире. Герцог пришел в восторг от возложенной на него миссии.

Согласно Документам министерства иностранных дел Германии, герцог Виндзорский 18 февраля подробно информировал эмиссара посла Цеха-Буркерсрода о проведенном секретном заседании верховного военного совета союзников. Он сообщил: совет подробно обсудил ситуацию, которая может сложиться в случае оккупации германскими войсками Бельгии; члены совета рассмотрели план фашистского наступления, который был обнаружен на борту самолета, совершившего вынужденную посадку в Бельгии. Совещание сочло целесообразным организовать движение Сопротивления по ту сторону бельгийско-французской границы. Однако некоторые члены совета высказались против сдачи Бельгии и Нидерландов после унижительного поражения в Польше. Они были также против плана организации движения Сопротивления, призывали приложить все силы и защитить Бельгию.

Содержание этого сообщения представлялось настолько ценным для нацистов, что было доведено до сведения Гитлера. Барон Эрнст фон Вейцзекер — государственный секретарь министерства иностранных дел Германии — писал послу графу Юлиусу 2 марта 1940 года, что сообщение герцога заинтересовало фюрера. При этом он добавлял: «Буду весьма признателен, если Вам удастся получить дополнительную информацию такого рода и представить мне; если можно, изложите ее в форме доклада... адресовав мне лично».

Попади эта корреспонденция в руки английской разведки, Черчилль, несомненно, арестовал бы герцога Виндзорского и предал военному суду. Но этого не случилось, и он отправился во Францию, как раз когда оккупационные войска Германии расплзались по ее территории, словно раковая опухоль. Правда, за герцогом следовали агенты английской разведки. К этому времени встречаться с Шарлем Бедо в открытую стало опасно — тот был поглощен созданием Вишистской республики и целыми днями заседал в банке «Вормс». Именитая чета проследовала из Франции в Испанию через контрольно-пропускной пункт в Порт-Бу.

Вальтер Шелленберг предпринимал настойчивые попытки склонить герцога и герцогиню Виндзорских к посещению Германии прежде, чем они займут английский трон. Тем не менее те вынуждены были подчиниться Черчиллю — его посредником был старый друг супругов, сэр Уолтер Монктон — и отплыть на Багамские острова, куда герцог Виндзорский был назначен губернатором.

Затем Уинстон Черчилль совершил малопонятный шаг: 7 апреля 1941 года он поручил американскому послу

Уильяму Буллиту перевести нацистскому правительству 55 тыс. франков за аренду собственности герцога в оккупированном Париже, а также выплатить 10 тыс. франков страховки, жалованье слугам и 15 тыс. франков за аренду сейфовых помещений Банку Франции, который находился под прямым контролем Гитлера. В этом деле Бедо сыграл роль посредника, поскольку был близок как к Буллиту, так и к немецкому послу в Париже Отто Абецу.

Герцог и герцогиня продолжали поддерживать контакты с Бедо вплоть до 1943 года, что выводило из себя Моргентау, Икеса, Адольфа Берли, а также либералов в конгрессе, которых возглавляли Джон М. Коффи и Джерри Вурхиз. Тем временем в Северной Африке Бедо вместе с генералом Жаном Дарланом строили тайные планы уничтожения Британской империи. Коллаборационист-американец помог заручиться важным согласием Сирии: нацистские войска в предстоящем сражении за Суэц будут снабжаться с ее территории. Он также тесно сотрудничал с испанскими фашистами. При содействии французского маршала А. Петена он обеспечил поставки 300 тыс. тонн стали для фашистской Германии. Со своей стороны посол США Буллит в знак признательности назначил Бедо атташе по специальным вопросам, хотя сам к тому времени публично критиковал нацистское правительство. Бедо занимал пост специального советника по экономическим вопросам при Абеце и главе немецкой администрации в Париже Г.-И. Цезаре. Ему были также поручены вопросы управления американской собственностью в оккупированной Франции. Так что «братство» получило возможность устроить свои дела без лишних хлопот. Американский магнат способствовал принятию решения о создании отделений «Чейз нэшнл», Банка Морганов и «Форда» в оккупированной Франции даже после Перл-Харбора.

В октябре 1940 года Бедо предпринял вояж в Африку, чтобы по просьбе Петена приступить к разработке проектов, касавшихся железных дорог, электростанций, водоснабжения и добычи угля. В этом ему оказал содействие вишистский генерал Максим Уейгенд, генерал-губернатор Французской Африки. Кроме того, Бедо представил правительству Германии свой проект маскировки нефтеперерабатывающих заводов в Абадане¹ с тем, чтобы предотвратить их бомбардировку союзниками. В обмен на эту услугу он сумел добиться перевода в Париж конфискованной у него датской компании как раз накануне событий в Перл-Харборе.

¹ Абадан — центр нефтеперерабатывающей промышленности в Иране.

С вступлением США в войну Бедо сразу же арестовали как американского гражданина, находившегося в зоне оккупации. Однако через месяц благодаря вмешательству Абеца и гестапо его освободили. Тем не менее под давлением определенной части немецко-фашистского руководства, выступающей против сотрудничества с противником—к ней примыкал министр почт Онезорге,—Бедо арестовали повторно. Это случилось 27 сентября 1942 года.

Бедо был снова освобожден—помог генерал Отто фон Штюльпнагель, командующий немецкими оккупационными войсками во Франции. Ему удалось убедить генерала в необходимости осуществления проекта, согласно которому предстояло построить трубопровод от Колон-Бешара на юге Алжира до Бурема на реке Нигер во Французской Западной Африке. В результате Бедо получил от фашистской администрации самые широкие официальные полномочия, дабы претворить проект в жизнь.

Это строительство преследовало двоякую цель. Во-первых, трубопровод пропускной способностью 200 тыс. тонн в год снабжал бы различные пункты Сахары водой для армии Роммеля. Во-вторых, его можно было использовать для транспортировки 200 тыс. тонн арахисового масла из Французской Западной Африки в Колон-Бешар, а оттуда сначала железной дорогой, потом морем—в Виши. На строительство этого трубопровода правительство Германии выделило 55 тыс. тонн стали. Финансировал предприятие «Банк дё Пари э де Пеи Ба».

Для начала Бедо получил разрешение нанять 240 человек, большей частью из занятых на строительстве злополучной Транссахарской железной дороги. По проекту следовало перестроить все производство арахиса во Французской Западной Африке, переместив центр его из Дакара в Уагадугу. В результате этого обширные плодородные земли в излучине реки Нигер стали бы использоваться более эффективно. Они занимали часть территории Берега Слоновой Кости, Французского Судана и колониального Нигера. Построенные во Французской Гвинее паромы обеспечивали бы доставку по реке Нигер сотен тысяч тонн арахиса в год из западного Судана в Бурэн, где планировалось построить предприятия, оснащенные прессами для получения масла.

22 июля 1942 года после ленча с Пьером Лавалем Бедо встретился с Пинкни Таким, поверенным в делах США в Виши, и оставил в посольстве фотокопию приказа о собственном освобождении из тюрьмы и назначении экспертом по вопросам экономики во Франции. Бедо также сообщил, что, согласно данным его инспекционной

поездки по местам угледобычи в пустыне Сахара, их разработка могла давать 1200 тонн угля в день (тогда как в действительности она составляла 800 тонн). Бедо при этом добавил, что поглощен работой над проектом электрификации всех городов Северной Африки и созданием «новой Европы», которая положит конец нищете в мире.

На вопрос Така о дальнейших военных планах Германии коллаборационист с готовностью передал секретную информацию. Он также сообщил, что присутствовал в качестве консультанта на некоторых совещаниях французских и германских специалистов по вопросам техники, рассказал о деятельности гестапо во Франции, о расправах генерал-майора Карла Оберга над евреями и о казнях заложников. Бедо предложил США расширить торговлю с Лавалем, заверяя, что тот недоволен правительством Германии. Он заметил Таку: «Если удастся заставить американскую прессу и общественное мнение изменить свое негативное отношение к Лавалю, то правительство нашей страны сможет извлечь из контактов с ним большую пользу».

После этой беседы Так писал:

«По-моему, у этого субъекта полностью отсутствуют моральные принципы. Судя по всему, он человек с сомнительным прошлым и в грош не ставит традиционные ценности, которые заставили бы его осознать всю пагубность сотрудничества американского гражданина с врагами своей страны. Совершая шаги, которые нельзя рассматривать иначе как предательские (и в отношении Лавалю), он, вероятно, надеется на теплое местечко при «новом порядке». Если же таковой не будет установлен, он скорее всего постарается оправдаться, уверяя, что сотрудничал с Германией, но от оплаты своих услуг отказывался».

Этот любопытный документ прекрасно характеризует Пинкни Така: поверенный в делах США, зная, что Бедо был американским гражданином и сотрудничал с врагом, даже не попытался арестовать его.

29 октября 1942 года Шарль Бедо прибыл в американское генеральное консульство в Алжире и заявил посланнику Роберту Мерфи, что приступает к выполнению миссии в интересах Германии. США к этому времени воевали с Германией почти год. Уместно задать вопрос, осмелился бы изменник сообщить что-либо подобное представителю правительства США, не будучи уверен в своей безнаказанности?

30 октября 1942 года Мерфи направил Корделлу Хэлли отчет об этом удивительном посещении. Он указывал,

что, «по словам Бедо, для осуществления порученной операции ему была предоставлена полная свобода действий во Французской Африке, потому-то он и обратился в консульство в Алжире». Без колебаний этот коллаборационист отдал Мерфи выданные ему в Германии пропуска и список специальных инструкций за подписью Пьера Лавалля.

12 апреля 1943 года Гувер сообщал Гарри Гопкинсу об аресте Бедо. Он указывал, что по просьбе Дуайта Эйзенхауэра для расследования деятельности американского миллионера в Северную Африку были специально направлены два сотрудника ФБР. Сфера деятельности ФБР не распространялась на Северную Африку — она ограничивалась Американским континентом. Тем не менее в результате встречи Биддла с Гувером два опытных сотрудника ФБР вылетели в Алжир для допроса Бедо. Оба погибли в ациационной катастрофе, и вместо них были направлены другие.

Выполняя инструкции Гувера и Биддла, агенты ФБР, не имея ни официальных, ни юридических полномочий, явно пытались спасти американского магната от военной разведки. Не возникало сомнений, что Биддл опять подчинялся чужим указаниям. Прибывшие агенты встретились с представителями французской полиции, и те привели веские доказательства сотрудничества Бедо с фашистом Шрёдером. Однако вопреки логике агенты ФБР обвинили французские следственные органы в фальсификации фактов и попытались заставить их снять с Бедо предъявленные обвинения.

Армейские власти были готовы предпринять надлежащие меры, однако, как явствует из приказа армейской разведки от 4 января 1943 года, высшее руководство оказывало на армию такое давление, что военный суд над фашистским коллаборационистом пришлось отложить. Отговорка обычная: отсутствие «достаточно веских доказательств» вины, а на самом деле они были неопровержимыми.

В течение года, пока Бедо находился в тюрьме, для расследования его деятельности было мало что сделано. Он постоянно выражал протесты по поводу своего заключения, заявляя, что действовал исходя из американских торгово-промышленных интересов в оккупированной Европе и совершил, таким образом, непоправимую ошибку: высшему руководству меньше всего хотелось предавать огласке подобные откровения.

Наконец, 23 декабря 1943 года Бедо в сопровождении подполковника Херндона, не спускавшего с него глаз, был доставлен в Майами. В тот же день подполковник

ВВС Кребтри неожиданно отстранил Херндона, охранявшего Бедо, вернул ему 2700 ранее конфискованных долларов и направил все бумаги Бедо в Вашингтон. Армейские власти дали указание службе таможи (хотя та номинально им не подчинялась) пропустить эту документацию без цензуры и досмотра. Самого Бедо поселили в отеле «Колониал» в Майами. Оттуда вместо государственной тюрьмы он был перемещен в заключение в комфортабельный особняк службы иммиграции — на это власти дали специальное разрешение.

28 декабря один из сотрудников Биддла неожиданно появился в службе иммиграции и задал вопрос, какие минимальные ограничения наложены на Бедо. 29 декабря Биддл велел военному министерству полностью закрыть разбирательство дела.

Преступную деятельность Бедо продолжали покрывать. Сам он представил ФБР список влиятельных коммерсантов, которые в случае судебного разбирательства могли бы выступить свидетелями с его стороны. Биддл незамедлительно конфисковал этот список, однако он каким-то образом попал в либеральный еженедельник «Нейшн», установивший, что предполагаемыми свидетелями должны стать «те промышленники, которых недавно обвинили в нарушении антитрестовского законодательства». Бесспорно, имелись в виду американские деятели «братства».

14 февраля сотрудник службы иммиграции сообщил Бедо, что специальная следственная комиссия службы иммиграции и натурализации «пришла к выводу, что Бедо является гражданином США» и никогда не отказывался от гражданства. Более того, служба иммиграции и натурализации готова разрешить ему пребывание в США по завершении некоторых незначительных формальностей. Сотрудник этой службы информировал также коллаборациониста, что «будет созвано большое жюри, которое рассмотрит вопрос о его взаимоотношениях с руководством правительства Германии и вишистского правительства Франции. Жюри решит, будет ли он предан суду по обвинению в измене и связях с противником».

Бедо стал явно неудобен для «братства». Хотя служба иммиграции, выполняя строгие инструкции, не позволяла находящимся на ее попечении лицам пользоваться снотворным, для Бедо было сделано исключение: 14 февраля 1944 года он принял на ночь всю дозу снотворного, хранившуюся у него с момента прибытия 23 декабря. Макс Лернер и И. Ф. Стоун утверждали на страницах «ПМ» и «Нейшн», что избрать этот наиболее легкий путь из создавшегося трудного положения ему кто-то посоветовал. Нельзя с ними не согласиться.

Всю вторую мировую войну Макс Ильгнер из «И. Г. Фарбен» руководил «заграничной организацией немцев». Финансировавшееся «И. Г. Фарбен», это сообщество проживавших за пределами Германии немецких граждан находилось под непосредственным контролем Вальтера Шелленберга¹. В западном полушарии наиболее заметными агентами организации были бывший командир Гитлера Фриц Видеман² и любимая фюрером коварная графиня Стефени Гогенлоз. Получая средства от «И. Г. Фарбен» и поддержку от самого Гиммлера, Видеман и Стефени были наиболее активными из всех американо-германских заговорщиков. Вместе с Шелленбергом они строили планы, как свергнуть Гитлера, намереваясь передать власть Гиммлеру и «совету двенадцати» во главе со Шмицем. Как и Гиммлер, они мечтали о восстановлении в Германии монархии и посещали кайзера в Доорне (Голландия) вплоть до его смерти в 1941 году.

Прибыв в США, Видеман и Стефени неофициально заявили ФБР, что лишились благосклонности Гитлера. Это действительно было так, поскольку Гитлер относился к обоим с большим подозрением—он знал об их причастности к заговору с целью его свергнуть, а также о связях с двуличным адмиралом Вильгельмом Канарисом, главой германской военной разведки, которого считали двойным агентом. В качестве генерального консула в Сан-Франциско Видеман возглавлял «восточную группу» разведсети СД, которая действовала в бассейне Тихого океана, включая побережье Северной и Южной Америки, Таиланд, Малайю, Гонконг, материковый Китай, Формозу и Японию. Эта группа сотрудничала как с англичанами, так и с американцами.

Графиня Гогенлоз, вдова, была любовницей Видемана. Она располагала огромными светскими связями. Графиня, наполовину еврейка, получила от д-ра Геббель-

¹ Номинально она возглавлялась Эрнстом Вильгельмом Боле.— *Прим. авт.*

² В годы первой мировой войны Видеман командовал ротой, в которой служил Гитлер.— *Прим. перев.*

са титул «почетной арийки». Как и генералу ВВС Эрхарду Мильху, это звание пожаловали обоим за заслуги перед третьим рейхом.

В начале 30-х годов Видеман и Стефени посвящали себя целиком деятельности «заграничной организации немцев», контролируемой «И. Г. Фарбен». Они поддерживали дружбу с лордом Ротемере, английским миллионером и владельцем «Дейли Мейл», который содействовал приходу Гитлера к власти, передав ему через графиню 5 млн. долларов наличными. Во Франции эта дама действовала менее успешно — в 1934 году ее депортировали за интриги против союза Франции с Польшей, который, быть может, спас бы Европу от фашистского порабощения. Графиня завязала тесную дружбу с Отто Абецем, представителем нацистов в Париже, ставшим впоследствии послом Германии и столь успешно способствовавшим падению Франции. В 1938 году благодаря графине была организована встреча между Видеманом и лордом Галифаксом, британским министром иностранных дел. Фашистский дипломат рассчитывал склонить Галифакса и Чемберлена к сотрудничеству с Гитлером. Миссия эта увенчалась успехом — как и надеялась графиня, Галифакс поведал Видеману о симпатиях правительства Великобритании к фюреру, добавив, что уже видит «Гитлера, с триумфом въезжающего в Лондон в королевском экипаже в сопровождении Георга VI».

Гитлер оценил вклад Видемана и графини в завоевание Европы — он преподнес Стефени в подарок замок Леопольдскрон около Зальцбурга. Начиная с 1933 года Видеман часто бывал в Соединенных Штатах, главным образом для контроля над деятельностью откровенно нацистской организации, известной под названием «Друзья новой Германии». Он также оказывал содействие Риббентропу в переговорах о заключении «Антикоминтерновского пакта» с Японией в 1936 году, а весной 1938 года совершил турне по Балканским странам с тем, чтобы теснее связать их с государствами «оси».

Стефени проводила много времени в Швейцарии, поддерживая связи с германскими разведслужбами. С большинством из них был ранее связан ее супруг граф Гогенлоз, руководивший австро-венгерской разведкой в этой стране в годы первой мировой войны.

В период кризиса в Великобритании, вызванного отречением Эдуарда VIII, лорд Ротемере отправил графиню из Лондона в Берлин с рождественским подарком для Гитлера — gobеленом ручной работы. После того как Эдуард VIII оставил престол, Гитлер телеграфировал Риббентропу в Лондон: «Теперь, когда король отрекся, в

Великобритании, похоже, не осталось никого, кто нас поддержит. Сообщите, что удалось предпринять. Даже если Ваши шаги оказались бесполезными, винить Вас ни в чем не буду».

Графиня прибыла в Берхтесгаден для приватной беседы как раз после телеграммы. Стефени обнадежила фюрера, что многие в Великобритании лояльны ему.

В конце 30-х годов графиня совершала непрерывные поездки в Лондон, Париж, Берлин, Зальцбург, Мадрид и Рим, которые оплачивал лорд Ротемере. Гитлер подарил ей бриллиантовую брошь в форме свастики и свою фотографию с надписью: «Моей драгоценной графине». Вместе с Видеманом она посетила в 1937 году Соединенные Штаты и встретила с членами «братства» Состенесом Беном, Уолтером Тиглом и Эдзелом Фордом. Высокое общественное положение Форда позволяло установить контакты с влиятельными лицами в США, которые могли бы оказывать поддержку нацистам. Герман Шмиц «оценил» услуги графини — ей была вручена солидная пачка акций «И. Г. Фарбен». Через неделю после начала войны, в сентябре 1939 года, несколько великосветских дам, обедавших в ресторане отеля «Ритц» в Лондоне, потребовали, чтобы графиня-шпионка избавила их от своего присутствия, но она и бровью не повела и продолжала свою трапезу.

В том же году графиня возбудила в лондонском суде дело против лорда Ротемере, не оплатившего ее расходы на поездки по делам нацистов, однако ничего не сумела добиться. Она должна была оставаться в Лондоне. Видеман отправился в Нью-Йорк, рассчитывая, что графиня приедет позднее. Теперь, когда в Европе шла война, эта парочка направила свои усилия на предотвращение вступления в нее США. Графиня и Видеман поставили перед собой цель направить деятельность американцев немецкого происхождения на благо Германии. Видеман основал торгово-промышленную лигу — организацию американцев немецкого происхождения, — которая взяла обязательство покупать только германские товары, проводить антисемитские кампании и принимать на службу преимущественно арийцев. Получая средства от Макса Ильгнера через «Дженерал анилайн энд филм», Видеман немало способствовал активизации лиги, в которую входили владельцы 1036 мелких фирм, включая многочисленные экспортно-импортные компании, фирмы по продаже топлива, мясные лавки, магазины готового платья и тканей. Эта организация раздувала антисемитские настроения в стране, финансировала подпольные фашистские центры военной подготовки, оплачивала про-

фашистские передачи по радио, рекламировала германскую продукцию и самовольно организовывала лотереи.

10 сентября, сразу же после начала войны в Европе, Видеман, обращаясь к членам торгово-промышленной лиги в Сан-Франциско, заявил: «Вы являетесь гражданами США, страны, вступившей в союз с врагом германской нации. Я не советчик, однако хочу предупредить: со временем вам придется сделать выбор, а это дело вашей совести. Есть долг перед родиной, но есть и долг перед страной, в которой живешь. Голос крови сильнее... Германия—родина ваших отцов, и нельзя предавать забвению исторические традиции».

В 1940 году графиня Стефени прибыла в Калифорнию. Ее приезд сопровождался рекламной шумихой. В газетах в отделе светской хроники без конца публиковались заметки «об обаятельной даме со скандальной репутацией». Ее приглашали на различные торжества в Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Светское общество было взбудоражено. Пока за ее спиной подшучивали, с восторгом обменивались сплетнями о ее похождениях, графиня даром время не теряла: она встречалась с женами торговцев и промышленников, надеясь с их помощью склонить влиятельных мужей к сотрудничеству с фашистами. При этом она предупреждала об опасности коммунизма и о возможности нападения Германии на США, если они не будут проводить дружественную по отношению к Гитлеру политику. Не забывала она упомянуть о «богатой и процветающей Германии». Графиня успешно справлялась с пропагандой нацистских взглядов. Она помогла заключить многие сделки между бизнесменами и концерном «И. Г. Фарбен».

В начале 1940 года графиня Стефени Гогенлоз познакомилась с сэром Уильямом Уайзманом, баронетом. В годы первой мировой войны он возглавлял английскую разведку. В свое время Уайзман стал одним из партнеров банка «Кун энд Леб». Согласно документам министерства финансов, этот банк был тесно связан с группой наиболее крупных латиноамериканских компаний, которые заключили соглашение с нацистскими трестами о разделе служб связи в Латинской Америке.

Из книги «Человек, названный отважным» (биография сэра Уильяма Стивенсона, возглавлявшего в США британский координационный центр по вопросам безопасности) следует, что Уайзман в годы второй мировой войны был одним из людей Стивенсона. По поручению Эдгара Гувера и правительства Великобритании он отправился в США, чтобы вести слежку за Видеманом и Гогенлоз.

Судя по досье ФБР, Уайзман, наоборот, сам находился под наблюдением. Документы разведки армии США свидетельствуют, что никаких поручений ни британское, ни американское правительства ему не давали.

14 декабря 1940 года бригадный генерал Шерман Майлс, возглавлявший разведуправление армии США, писал Эдгару Гуверу: «Вполне возможно, что он (Уайзман) — один из тех англичан, кто вел переговоры о мире с нацистами через таких, как Аксель Вэнер-Грен, Торкильд Рибер и Джеймс Д. Муни».

Все в той же книге «Человек, названный отважным» — сочинении, не отличающемся достоверностью, — описывается, как 26 ноября 1940 года по указанию ФБР Уайзман тайно встретился в отеле «Марк Хопкинс» в Сан-Франциско с Видеманом и Гогенлоз. Предмет беседы — переговоры о мире. Отчеты ФБР и донесения Гувера Рузвельту свидетельствуют, что сотрудник ФБР в Сан-Франциско Н. Пайпер случайно узнал об этой встрече и, относясь к Видеману с большим подозрением, самовольно решил ее проконтролировать.

Состоявшаяся в ходе встречи беседа полностью отвечала духу «братства». Как потом сообщало ФБР, Уайзман заявил, что выступает в роли посредника, причем представляя не правительство Великобритании (это он утверждал потом), а лондонских сторонников политики умиротворения, которых возглавлял лорд Галифакс, вскоре ставший послом в Вашингтоне. Примечательно, что Уинстон Черчилль и в выступлениях, и в переписке неоднократно высказывал свои взгляды на окончание войны, ратуя за полную и безоговорочную капитуляцию Германии. Однако в ходе упомянутой встречи Уайзман дал ясно понять, что Черчилль и Галифакс придерживаются другого мнения.

Графиня пообещала передать Гитлеру содержание беседы, в частности рассказать о мирных предложениях Галифакса. Пользуясь расположением Гитлера, она надеялась добиться от него согласия на заключение мира. В случае же неудачи — поддержать злополучный заговор с целью государственного переворота, которым руководили монархисты, Шелленберг и «И. Г. Фарбен». В результате переворота власть перешла бы к Гимmlеру, а он в свою очередь восстановил бы в Германии монархию. Затем представитель гестапо встретился бы в Лондоне с Галифаксом и обсудил вопрос о союзе с Великобританией... В ходе обсуждения этого проекта Уайзман беспечно заявил, что, коли с Францией покончено, Великобритания может предложить Германии более благоприятные условия: «Договориться с французами всегда было трудно, и

раньше нам приходилось считаться с ними. Теперь же в этом нет необходимости. Речь идет лишь о том, возможно ли Францию, как Польшу, восстановить в качестве государства».

На той же встрече Уайзман передал Видеману информацию о мероприятиях английского флота, направленных на срыв планов Гитлера оккупировать Великобританию. Одновременно и Видеман сообщил Уайзману сведения о деятельности штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. В заключение беседы Уайзман предостерег: «Я бы мог по-дружески сказать Гитлеру: тот урон, который он может нанести Америке,— это ничто по сравнению с тем, что произойдет, когда США выйдут из себя. Американцев трудно вывести из терпения, но их столь же трудно заставить успокоиться— у них начинается истерика, им повсюду мерещатся шпионы, а это все еще больше разжигает милитаристские настроения. Я бы лично этого не хотел, поскольку не хочу быть свидетелем еще больших человеческих жертв... Мне думается, что не следует излишне поощрять подрывную деятельность, чтобы не ожесточать американцев и не осложнять излишне обстановку». Сказанное почти полностью совпадает с содержанием докладной записки, направленной в Берлин Видеманом и поверенным в делах Гансом Томсоном. После этой встречи за Уайзманом, Видеманом и Томсоном Гувер распорядился установить строгое наблюдение. 18 декабря 1940 года ФБР прослушало телефонные разговоры графини. Она звонила из Калифорнии в Нью-Йорк, умоляя помочь продлить визу и избежать депортации. Уайзман, явно встревоженный, ответил: «Прошу вас, ни слова более об этом по телефону... Не говорите ничего». Графиня продолжала: «Я буду вам глубоко признательна. Вы же знаете, что вам не придется жалеть об этом». На что Уайзман отвечал: «Я сообщу телеграммой, куда мне позвонить, и попытаюсь сделать все, что в моих силах».

Графиня продолжала звонить Уайзману. Он связался с Инграмом Фразером из британской закупочной комиссии, пытаясь с его помощью получить содействие Уайтхолла.

3 января 1941 года Герберт Байард Суопе, политический деятель, передал Уайзману послание от лорда Бивербрука. В нем сообщалось, что Уайзману предстоит вскоре встретиться с лордом Галифаксом для обсуждения «переговоров о мире». Уайзман провел серию конфиденциальных бесед с высокопоставленными дипломатами, включая и сотрудников посольства Австралии. Среди тех в государственном департаменте, кто оказывал

содействие Уайзману в этой лихорадочной деятельности, был Литл Хэлл, не кто иной, как двоюродный брат Корделла Хэлла. После окончания второй мировой войны Видеман действительно признал, что Литл Хэлл снабжал его информацией из госдепартамента с грифом «для служебного пользования».

Другим коллаборационистом был глава службы иммиграции и натурализации США, майор Лемюел Шофилд. В 1940 году широкая общественность гневно потребовала изгнать графиню Гогенлоэ из США. Шофилд, увлекшийся графиней, оставленной Видеманом, предотвратил депортацию, заявив, что ее не желает принимать ни одна страна.

Уильям Уайзман не забыл о своем обещании помочь. Он приложил много усилий, чтобы графиню не выдворили в фашистскую Германию — коварная шпионка могла сболтнуть лишнее. Недавно рассекреченные документы свидетельствуют о тесных связях Уайзмана и Шофилда с графиней Гогенлоэ. Документы повествуют о том, что однажды вечером в беседе с одним англичанином (его имени ФБР не установило) Уайзман разоткровенничался. Он-де «сделал все возможное и отвел от графини угрозу депортации», но его «очень тревожила манера Стефи самой себя разоблачать».

Инграму Фразеру из английской закупочной комиссии он поведал, что старался «удержать эту истеричку от безрассудств... ведь она теряет голову и делает глупости». Фразер заметил ему: «А как же теплые дружеские отношения?» «Если они испортятся,— отвечал Уайзман,— то придется подыскать другую подругу». При этом он добавил: обстоятельства таковы, что «может произойти страшный скандал, вот чего я опасаюсь». Агенты ФБР не спускали глаз с Уайзмана, и его встречи с Инграмом Фразером происходили в спешке.

Уайзман и Стефени Гогенлоэ горячо приветствовали назначение лорда Галифакса послом Великобритании в США. Лорд Бивербрук телеграфировал из Лондона, что Уайзману следует связаться с лордом Галифаксом «сразу же по его прибытии». Последовала целая серия таинственных встреч между Уайзманом, бывшим президентом США Гербертом Гувером, Гербертом Байардом Суопе и другими. Обсуждались, по-видимому, переговоры о мире.

20 мая 1941 года Шофилд добился своего: вопрос о депортации графини был закрыт. В интервью журналистам в управлении службы иммиграции в Сан-Франциско он говорил: «Находясь под арестом, графиня Стефени сообщила министерству юстиции интересные факты. Министерство сочло, что ее освобождение не повредит интересам и благополучию нашей страны. Сотрудниче-

ство с ней будет продолжено, а каждый ее шаг мы проконтролируем».

Нью-йоркская «Сан» писала по поводу освобождения графини: «Если 130 млн. не могут выдворить из страны одного-единственного человека, не имеющего законного права находиться в США, то что-то здесь не так».

Гувер всячески пытался заполучить от министра юстиции «интересные факты», на которые ссылался Шофилд. Однако все его запросы, как и запросы его помощника, остались без ответа. Как свидетельствуют документы, сотрудники ФБР не смогли даже встретиться с графиней. 1 июня Перси Фоксвортс, сотрудник нью-йоркского отделения ФБР, направил Гуверу пояснительную записку: «Было бы желательно побеседовать с графиней Гогенлоэ, чтобы заполучить от нее всю информацию, которой она располагает. Это важно для расследования деятельности германской разведки и отвечает интересам национальной обороны США». На записке Гувер наложил резолюцию: «Только получив от Макгюира (помощника министра юстиции Джексона) копию ее показаний Шофилду, нам следует обращаться к нему за санкцией *распросить*¹ саму графиню».

К началу июня Макгюир по-прежнему не представил копию «показаний» Шофилду. Запрос следовал за запросом. Тем временем Видеман разъезжал по США, фотографируя мосты, дороги и плотины от Колорадо до Флориды.

15 июня 1941 года Макгюир письменно уведомил Гувера, что «показания» «находятся лично у Леми Шофилда и в настоящий момент печатаются». В тот же день Дрю Пирсон в вашингтонской газете «Таймс геральд» писал, что Гогенлоэ заплатила за свое освобождение «кое-какими потрясающими откровениями о подрывной деятельности в США и Великобритании». На представленной ему фотокопии статьи Гувер оставил запись: «Получим ли мы когда-нибудь эти показания? Если министерство юстиции не в состоянии их представить, поможет ли нам в этом Пирсон?!»

В упомянутой статье говорилось, что, по словам графини, Видеман не ладил с Гитлером. Причиной тому послужила дружба с приятелем Гимmlера Гессом, который в то время совершил полет в Великобританию со своей известной «миссией мира». Графиня якобы предоставила службе иммиграции список профашистов в Великобритании, которые содействовали переговорам о заключении мира с Гитлером. В их числе она назвала Ротемере.

¹ Курсив автора.

Кроме того, она сообщила имена прочих агентов фашистской Германии.

К 20 июня Гувера вывели из себя бесконечные проводочки с показаниями графини Стефени. Макгиуир отделивался отговорками и отказывался сообщить, каким образом у Дрю Пирсона оказалась информация, которой не располагало ФБР. «Чтобы так затягивали дело, как это, я не помню»,— писал о тактике проводочек Гувер на пояснительной записке своего сотрудника Эдварда Тамма.

В то же время Гувер постоянно требовал информацию о связях графини с нацистами.

Агент ФБР Пайпер из Сан-Франциско прослушал несколько телефонных разговоров, чтобы разузнать об отношениях Видемана со Стефени. Один из информаторов был знаком с Видеманом в Германии. Считая себя обязанным правительству США, этот информатор сообщил Пайперу о подробностях своего разговора с Видеманом. «Графиня ничего не могла сказать такого, что повредило бы мне,—говорил Видеман,—да она и не стала бы. На самом деле она не сообщала службе иммиграции *ничего*. Была необходима уловка, чтобы Шофилд снял арест. Есть и еще одна деталь—в этом деле Шофилд был связан с Литл Хэллом, двоюродным братом Корделла Хэлла, а тот добивался ее освобождения». Использовать эти данные Гувер в силу ограниченных полномочий не мог.

Под колоссальным давлением Рузвельта американская администрация в середине июня 1941 года издала приказ о закрытии всех германских консульств в США,—событие, которое грянуло как гром среди ясного неба.

Видеман, находившийся в консульстве всего лишь несколько недель, получил предписание покинуть страну к 10 июля. По словам журналистов, прохожие около здания нацистского представительства восклицали: «Скатертью дорога!», а двое американских матросов залезли на крышу и сорвали флаг со свастикой.

В тот вечер, когда из Вашингтона пришел приказ, из трубы консульства шел густой дым. Часть документации была сожжена в консульстве, другая—доставлена консульским «мерседесом» в порт и отправлена немецким кораблем в Германию. Ходили слухи, что Видеман предложил концерну Херста предоставить полную информацию о деятельности нацистов в Америке в обмен на разрешение остаться в США. Но на поверку оказалось, что это выдумка.

На 26 июня Гувер все еще не получил «показаний» графини. Когда же Видеман с тремя приятелями зашел в один ночной клуб Сан-Франциско, посетители за соседними

столиками быстренько пересели за другой. 3 июля сотрудник ФБР Эдвард Тамм докладывал Гуверу, что Макгюир медлит и «показаний» не представляет.

8 июля Видеман совершил поездку в Лос-Анджелес для передачи своих шпионских отчетов консулу Джорджу Гислингу лично. Гислинг отбывал в Германию судном «Уэст-пойнт», а Видеман собирался в Китай для координации деятельности германской и японской разведсетей. Кстати, позднее он встретился в Китае с Людвигом Эрхардом, родственником графини Стефени со стороны мужа, который через 2 года стал главой немецкого абвера на Востоке.

9 июля было объявлено, что Видеман и Ганс Борхерс, новый генеральный консул в Нью-Йорке, отбывают японским кораблем «Яута Мару». Правительство Великобритании отказалось гарантировать безопасность агентов на японских судах, поэтому Видеман страшно нервничал. Неожиданно британские власти объявили, что Видеман застрахован от ареста в силу своего дипломатического иммунитета. По какой-то причине тот в это не поверил — возможно, опасался ловушки — и в последний момент, наняв для себя и сотрудников три самолета, вылетел через Омаху и Чикаго в Нью-Йорк.

Гувер продолжал их держать под наблюдением. Тем временем графиня Гогенлоэ проживала в Вашингтоне в отеле «Уардман-парк». На 31 июля «показания» по-прежнему не поступали. Тогда Шофилд сообщил министру юстиции Биддлу (преемнику Джексона), что, исходя из самых лучших побуждений, графиня собирается выступить с критикой в адрес Гитлера по американскому радио в передачах на страны «оси» в ответ на прогерманские выступления Линдберга, сенатора Уилера и других. Кроме того, она готова прочесть лекции. Графиня вроде бы намерена обрушиться на Гитлера, представив его «вероломным, лживым и хитрым» и при всем том «пронырливым обманщиком», который ради «собственных интересов не остановится и перед убийством».

9 августа 1941 года вашингтонская «Таймс геральд» сообщила, что Стефени собирается через полтора месяца опубликовать книгу, в которую войдут ее показания Шофилду. Сотрудник ФБР Гарри Кимбол на следующий день писал без энтузиазма агенту Фоксвортсу: «Можно было бы еще раз запросить у Макгюира эти «показания», сославшись на намерение прессы полностью опубликовать их через полтора месяца и на то, что Бюро крайне заинтересовано получить информацию прежде, чем она появится в печати».

Наконец, 18 августа 1941 года графине Стефени было

предложено покинуть Вашингтон. Ее скандальная связь с Шофилдом стала очевидной, и Биддл посоветовал тому заставить графиню немедленно вернуться в Калифорнию. Когда об этом узнал сотрудник ФБР Эдвард Тамм, он спросил у Биддла: где же все-таки показания графини? Тот отвечал, что пока ничего о них не знает.

В конце августа Видеман прибыл в Берлин отчитаться перед Гиммлером. В сентябре он уже был на пути в Аргентину, где фашисты развили бурную активность. Видеман прибыл в Рио-де-Жанейро для бесед с руководителем гестапо Готфридом Зандзее, которому к тому времени только что удалось бежать из Буэнос-Айреса. Бразильская газета «О глобо» поместила на первой странице фотографию Видемана с комментарием «нацист номер один на Американском континенте». В статье говорилось, что фашистский дипломат подотчетен только Гитлеру и что он оставил в США 5 млн. долларов на финансирование нацистской разведкагентуры.

Весь август графиня гостила в домах друзей Шофилда в его родном штате — Пенсильвании. Тем временем в Рио-де-Жанейро полиция произвела обыск личных вещей Видемана и обнаружила список нацистских агентов в Калифорнии. Она также установила, что он направляется на Восток — факт, который тот признал на следующий же день.

8 сентября Видеман отплыл через Чили в Японию. Бурные демонстрации перед посольством вынудили его покинуть континент первым пароходом. А по дороге в порт перед его бронированным автомобилем разорвались две бомбы.

Графиня между тем проживала в Александрии (Вирджиния), и агенты ФБР наблюдали, как Шофилд приезжал к ней по вечерам, а уезжал только утром... Она скрывалась под именем Нэнси Уайт.

Накануне Перл-Харбора графиня с Шофилдом находилась в Филадельфии. В отсутствие Стефени Гогенлоэ агенты ФБР изучили ее записную книжку и обнаружили среди прочих имя супруги Фрэнсиса Биддла. На этот факт Гувер обратил особое внимание.

8 декабря в 22.20, как только графиня вместе с матерью вышла из филадельфийского театра, ее арестовали сотрудники ФБР и, впихнув в машину, увезли, оставив на тротуаре посылавшую им вслед проклятия 89-летнюю мамашу. Графиня пыталась связаться с Шофилдом по телефону, но безуспешно. Ее сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и доставили в отделение службы иммиграции в Глостере (Нью-Джерси), поместив в одиночную камеру. Гогенлоэ позднее была переведена в

общую камеру, где, кроме нее, находились четыре японки и некая дама из Нью-Джерси, пострадавшая за то, что топтала ногами американский флаг при стечении большой толпы народа. Графиня коротала время за чтением воспоминаний мадам Помпадур.

Гувер удостоверился: никакой ценной информации, чтобы избежать депортации, графиня не представляла. Заявления Макгиуира и Джексона о том, что документ якобы печатается, оказались просто ложью. Почему министр юстиции пошел на эту авантюру — неизвестно.

Шум вокруг дела Гогенлоз начал стихать к середине января. Из отчета специального агента Д. Лада Гуверу от 5 января 1942 года явствует, что у графини нашелся «очень влиятельный заступник в госдепартаменте, любовницей которого она была в свое время. По ее словам, он обладает полномочиями разрешать въезд в США подданным стран «оси» и запрещать гражданам стран, настроенных к «оси» враждебно». Имя этого человека, вычеркнутое из отчета, установить нельзя и сегодня. Можно только предположить, что им был Брекинридж Лонг. Однако до сих пор ФБР отказывается признать этот факт гласности.

Находясь в изоляции, графиня мастерски разыграла комедию. Притворившись, что у нее приступ какой-то болезни, она принялась взывать к дружескому расположению Уильяма Уайзмана. Встревоженный Биддл оказался более чем предупредителен — он потребовал, чтобы графиню перевели из Глостера куда-нибудь в другое место по ее выбору, где бы был надлежащий уход.

Местный инспектор и глава службы иммиграции связался с помощником прокурора Филадельфии, который, к счастью для национальной безопасности, не стал выполнять указаний Биддла, заявив, что в таком случае графиня может выбрать себе любую больницу, «даже ту, персонал которой подозревается в прогерманской деятельности».

«Приступ» графини сменился припадком истерики, и она осталась, где была.

28 ноября 1941 года Рузвельт писал Гуверу: «Я беседовал с министром юстиции по поводу дела Гогенлоз, и он заверил меня, что с сантиментами покончено. Кроме того, он считает нецелесообразным в настоящее время перемещать даму в другое место, поскольку здесь за ней легче всего вести наблюдение. Прошу Вас, проверьте для меня все сведения еще раз».

В июле 1942 года президент писал Биддлу: «Если служба иммиграции наконец не перестанет потворствовать этой графине, мне придется начать расследование. Думается, что факты выявятся нелицеприятные, начиная с

истории ее первого ареста и связи с Шофилдом... Честно говоря, назревает скандал, который вынудит принять решительные меры».

Интересный эпизод произошел 16 июля 1942 года. Специальный агент ФБР вошел в комнату для свиданий под предлогом беседы с одним из заключенных и обратил внимание на нарушение правил—недавно арестованный фашистский шпион беспрепятственно разговаривал по-немецки по телефону-автомату. Графиня сидела на скамье и бодро строчила письмо под диктовку тюремного служителя. Тюремный служитель в беседе с сотрудником ФБР заметил: «К графине относятся с особым вниманием, и мне самому нравится ее общество. Иногда она помогает мне досматривать почту!»

Какие последствия это имело для национальной безопасности—можно лишь догадываться. Не удивительно, что Гувер отдал приказ «любыми средствами получать все сведения, касающиеся занятий графини».

Было установлено, что на некоторых предприятиях Глостера служащие получили повышение по службе через Шофилда за благожелательное отношение к Стефени Гогенлоз. ФБР пыталось следить за графиней из окон соседних домов, в этих целях Гувер приказал использовать «меблированные комнаты». К сожалению, таковых не оказалось рядом, и «главная улица перед отделением патрулируется войсками береговой охраны, которые с подозрением относятся к любому прохожему. Невозможно поставить на стоянке автомобиль, чтобы не привлечь их внимания».

3 августа 1942 года Гувер направил указание отделению службы иммиграции в Нью-Йорке: «В связи с тем что президент США и министр юстиции уделяют данному делу такое внимание, Вам следует незамедлительно представлять всю информацию в Бюро, в отдел по шпионажу».

Чтобы успокоить президента и рассеять его подозрения, Биддл решил перевести графиню в Сиговиль (Техас), поближе к Вашингтону. Шофилд удостоверился, что туда заранее перемещен доверенный человек.

Мысль о переводе в Техас привела графиню в бешенство. В отчете говорилось, что «она стала похожа на тигрицу». Графиня заявила, что если тюремщики хотят забрать ее из Глостера, то им «придется нести ее на руках». В результате в отделение иммиграции прибыла карета «скорой помощи», которую сопровождали двое санитаров, прихватившие смирительную рубашку. При виде их графиня вдруг почувствовала себя гораздо лучше и изъявила желание доехать до железнодорожного вок-

зала в автомобиле службы иммиграции. Когда она с достоинством выходила из ворот тюрьмы, кто-то спросил: «А Шофилд в Техасе?»

Ответ был утвердительным — тот прибыл в Техас на два дня раньше графини. Переезд в Техас графиня увидела в новом свете: оттуда можно бежать через мексиканскую границу.

Прибыв в Сиговиль, графиня немедленно отправила следующую телеграмму сотруднику службы иммиграции: «Для матери невозможно. Пожалуйста, отбросьте всякие размышления или условности, добивайтесь и настаивайте чтобы Б. (так она называла Шофилда) сделал все, что вы хотите. Крайне срочно. Стефени».

Телеграмму было нетрудно расшифровать: тот служащий, который был целиком и полностью в руках графини, должен был, забыв про осторожность, добиться, чтобы Шофилд без лишней шумихи вернул графиню в Глостер. По-видимому, она поняла, что бежать в Мексику невозможно.

В Сиговиле прямо с вокзала она была доставлена на 10 дней в больницу, хотя состояние ее здоровья не вызывало опасений. Стефени Гогенлоз потребовала разрешить пользоваться телефоном, увеличить время свиданий с матерью и получить снотворные таблетки. Однако возможности в Сиговиле были ограничены. Инспектор, возглавлявший местное отделение службы иммиграции, не обращал внимания на просьбы Шофилда и следил за тем, чтобы никаких поблажек графине не давалось. Более того, он добавил двух охранников, но графиня заявила, что все равно убежит в Мексику при первой же возможности. Мать Стефени изъявила желание разделить заключение вместе с дочерью. Биддл не преминул издать приказ и о ее аресте.

В начале 1943 года графиня довольно пространно изложила свое жизнеописание и отправила в ФБР.

Написанное ею представляло смесь правды с фантазией и тайными угрозами. По-видимому, этот сумбур на кого-то в Вашингтоне произвел впечатление, поскольку заговорили о слушании дела графини Гогенлоз. Она направила несколько писем Гуверу, которые свидетельствовали, что графиня отмежевалась от Гитлера, узнав о понесенных им поражениях на военных фронтах.

Агент ФБР посетил графиню в ноябре 1943 года и нашел ее в состоянии чрезвычайного душевного смятения. Он описывал ее как «превосходную актрису», а «ее моральное потрясение деланным, рассчитанным на то, чтобы вызвать сочувствие».

1 марта 1944 года наконец состоялось слушание дела

графини Гогенлоэ. В состав комиссии вошли два представителя министерства юстиции и один — ФБР. Комиссия признала ее... ни в чем не виновной и постановила немедленно освободить условно! Она покидала Сиговиль с победоносным видом. Гувер затянул дело на несколько недель, а Рузвельт лично контролировал деятельность комиссии.

В конце января 1945 года Стефени пыталась покончить с собой, отравившись лекарствами. Каким образом ей удалось их получить — остается загадкой. При этом она направила резкое письмо Биддлу и пространное послание Элеоноре Рузвельт.

Стефени Гогенлоэ вышла на свободу вскоре после Дня победы. Майор Шофилд, которому вся эта история с графиней не повредила, встретил ее с распростертыми объятиями. Они поселились на ферме Шофилда под Филадельфией и зажили как муж и жена.

Видеману тоже сопутствовала удача. Во время войны он успешно руководил фашистской разведкой в оккупированном Китае из консульства в Тяньцзине. После вступления американских войск он остался на свободе, заявив о своей дипломатической неприкосновенности и о содействии спасению евреев в Китае во время оккупации.

В 1945 году Видеман был взят под арест. Он выступил на Нюрнбергском процессе свидетелем, и достаточно известные факты представил столь запутанными, что был освобожден от дальнейшей дачи показаний. Денацификация Видемана не коснулась. Поверили, что он участвовал в заговоре главы абвера адмирала Канариса, а вернее Гиммлера, с целью свержения Гитлера. ФБР так никогда и не направило пухлые досье на этого дипломата и графиню в Нюрнберг — никто об этом и не просил. «Братство» и на этот раз плотно сомкнуло ряды.

С окончанием Нюрнбергского процесса правду о деятельности «братства» постарались похоронить. Шахт, который знал, как никто другой, финансовое положение нацистской Германии, устроил на суде великолепный спектакль. На вопросы главного обвинителя Роберта Джексона он отвечал либо презрительно, либо насмешливо. Шахту предъявили обвинение в соучастии в тяжелейшем преступлении против человечества — развязывании войны. Однако дело на процессе было представлено так, будто Шахт действовал лишь в рамках политики нейтралитета, проводимой «братством». Конечно же, Шахта оправдали¹. А он мог бы поведать во всех подробностях о тайной деятельности «братьев». Тем не менее лишь однажды при перекрестном допросе Шахт обмолвился о сложностях, связанных с доставкой в Берлин австрийского золота². А это значит, что он хорошо был осведомлен о финансовых операциях нацистов. Ни разу Шахта, далее выступавшего на процессе свидетелем, не спросили ни о Банке международных расчетов, ни о Томасе Х. Маккитрике. Мемуары Шахта не дают абсолютно никакого представления о том, что он знал в действительности.

К счастью для «братства», Геринг и Гиммлер покончили с собой, похоронив тем самым тайны, которые Шарль Бедо, Уильям Родс Дэвис, Уильям Уэйс и Уильям С. Фэриш хранили до самой могилы. Джеймс Форрестол тоже покончил жизнь самоубийством. В 1949 году он

¹ За соучастие в составлении и осуществлении заговора против мира и человечности Гельмар Шахт вместе с другими главными нацистскими военными преступниками был предан суду Международным военным трибуналом в Нюрнберге (20 ноября 1945 г.—1 октября 1946 г.). Независимо на решительный протест советских членов суда, представители США и Великобритании добились принятия решения об его оправдании. При этом они выполняли волю тех монополистических кругов западных держав, которые оказывали германскому империализму экономическую поддержку накануне и в ходе второй мировой войны, с тем чтобы его руками если не уничтожить, то хотя бы существенно ослабить Советский Союз. После войны Г. Шахт учредил собственный банк, финансировавший ремилитаризацию ФРГ.

² А ни чешского, ни бельгийского, ни датского.— *Прим. авт.*

повесился в оконном проеме военно-морского госпиталя «Бетсесда» в Вашингтоне, куда его поместили по причине прогрессирующей параноидной шизофрении.

Что касается других членов «братства», то их жизнь в послевоенный период шла своим чередом, вполне спокойно и размеренно.

Когда Германия капитулировала, Герман Шмиц, бежав из Франкфурта, укрылся в местечке около Гейдельберга. Во время бомбежек, спрятавшись между сиденьями в железнодорожном вагоне, этот могущественный господин испытывал неподдельный ужас от грохота разрывающихся бомб... Пришедшие американские войска обошлись с ним крайне мягко — он был арестован, но содержался в хороших условиях благодаря заступничеству всемогущих друзей. На нем и его сообщниках лежала ответственность за уничтожение в лагере смерти Освенцим миллионов людей. Тем не менее их судили не как военных преступников, повинных в массовых убийствах, а по обвинению в подготовке и планировании агрессивной войны и связанных с этим деяниях. Изначальным намерением обвиняемых, как выяснилось, было создание всемирной фашистской империи — причем по возможности без военной конфронтации. Поскольку их основной целью было превращение Германии всего лишь (!) в одну из составных частей «Соединенных Штатов Фашизма», то первое обвинение с них сняли, а другие, менее тяжкие, повлекли незначительные меры наказания.

Похудевший Шмиц, все с той же пикантной бородкой, принял воистину мудрое решение: притворился больным и показаний на процессе не давал. Однако его часто можно было видеть в зале заседаний. Лишь единственный раз Шмиц открыл рот, но не для того, чтобы сделать заявление, нет: набравшись наглости, он обратился в конце разбирательства к судьям и принялся цитировать св. Августина и Авраама Линкольна. В тюрьме после суда он провел всего восемь месяцев.

Макс Ильгнер также проявил чудеса изворотливости. Он заявил обвинителям, что после тюрьмы намерен стать священником, и действительно стал им.

Дело о шпионаже не было возбуждено — поисками героев трансатлантических авантур никто не занимался. Так же как и Рудольф Ильгнер, Дитрих Шмиц остался безнаказанным и спокойно дожидал свои дни на птицеферме в Коннектикуте. Неоднократно в ходе судебных разбирательств 40-х годов Шмицу и Ильгнеру косвенно предъявлялись обвинения, однако дело против них так и не было возбуждено.

8 сентября 1944 года Рузвельт направил Корделлу

Хэллу письмо, которое потом обошло первые полосы газет. В нем президент решительно заявлял: «История о том, как использовали нацисты концерн «И. Г. Фарбен», напоминает захватывающий детективный роман. Наряду с разгромом нацистской армии следует покончить навсегда с орудиями ведения экономической войны».

Однако военная администрация союзников, оказывавшая покровительство «братству», заняла иную позицию. Она настаивала на легком наказании руководителей «И. Г. Фарбен» и сохранении концерна. Моргентаву в связи с этим заявил протест Рузвельту. Президент не стал тратить время понапрасну и отправил Моргентаву в сентябре 1944 года на англо-американскую конференцию в Квебек (Канада)— пусть там и обсудит эту проблему.

Министр финансов изложил в Квебеке план, получивший название «план Моргентаву» — нежизненный и нереальный. В его разработке принял участие Гарри Декстер Уайт. Хорошо знавший о тайных интригах и махинациях, Уайт настаивал на полной ликвидации не только «И. Г. Фарбен», но и некоторых отраслей промышленности Германии: военной, химической и металлургической. Словом, будущая Германия представлялась ему страной аграрной; Рузвельт, по-видимому, был с ним согласен. Так, в декабре 1944 года под влиянием Моргентаву президент сделал через Джона Вайнанта заявление, в котором призвал уничтожить военно-промышленную машину Германии. Но уже тогда в план начали вноситься некоторые компромиссные изменения — «правые» обрушили на Моргентаву поток брани, а большой президент начал склоняться к менее решительным мерам. На Ялтинской конференции в феврале 1945 года Рузвельт, разделяя мнение Моргентаву, способствовал принятию решения о разделе Германии на восточную и западную зоны, за что впоследствии его подвергли жестокой критике¹.

С воцарением в Белом доме Трумэна Эйзенхауэр, как командующий союзными войсками в Европе, продолжал действовать в духе Моргентаву. Он стремился к искоренению нацизма — во избежание развязывания третьей мировой войны. Однако мнения Трумэна и Эйзенхауэра разош-

¹ На Ялтинской (Крымской) конференции (4—11 февраля 1945 г.) было принято решение не о «разделе Германии», а об установлении зон оккупации Германии на период выполнения ею основных требований безоговорочной капитуляции. Целью установления зон оккупации являлось проведение мероприятий по денацификации и демилитаризации Германии и создание гарантии того, что она «никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира». (См.: История дипломатии. М., 1976. т. 4. с. 555—563.)

лись. Президент считал, что превратить Германию в аграрную страну означает расчистить путь большевизму. Генерал Джордж Паттон¹ был с ним полностью согласен. После войны он помог многим нацистам вернуться на работу в различные немецкие учреждения.

Тех, кто прибывал из США в Германию с намерением ликвидировать концерны, с самого начала ожидали препятствия и трудности. Одним из таких энтузиастов был молодой и способный адвокат либеральных взглядов Расел Никсон — сотрудник управления по расследованию деятельности картелей и выявлению заграничных активов. Его предложения с самого начала встретили сопротивление. Дело в том, что Никсон непосредственно подчинялся бригадному генералу Уильяму Дрейперу, который наряду с Джеймсом Форрестолом являлся одним из вице-президентов банка «Дилон, Рид энд компани», финансировавшего Германию после первой мировой войны. Никсон быстро сообразил, что Дрейпер, начальник экономического управления, и Мерфи, посол США в Германии, перед этим работавший в Северной Африке, будут ставить ему палки в колеса. Прибыв в Германию в июле 1945 года, Никсон обратился к полковнику Пиллсбери, уполномоченному по контролю над «И. Г. Фарбен». Его интересовало, что было сделано за минувшие со дня победы месяцы для осуществления директивы Эйзенхауэра о ликвидации предприятий концерна. Пиллсбери сказать ничего не смог и вполне серьезно спросил, есть ли у Никсона полномочия вести расследование деятельности концерна. Расспросив сотрудников Дрейпера, Никсон сумел узнать лишь одно — тот не потрудился дать им письменных распоряжений о закрытии предприятий «И. Г. Фарбен».

Некто Джозеф Додж сообщил Никсону, что дал указания своей группе ликвидировать завод отравляющих газов, принадлежавший «И. Г. Фарбен», но Дрейпер отменил их. Когда Додж попытался уничтожить подземный завод «И. Г. Фарбен» в Мангейме, Дрейпер вновь помешал. Вскоре после этого тот же сотрудник сообщил Никсону, что по инициативе бригадного генерала объем производства на обоих заводах увеличился.

Возмущенный Никсон начал действовать через голову

¹ *Джордж Паттон* (1885—1945) — американский генерал. В 1944—1945 гг. командовал 3-й американской армией, участвовавшей в операциях англо-американских войск во Франции и Германии. Отличался реакционностью взглядов и воинствующим антисоветизмом. После капитуляции фашистской Германии некоторое время был военным губернатором в Баварии. Пытался воспрепятствовать разоружению немецко-фашистских войск, ратуя за развязывание войны против СССР.

Дрейпера. Так, 17 декабря 1945 года он сообщил американскому верховному комиссару в Германии генералу Луциусу Д. Клею: приказы Эйзенхауэра намеренно не выполняются, а заверения Дрейпера, опубликованные в печати, будто все предприятия «И. Г. Фарбен» уничтожены во время авиационных налетов или ликвидированы, голословны — заводы находятся в рабочем состоянии. Все они, утверждал Никсон, уцелели от бомбардировок благодаря командующему армейской авиации США, генералу Генри Арнольду.

Клей выслушал разоблачения, но мер никаких не принял. Далее выяснилось, что оборудование на заводах «И. Г. Фарбен» не демонтируется на основании специальных распоряжений из Вашингтона. 15 января 1946 года, разбирая досье, Никсон обнаружил написанное Максом Ильгнером письмо от 15 мая 1944 года, адресованное финансовому отделу правления «И. Г. Фарбен». Серьезный документ! В нем были изложены инструкции сотрудникам «поддерживать друг с другом постоянные контакты» в оккупированной Германии, поскольку американские власти непременно дадут разрешение на возобновление деятельности концерна. Итак, глава разведсети «Н. В.-7» работавший на «И. Г. Фарбен», сумел точно предсказать будущее — он лучше, чем кто-либо другой, знал американцев, с которыми имел дело.

Никсону чинила препятствия не только американская администрация, но и английская. Лейбористское правительство Великобритании испытывало серьезные финансовые трудности и потому было заинтересовано в промышленных связях с Германией. Как и правительство США, оно всемерно способствовало сохранению статуса «И. Г. Фарбен». Так что, когда Расел Никсон на заседании Объединенного комитета начальников штабов обратился к сэру Перси Милсу с просьбой повлиять на Клея и Дрейпера, тот попросту затянул дело еще больше. В результате к 1946 году практически все, кто стоял во главе экономики нацистской Германии, находились на свободе.

Никсону все-таки удалось возбудить дело против некоторых из них: Пауля Денкера, старшего бухгалтера отдела отравляющих газов концерна «И. Г. Фарбен», Карла фон Хейдера, директора по сбыту неорганических химикатов, Ганса Куглера, директора по сбыту красителей, Гюнтера Франка-Фале и Курта Крегера из шпионской организации Ильгнера, а также Гюстава Купера, возглавлявшего юридическую службу отдела красителей. Тем не менее никто из них не был арестован. Никсон хотел также привлечь к суду директоров банков, непосред-

ственно сотрудничавших с «И. Г. Фарбен», а именно «Дейче банк», «Дейче лендерсбанк», «Рейхсбанк» и «Дрезднер банк». Он намеревался узнать от них о местонахождении награбленного немцами золота, включая золотой запас Австрии и Чехословакии, перечисленный через БМР. И опять препятствие — Дрейпер приказал контрразведке не производить арестов. Тогда Никсон связался с Вашингтоном, и после продолжительной задержки приказ Дрейпера отменили. Однако, лишь только банковские служащие были доставлены в месторасположение американских войск, командированный Дрейпером генерал-майор Эдсок привез приказ об их освобождении. Никсона обвинили в нарушении субординации. Он должен был предстать перед военным судом, поскольку не согласовал своих действий с Дрейпером.

Позднее в отчете сенатору Оуэну Брюстеру из комиссии по военным делам в Вашингтоне Никсон указывал, что к весне 1946 года из 200 тыс. руководителей промышленности и гестапо были арестованы только 85 тыс. Глубокое возмущение Никсона вызвал тот факт, что крупнейший фашистский промышленник Рихард Фрейденберг не понес вообще никакого наказания. Тот в свое время вместе с Герингом и Карлом Краухом занимался разработкой 4-летнего плана и входил в совет директоров Банка Шрёдера. Когда Никсон на основании директивы № 1067 объединенной группы начальников штабов осмелился отдать приказ о его аресте, комиссия по денацификации во Франкфурте четырьмя голосами против одного решила, что на Фрейденберга положения директивы не распространяются, а посол США в Германии Роберт Мерфи отдал приказ о его освобождении. При этом Мерфи сделал любопытное заявление: «Перспектива уничтожения частной собственности нежелательна для Америки». По-видимому, для Америки куда более желательным было восстановление высокопоставленных нацистов на их прежних должностях. Один из сотрудников промышленного отдела военной администрации, сам того не сознавая, подтвердил мнение Мерфи. Как-то не без юмора он заметил: «Этот Фрейденберг — чрезвычайно предприимчивый промышленник, своего рода Генри Форд». Оспаривать не станем...

Зимой 1946 года Дрейпер поручил одному сотруднику установить контроль за деятельностью Никсона. Им оказался Карл Петерс, который при Кроули осуществлял негласный надзор за управлением зарубежных экономических связей. Кроме того, он был одним из директоров «Адванст солвентс корпорейшн», дочернего предприятия «Дженерал анилайн энд филм». В свое время ему

официально предъявили обвинение в связях с противником, однако хода делу не дали, а Петерс через некоторое время появился в Пентагоне в звании полковника. Установив контроль над Никсоном, он стал принимать меры к освобождению германских промышленников и опять превратил старый норвежский завод «Норамко» в дочернее предприятие «И. Г.».

Никсон решил — с него хватит! — и вернулся в Соединенные Штаты. Он подробно доложил о том, как следственная комиссия во главе с Килгором покрывает нацистов. Он заявил, что кое-кто в госдепартаменте США, в министерствах иностранных дел Великобритании и Франции сознательно препятствует розыскам союзниками авуаров нацистов в нейтральных странах, поскольку могут вскрыться подробности деятельности фашистских сил в Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции и Аргентине в пользу нацистской Германии и тогда «всплывут все факты сотрудничества с этими силами некоторых промышленников в союзных странах».

В Европу прибыл из Вашингтона юрист Джеймс Мартин во главе специальной группы министерства юстиции. Оказавшись в Буши-парк в Лондоне, где располагалось командование войсками США в Европе, он обнаружил, что поступил в подчинение к полковнику Грэму Говарду из «Дженерал моторс». Мартин заявил протест в разведуправление, указав на связи «Дженерал моторс» с фашистами. Тем не менее все осталось по-прежнему. Однако Мартину удалось найти книгу Говарда «Америка и новый мировой порядок», и военным властям из-за боязни возмутить общественность пришлось отправить Говарда домой.

Мартин установил местожительство Герхарда Вестрика, положение которого в Германии в последний год войны стало чрезвычайно опасным. После казни по обвинению в измене генералов Фелльгибеля и Тиле он умудрился продержаться почти до конца войны. Этот деятель «братства» бежал из Берлина, когда город стал подвергаться бомбардировкам, а его собственный дом был разрушен. Он скрылся в одном из замков юго-западной Германии. Бен, явно опасаясь разглашения своих связей с Вестриком, не отвечал на его письма, взывающие о помощи. Бен договорился со своими армейскими друзьями, чтобы они доставили Вестрика в Париж. Там, в отеле «Кларидж», он представил полный отчет о состоянии предприятий ИТТ в Германии полковнику Александру Сандерсу, занимавшемуся этим концерном.

Вестрик был приговорен к непродолжительному заключению и вскоре освобожден, но затаил жгучую обиду

на Бена, допустившего даже такое мягкое наказание.

Мартин также установил, что Лео Кроули и Эрнст Холбах—эти опекуны «Дженерал анилайн энд филм»— в ответ на запрос представить сведения о том, кто действительно владел ДАФ через «И. Г. Хеми», порекомендовали обратиться к Аллену Даллесу. Однако глава управления стратегических служб США сведения по интересующему Мартина вопросу представить не смог.

В главном правлении «И. Г. Фарбен» во Франкфурте Мартин обнаружил документацию, которая подтвердила его ранние предположения о том, что Шмиц вынашивал планы покорения всего мира, достижения победы при поддержке США. Он начал понимать, почему Шмиц и другие деятели «И. Г. Фарбен» оказались в оппозиции Гитлеру. Несомненно, Гитлер собирался обрушить на Соединенные Штаты бомбардировщики Геринга, как только будут созданы самолеты большой дальности. Лояльность Шмица по отношению к американским коллегам вполне объяснима—он предпочитал сохранить с ними альянс и в будущем, если бы пришел к власти Гиммлер или ряд небезызвестных генералов. Они бы, считал Шмиц, поддержали его планы о заключении мира путем переговоров.

Обнаруженные документы проливали свет на продолжавшееся и во время войны сотрудничество Шмица с Соединенными Штатами. В 1943 году в «Петролеум таймс» появилась статья Гэслэма из «Стандард ойл». В ней утверждалось, что контакты с «И. Г. Фарбен» были выгодны правительству США. В одном же из специальных отчетов «И. Г. Фарбен» отмечалось: с ведома военного министерства США Германия получала от своих американских друзей бесчисленные услуги (например, поставки тетраэтила). Далее в отчете указывалось: «К началу войны мы были полностью подготовлены в техническом отношении. Мы применяли методы производства, исходя не только из собственного опыта, но и заимствуя их у «Дженерал моторс» и других крупных производителей автомобилей». Также отмечалось, что «Стандард ойл» продала «И. Г. Фарбен» минеральных масел и авиационного бензина на сумму 20 млн. долларов. В заключение в докладе подчеркивалось: «Тот факт, что нам удалось по требованию правительства Германии закупить эти продукты у «Стандард ойл компани» и объединения «Ройал датч Шелл» в таких количествах и ввезти их в нашу страну, можно объяснить лишь содействием „Стандард ойл компани“».

Мартин обнаружил еще более невероятные вещи— в 1944 году «И. Г. Фарбен» предоставил дочернему пред-

приятию «Стандард», принадлежавшему Карлу Линдеманну, кредит в 50 млн. марок. Компания функционировала в Германии и деньги получила через «Дейче лендерсбанк», полностью принадлежавший «И. Г. Фарбен», а председателем банка был Герман Шмиц.

Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что дела «Стандард ойл» в фашистской Германии процветали, а его немецким дочерним предприятиям выплачивались значительные суммы на основе довоенных соглашений.

Мартину и его людям чинили препятствия на каждом шагу. В своей книге «Братство бизнеса» он писал: «В Германии нам мешали не немецкие, а американские бизнесмены.

Те, кто нам мешал, действовали из Соединенных Штатов, но действовали не открыто. Нам мешал не какой-нибудь закон, утвержденный конгрессом, не приказ президента США, не решение президента или кого-либо из членов кабинета об изменении политического курса. Короче говоря, формально мешало нам не «правительство». Но мешавшая нам сила, как это совершенно ясно, держала в своих руках те рычаги, при помощи которых обычно действуют правительства.

Перед лицом растущей экономической мощи правительства относительно бессильны, и это, конечно, не новость»¹.

Именно с этой закулисной деятельностью столкнулся Джеймс Мартин и его люди, начав свою работу над документацией осенью 1945 года. Спустя год многие фашисты из непосредственного окружения как самого Гитлера, так и Шмица продолжали оставаться на свободе. Коллега Шмица, один из директоров «Дейче банк», Герман Абс, к тому времени уже стал советником по финансовым вопросам в английской зоне. Здесь же другой партнер Шмица, Генрих Динкельбах, управлял металлургической промышленностью. А еще один директор сталелитейного союза, Вернер Карп, ближайший друг барона фон Шрёдера, вышел из заключения и стал партнером Динкельбаха.

Так обстояло дело с приказом Эйзенхауэра о денацификации германской промышленности. «Нацистские главы,— писал Раймон Даниэль в «Нью-Йорк таймс» 20 сентября 1945 года,—сохранили возможности по-прежнему держать под контролем машину, с помощью которой Германия развязала войну».

¹ Дж. Мартин. Братство бизнеса (Почтенные все люди...). М., ИЛ, 1951, с. 319.

Даниэль продолжал:

«Плачевные результаты программы денацификации... свидетельствуют о колоссальном могуществе людей, чьи националистические и милитаристские взгляды представляют собой полную противоположность идеалам демократии... В промышленности, в области транспорта и связи невыполнение указаний генерала Эйзенхауэра особенно прискорбно... Не соблюдая положений приказов, служащие армейских и военных учреждений проявили непростительное попустительство. Там, где им не удалось уклониться от исполнения приказов полностью, они действовали в обход их, классифицируя важные предприятия иным образом и давая им другое название, тем самым оставляя нетронутой их нацистскую сущность».

Далее Даниэль писал:

«Что касается плана продажи собственности наиболее активных нацистов, то здесь успех был крайне малым, хотя результат ожидался обратным, коль скоро их банковские счета были заморожены. В настоящее время рассматривается предложение о выплате прежних окладов бывшим фашистским служащим, которые, теперь находясь под арестом, предоставляют информацию оккупационным властям. Иными словами, предлагается тем, кто сотрудничал с нацистами и представляет сейчас для нас интерес, оплачивать услуги примерно в том же размере, как это делали прежние хозяева».

В октябре 1945 года Мартин в ходе расследования обнаружил следующее: генерал Дж. Паттон откровенно саботировал выполнение решений Потсдамской конференции¹, предусматривавших ликвидацию концерна «И. Г. Фарбениндустри». На самом деле он был разделен на составлявшие его компании, и они продолжали функционировать под руководством ряда подчиненных Шмица, занявших к тому времени более ответственные посты. Одновременно с этим комиссия Килгора 5 ноября 1945 года сообщала в Вашингтон, что швейцарские банки под руководством БМР и Швейцарского национального банка нарушали соглашения, заключенные

¹ Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств СССР, США и Великобритании проходила в Потсдаме (пригород Берлина) с 17 июля по 2 августа 1945 г. Главное место на конференции занял германский вопрос. Было вынесено решение, что в Германии подлежат ликвидации все военные и фашистские организации, вооруженные силы и военные запасы, а также вся промышленность, которая может быть использована для военного производства. Правящие круги США и Великобритании в одностороннем порядке нарушили эти решения, так как уже тогда они вынашивали планы использовать германский империализм в качестве союзника в борьбе против СССР.

к концу войны, а именно: допускали финансовые сделки, в результате которых нацисты получали награбленные богатства. Сенатор Харли Килгор заявил: «Хотя правительство Швейцарии заверило, что германские авуары будут заморожены, немцы путем махинаций сумели добиться доступа к своим средствам в Швейцарии и могут, осуществляя продажу награбленного золота, получать крайне необходимую им иностранную валюту. Они имеют возможность утаивать свои экономические резервы для будущей войны. Эту возможность они получили благодаря готовности правительства Швейцарии и ее банковских служащих заключить тайные сделки с нацистами в нарушение их соглашений с союзными державами...» Существенная доля этой информации была представлена Килгору людьми Мартина и специальной группой из министерства финансов. Они также обнаружили одно письмо от Эмиля Пуля д-ру Вальтеру Функу от 30 марта 1945 года, в котором сообщалось: «Прежде всего я настаивал (в Швейцарском национальном банке), чтобы мы получали швейцарские франки в обмен на рейхсмарки, которые Рейхсбанк может выдавать беспрепятственно. Это важно, поскольку такая возможность позволит нам использовать эти франки для перевода денежных средств в третьи страны».

В 1945 году находившаяся в Швейцарии миссия, которую возглавлял советник по вопросам экономики Лочлин Карри, разрешила использовать золото для оплаты расходов посольства. Пуль вынудил швейцарцев перекупить германское золото. В письме, последовавшем от Пуля Функу 6 апреля 1945 года, сообщалось: «Все-таки, по моему, неплохо, что нам удалось заключить со швейцарцами финансовую сделку. Как бы события ни развивались далее, такого рода контакты всегда будут существовать между нашими странами, и факт наличия соглашения о контрактах может оказаться в будущем чрезвычайно важным. В любом случае что-либо иное, как-то разрыв многочисленных контактов, вызвал бы в конечном итоге чрезвычайные трудности».

Через день после того, как комиссия Килгора выступила с разоблачениями, Мартину и группе из министерства финансов было категорически запрещено продолжать расследование. 16 ноября Раймон Даниэль писал в «Нью-Йорк таймс», что специалисты, намеревавшиеся найти утаенные фашистами средства, неожиданно оказались в странном положении. «В результате,— заключал он,— 140 служащих министерства финансов сегодня вечером гадают, отзовут их обратно или велят и впредь составлять никому не нужные отчеты».

На протяжении всех этих трудных недель Мартин со своими сотрудниками и группа из министерства финансов вели жестокий спор с Дрейпером и его подчиненным Чарльзом Фае из подразделения юридической службы, которые открыто игнорировали обязательные положения Потсдамской конференции. Расел Никсон сочувствовал их большей частью бесполезным попыткам покончить с могуществом промышленников в Германии и за океаном. Он говорил: «Военная администрация ни во что не ставит экспертов из министерства финансов». Более того, он заявил, что Дрейпер вообще отказался денацифицировать финансовые учреждения в Германии.

В Вашингтоне полковник Бернард Бернштейн из министерства финансов обрушивал мощные удары на «И. Г. Фарбен» на заседаниях комиссии Килгора. Он обвинил «Стандард ойл» в том, что концерн заключил соглашение с врагом по синтетическому каучуку, контракт на авиационный бензин стоимостью 20 млн. долларов, а также по поставке тетраэтила на сумму в 1 млн. долларов. Непосредственными организаторами этих поставок филиалам «И. Г. Фарбен» в Южной Америке после событий Перл-Харбора он назвал Эрнста К. Холбаха и Хью Уильямсона из ДАФ. Бернштейн заявил, что 6 процентов обыкновенных акций «И. Г. Фарбен» во время второй мировой войны принадлежало Дюпонам и что швейцарские банки в один голос отказались предоставить информацию по «И. Г. Хеми». Килгор следующим образом комментировал эти разоблачения: «Меня глубоко тревожит ряд недавно происшедших событий, свидетельствующих о моральной поддержке и даже поощрении некоторыми нашими руководителями фашистских тенденций в экономической и политической жизни Германии». Он также сообщал, что Дрейпер проигнорировал данные ему шесть месяцев назад указания об уничтожении заводов «И. Г. Фарбен», добавив, что госдепартамент явно поддерживает проводимую Дрейпером политику.

Представитель военной администрации США в Германии, имени которого названо не было, на страницах рождественского 1945 года номера «Нью-Йорк таймс» выступил с опровержением заявления Килгора. Он утверждал, что против концерна «И. Г. Фарбен» были приняты меры и что на самом деле «вопрос об «И. Г.» рассматривался на уровне четырех держав». Он подчеркнул, что Соединенные Штаты, Великобритания, Франция и Россия контролируют ту или иную часть «И. Г. Фарбен» в силу его разобобщенной структуры. Но он забыл при этом добавить, что из четырех держав только Россия попыталась разрушить эту структуру.

Шел июль 1946 года. Джеймс Стюарт Мартин по-прежнему не жалел сил, чтобы выявить правду о нацистско-американских деловых соглашениях. Однако его интересы отнюдь не разделял бригадный генерал Александр Крестер, вновь назначенный экономический советник Дрейпера. Этот авантюрист в свое время состоял партнером Шарля Бедо по банку «Вормс». На сцене появился также Гордон Керн из ИТТ. Он якобы был советником, однако на самом деле занимался переводом заводов «фокке-вульф» из советской зоны в американскую. С его помощью войска связи стали использовать принадлежавший фашистам завод ИТТ, тем самым предотвратив его ликвидацию. По его инициативе Вестрик оказался в Швейцарии, чтобы заполучить из швейцарских банков германские патенты ИТТ.

В октябре 1946 года Килгор и члены сенатской следственной комиссии по делам, связанным с войной, прибыли в Германию, намереваясь установить, почему попытки декартелизации фашистской экономики постоянно встречали на своем пути препятствия. Джордж Мидер, юрист-консульт комиссии, подготовил тысячи страниц показаний офицеров армии США. Несколько недель спустя, когда расследование еще не было закончено, Аверелл Гарриман (из компании «Браун бразерс энд Гарриман»), преемник Джесси Джонса на посту министра торговли, направил Филипа Рида со срочным поручением в Берлин для переговоров с Дрейпером. Рид, возглавлявший «Дженерал электрик», в свое время финансировал Гитлера и в угоду Круппу скрывал запасы карбида вольфрама.

Одновременно в Вашингтоне Килгор негласно провел двухчасовую беседу с генералом Луциусом Клеем. Содержание ее навсегда осталось в тайне.

Клей вернулся в Германию в декабре, будучи глубоко уязвленным критикой своей деятельности. Он организовал встречу Дрейпера и Филипа Рида в кабинете своего советника по финансовым вопросам Джека Бенета. В ходе встречи Ричард Спенсер из юридического отдела Клея подверг критике политику Трумэна в области денацификации и ликвидации «И. Г. Фарбен». Рид сообщал Гарриману, что расследование деятельности этого концерна и чрезмерная активность американцев, руководимых Мартином, свидетельствуют об «экстремизме» последнего, с чем следует покончить немедленно.

Подробный отчет Дж. Мидера, убийственный в подробностях и убедительный по фактам, был чересчур резок даже для Килгора. Помимо прочего, в нем говорилось: «Я бы выразил это следующим образом: если бы нашу страну оккупировала Германия и мы оказались бы в

ее власти, некоторые люди в числе первых стали бы сотрудничать с оккупантами и играть определенную роль в деловой жизни Германии».

Военный министр Роберт Патерсон на это заявил, что выводы Мидера «искажают и дают зачастую ошибочное представление об американской зоне». Генерал-лейтенант Дэн Салтен, генеральный инспектор армии, также подверг критике выводы Мидера, утверждая что они являются «голословными». Тем не менее отчет Мидера составлялся на основе достоверных сведений, согласно которым, в частности, многие офицеры оказались замешанными в коррупции, махинациях и связях с нацистами.

Среди других показания дал один из руководителей армейской разведки при Клее, бывший сотрудник управления стратегических служб, полковник Фрэнсис Милер. Он утверждал, что «для руководства важными экономическими вопросами в военную администрацию привлекались служащие, имевшие связи в промышленности США, что могло оказать влияние на их мнения и поступки». Он настоятельно советовал прибегнуть к активной помощи армейской разведки для выявления случаев должностных преступлений среди руководства.

В декабре того же года комиссия Килгора извлекла на свет многочисленные скандальные истории. Мидер представил сведения, согласно которым Дрейпер заявил группе приезжих журналистов, что программа денацификации тормозит экономическое развитие.

Предпринимались попытки отойти от проводимой Трумэном политики изъятия у фашистов патентов. Инициатором этого был один из руководителей «Ю. С. стил корпорейшн», имя которого осталось в тени по причине его связей со сталелитейной империей Шмица и Круппа. Этот «инкогнито» призывал к немедленному возобновлению деятельности германского патентного бюро. Вышеупомянутый руководитель также ратовал за полное прекращение проведения обследований германских заводов. Филипс Хокинс заявлял в ответ, что восстановление патентной системы и прекращение контрольной деятельности было бы губительным для декартелизации.

Комиссия установила, что генерал Клей направил Дрейперу резкое послание относительно целесообразности денацификации промышленности. Подчеркивая, что могут возникнуть серьезные проблемы между администрацией и рабочими, он во всеуслышание отчитал Дрейпера, сохранившего руководящие посты за нацистами.

Был зачитан целый ряд писем Джеймса Стюарта

Мартина, которые свидетельствовали о причинах, вынудивших его пойти на попятную. Он назвал имя—хотя вслух оно произнесено потом не было—одного американского промышленника, который пытался установить в Германии монополию на пенициллин путем перекупки одной за другой американских корпораций, связанных с нацистами. В числе их значилась и «И. Г. Фарбен». Он также заявил, что определенные круги в Вашингтоне способствовали получению разрешения на въезд в Германию по специальным пропускам компаниям ИТТ, «Нэшнл кэш реджистер» и «Зингер».

Обвинения, выдвинутые Мидером, Килгор «разоблачил» в прессе. Возмущенный Джеймс Стюарт Мартин оставил свой пост. Его преемник Филипс Хокинс женился на дочери генерала Дрейпера.

В феврале 1947 года Ричардсон Бронсон, младший инспектор при Мартине, сократил на одну четверть штат его группы и заявил, что декартелизация «И. Г. Фарбен» и других предприятий тяжелой промышленности Германии прекращается. Впредь она будет осуществляться только в отношении мелких фирм, производящих товары потребления. Это решение получило одобрение бывшего президента США Герберта Гувера, который в 1931 году принимал в Белом доме Германа Шмица. В результате проведенной инспекционной поездки Гувер пришел к выводу, что концернам «И. Г. Фарбен» и «Крупп» следует предоставить возможность восстанавливать Германию.

Тех одиночек, которые пытались протестовать против таких изменений, военные убрали с пути как «красных». Однако кое-кто все же критиковал Дрейпера. Так, Александр Сакс, работавший с Джеймсом Мартином, в 1948 году сообщил комиссии Фергюсона по декартелизации, что «политика администрации как Рузвельта, так и Трумэна подвергалась грубым искажениям теми самыми лицами, которые были обличены наибольшим доверием для проведения этой политики». Сакс был вынужден уйти в отставку.

Что касается «Дженерал анилайн энд филм», то против этого несокрушимого столпа «братства» оказались тщетными все усилия Моргентау и министерства финансов. Продолжая традиции своего отца, Роберт Кеннеди, будучи министром юстиции, уберег компанию от ликвидации. 9 мая 1965 года ДАФ была продана на аукционе, причем страсти разгорелись такие, подобных которым еще не знала Уолл-стрит. Покупателям, выложившим 340 млн. долларов, оказался филиал «И. Г. Фарбен» в Германии.

Боровшиеся против «братства» пострадали куда больше членов самого сообщества.

В 1948 году комитет палаты представителей, занимавшийся вопросами антиамериканской деятельности, в ходе одной из своих разнузданных кампаний клеветы, заклеил верных сподвижников Моргентау Гарри Декстера Уайта и Лочлина Карри «большевистскими агентами». Моргентау и его люди из министерства финансов были скомпрометированы в глазах общественности. Против них использовались голословные утверждения некоей Элизабет Бентли, «признавшей» в шпионаже в пользу Советского Союза. Слушания, организованные комитетом, сломили Уайта и Карри, этих убежденных врагов фашизма, благодаря которым была вскрыта преступная деятельность Банка международных расчетов, «Стандард ойл», «Чейз нэшнл», «Нэшнл сити бэнк», семейства Морганов, Уильяма Родса Дэвиса, «Тексас компани», ИТТ, РКА, СКФ, ДАФ, «Форд мотор компани» и «Дженерал моторс». Карри переехал куда-то в Колумбию, а в 1956 году был лишен американского гражданства. Уайт умер от сердечного приступа 16 августа 1948 года в возрасте 56 лет, вернувшись домой после очередного дознания.

Итак, если уцелевшие руководители «братства» процветали по-прежнему, собирая силы для послевоенного сотрудничества, то осмелившиеся пролить свет на их деяния, понесли за это жестокое наказание. Посему руководители «братства», ушедшие в мир иной, могут спать спокойно.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абец, Отто 32, 48—51, 209, 210, 215
Абс, Герман 237
Агирре, Эрнесто 130, 131
Айнциг, Поль 26, 27
Аллен, Уильям 160
Альберт, Генрих 14, 114, 167, 178—182, 184
Андерсон, Джон 37
Антонеску, Ион 61
Арнольд, Генри 146, 233
Арнольд, Тэрмен 70 — 75, 77, 81, 176
Ауэр, Эрхард 179
Ауэрслер, Фултон 203
Аццолини, Винченцо 23
Ачесон, Дин 8, 35, 36, 65, 66, 84, 85, 91, 146, 147, 149, 152, 184
- Барт, Альфред 45, 53
Барух, Бернард 79
Батлер, Смедли Дарлингтон 187, 188
Бедо, Шарль 189, 201, 203—213, 229, 241
Бейли, С. П. 52
Бейен, Дж. 25—27, 34
Бен, Нандо 128
Бен, Состенес 15, 42, 60, 111—114, 117—125, 128, 131, 133—136, 138—140, 155, 161, 162, 191, 195, 216, 235, 236
Бенет, Джек 241
Бенсман, Николас 203
Бентли, Элизабет 244
Бердж, Уэндел 176
Берли, Адольф 17, 64, 100—102, 104, 173, 198, 201, 209, 240
Бертран, Альберт 48—50, 55
- Бивербрук, лорд 219, 220
Биддл, Фрэнсис 51, 52, 65, 71, 162, 164, 175—177, 212, 213, 222—228
Блэйр, Фрэнк 167
Блюме, Ганс 126, 130
Блюме, Курт 130
Боле, Эрнст Вильгельм 214
Борман, Мартин 205, 206
Борхерс, Ганс 223
Борхерс, Генрих 195
Боун, Гомер Т. 75—81, 176
Бош, Карл 167
Бразуль, Борис 178, 179
Браун, Эдвард Э. (Нед) 34—36
Браун, Мигель 83
Бронсон, Ричардсон 243
Брэди, Уильям 82
Брюстер, Оуэн 234
Буазанжеде, Ив Бреар 23, 32
Буллит, Уильям Кристиан 61, 162, 163, 205, 209
Бэт, Уильям Л. 139—147, 149—153
- Вайнант, Джон 29, 86, 87, 120, 146, 184, 200, 231
Валленберг, Якоб 121, 140, 146, 148, 149, 153
Вахтлер, В. 200
Вейцзекер, Эрнст фон 208
Верле, Эрн 100, 104, 109
Вестрик, Алоиз Герхард 14, 111—118, 123, 136, 138, 167, 178—181, 194—196, 199, 235, 241
Видеман, Фриц 114, 157, 191, 203, 205, 214—224, 228
Визански, Чарльз 92

- Вильсон, Вудро 23
 Виндзорская, герцогиня 201, 203, 205—209
 Виндзорский, герцог (Эдуард VIII) 140, 201, 203—208, 215
 Вольтат, Гельмут 99, 103, 192—195
 Вольф, Фрэнсис де 122, 123
 Воян, Макс 168
 Вуд, Кингслей 31, 86
 Вурхиз, Джерри 33, 177, 209
 Вэнер-Грен, Аксель 100, 121, 140, 145, 201, 218

 Галифакс, Эдуард Фредерик 201, 202, 215, 218—220
 Галлагер, Ральф 82, 88, 89, 92
 Галопин, Александр 23, 28
 Гантт, Роберт 121
 Гарриман, Аверелл 142, 241
 Гаррисон, Леланд 84, 87, 110, 185, 200
 Гаррисон, Э. 176
 Гаффи, Джозеф 97, 106
 Геббельс, Йозеф 63, 214—215
 Георг V 140
 Георг VI 140, 215
 Геринг, Герман 11, 15—17, 31, 50, 56, 58, 60, 62, 93, 99—103, 105—107, 113, 139, 140, 150, 155, 162, 169, 179, 186, 190, 192—195, 207, 234, 236
 Гесс, Рудольф 205, 206
 Гиммлер, Генрих 33, 39, 42, 93, 96, 100, 103, 113, 117, 118, 136, 156, 192, 199, 204, 206, 214, 218, 221, 224, 228, 229, 236
 Гислинг, Джордж 223
 Гитлер, Адольф 10, 11, 17, 22, 23, 25, 28, 31, 37, 43, 47, 57, 73, 84, 91, 96, 97, 99—101, 103, 106, 107, 112, 113, 117, 118, 135, 136, 153, 156, 158—161, 169, 173, 178—180, 183, 185—195, 197, 198, 203, 205—209, 214—219, 221, 223, 224, 227, 228, 229, 236, 237, 241
 Говард, Грэм 190, 198, 199, 235
 Говард, Фрэнк А. 60—62, 71, 80, 82, 83, 92
 Гогенлоэ, Стефени 214—218, 220—228
 Голль, Шарль де 136, 196
 Гопкинс, Гарри 163, 212
 Горман, Фрэнсис 206
 Гриффис, Стентон 149, 150, 153
 Грубе, Вильгельм 120
 Гувер, Герберт 11, 154, 155, 167, 168, 220, 243
 Гувер, Эдгар 8, 17, 47, 100—102, 116, 134, 135, 173, 198, 206, 212, 217—219, 221—228
 Гюнтер, Кристиан 147

 Даладые, Эдуард 11
 Даллес, Аллен 8, 44, 135, 168, 178, 236
 Даллес, Джон Фостер 8, 28, 44, 114, 141, 163, 165, 168, 178
 Даниэль, Раймон 237—239
 Дарлан, Жан 209
 Двайер, Дадли 174
 Денкер, Пауль 233
 Детердинг, Генри 56, 96
 Джадсен, Франклин 144
 Джексон, Роберт Х. 102, 161, 221, 223, 225, 229
 Джерард, Джеймс 88
 Джефферсон, Дэвис 108, 109
 Джонс, Джесс 65, 68, 70, 74, 109, 121, 144, 162, 241
 Джонсон, Гершель 147, 149, 153
 Джоунс, Уолтер 97
 Джэкобст, Джон 77, 79
 Динкельбах, Генрих 237
 Дирборн, Ричард 79
 Додд, Томас 40
 Додд, Уильям 191
 Додж, Джозеф 232
 Долфюс, Морис 180—185
 Донован, Уильям 116

- Дрейпер, Уильям 153, 232—234, 240—243
Дуки, Й. Г. 61
Дурр, К. 122, 123, 132
Дэвис, Роберт К. 40, 124, 128—132
Дэвис, Уильям Родс 17, 19, 93—110, 171, 229, 244
Дэй, Стефен 160
Дюбуа, Джошиа 19, 20
Дювузен, Давид 84, 85, 88
Дюпоны 9, 12, 167, 185—189, 195, 198, 199, 240
Дюпон, Ирене 167, 185, 186, 189, 190
Дюпон, Ламот 167, 189, 204
- Зандзее, Готфрид 224
Зинг, Густав 65, 89
- Иглинг, Р. 119
Иден, Антони 34
Икес, Гарольд 17, 19, 67—71, 72, 74—77, 82, 91, 100, 196, 209
Ильгнер, Герман 161
Ильгнер, Макс 154, 157, 158, 161, 166, 168, 214, 216, 230, 233
Ильгнер, Рудольф 157—159, 230
Инверфорт, лорд 97
Ингелс, Гарри 138
Инглесси, Жан 86, 87
- Кагилл, Джон 53, 54
Каммингс, Гомер 159
Канарис, Вильгельм 214, 228
Карденас, Лазаро 97—98
Карильо, Алехандро 98
Карп, Вернер 19
Карри, Лочлин 18, 40, 143—146, 148, 149, 152, 184, 239, 244
Кейлау, Вильгельм 33, 34
Кейнс, Джон Мейнард 34, 36
Кейпхарт, Гомер 138
- Келлог, Фрэнк Биллингс 10
Кеннеди, Джозеф 60, 61, 192—194, 207
Кеннеди, Роберт 243
Кепплер, Вильгельм 113, 156
Керн, Гордон 241
Килгор, Харли 235, 238—243
Киллингер, Манфред фон 191
Кимбол, Гарри 223
Кирби, Джон 190
Кларк, Том 110
Кларк, Фред 186
Кларк, Чарльз 92
Кларк, Эдвард 168
Клей, Луциус 233, 241, 242
Клейтон, Уил 116
Клемм, Вернер фон 93—96, 99, 104, 105, 107, 109, 110, 154
Клемм, Карл фон 93—96, 99, 104, 105, 107—109, 154
Книрим, Август фон 92
Кнудсен, Уильям 186, 188
Кольер, Гарри 69, 109
Кон, Чарльз 168
Конкоран, Дэвид 171
Конкоран, Томас 171, 175, 177
Корп, Ральф 19
Коул, Феликс 188
Коффи, Джон М. 33, 192, 209
Кохран, Мерль 24—28, 30
Краух, Карл 154, 179, 181, 185, 234
Кребтри 211
Крегер, Курт 233
Кретер, Александр 241
Кроули, Лео Т. 109, 141, 162—165, 168, 175, 176, 236
Крупп 9, 14, 86, 241, 242
Куглер, Ганс 233
Кудер, Фредерик 28, 29
Куллидж, Кальвин 167, 168
Купер, Гюстав 233
- Ла Варре, Уильям 63, 64
Лаваль, Пьер 210—212
Лавэр, Уильям 165
Лад, Д. 225

- Ламон, Томас 188
 Ландин, Эрнст 161
 Ларкин, Джозеф 42—45, 47—56
 Лифолет-младший, Роберт 77
 Левинсон, Чарльз 199
 Лернер, Макс 213
 Лешто, Джордж 181, 182
 Ли, Айви 57
 Ли, Джон 107, 108
 Линдберг, Чарльз 107, 180, 223
 Линдемманн, Карл 42, 111, 136, 237
 Линдсей, Рональд 206
 Линкольн, Авраам 43, 230
 Липковиц, Ирвинг 77
 Литл, Норман 171, 175—177
 Ломбард, Ферн 204
 Лонг, Брекинридж 119, 127, 129—131, 133, 181, 184, 225
 Льюис, Джон 97, 98, 100, 102, 105, 106, 110
 Лэндон, Алф 189
 Люэр, Карл 199
- Майлс, Шерман 218
 Мак, Е. 162, 163
 Макатур, Дуглас 188
 Макгарра, Гейтс 23
 Макгоэй, Джон 53
 Макгиор, Джеральд 187, 188, 221—223, 225
 Макинтош, Аллен 207
 Маккарти, Чарльз 77
 Маккитрик, Томас Харрингтон 21, 22, 28—38, 40—42, 229
 Макклиток, Эрл 166, 170—172, 174, 175
 Макларин, Г. 83
 Манн, Вильгельм 166
 Манн, Генри 113
 Манн, Рудольф 169, 171
 Маркхэм, Джеймс 165
 Мартин, Джеймс Стюарт 235—243
 Маршалл, Вернер 107
 Мейер, Герард 98
 Мейер, Эмиль 28
- Мейер, Юлиус 158
 Мейли, И. 45
 Мессершмидт, Джордж 104, 190, 191, 197
 Мидер, Джордж 241, 242
 Милер, Фрэнсис 242
 Милс, Перси 233
 Мильх, Эрхард 215
 Митчел, Чарльз 154
 Мол, Альфредо Е. 161, 163, 168
 Монктон, Уолтер 208
 Монтгомери, Бернард 83
 Морган 10
 Морганы 9, 22, 28, 50, 112, 186—188, 192, 209, 244
 Моргентау, Генри 17—20, 23—29, 33, 35—37, 43, 47, 51—53, 60, 62, 65—67, 70, 84, 87, 100, 104, 109, 118, 120, 143, 145, 152, 161—163, 171, 175, 184, 200, 209, 231, 243, 244
 Моргентау, Элинора 24, 36
 Муни, Джеймс Д. 17, 19, 114, 190—199, 201, 218
 Муссолини, Бенито 10, 102, 124, 129
 Муччо, Джон 64
 Мэрфи, Роберт 32, 211, 212, 232, 234
- Нельсон, Дональд 141
 Нидерман, Карлос 48, 50—52
 Никсон, Расел 231—235, 240
 Нимейер, Отто 28, 29
 Нокс, Франклин 71
 Норман, Монтегю 25—29
 Ноултон, Хью 122, 123, 132
 Ньюсом, Эрл 81
- Оберг, Карл 211
 Обуэн, Роже 25
 Олдрич, Уинтроп 34, 35, 41—45, 47, 51—54, 112, 155
 Онезорге, Вильгельм 17, 117, 118, 135, 136, 199, 210
 Пажу, Жан 143, 144, 146, 152, 153

- Пайпер, Н. 218, 222
 Папен, Франц фон 156
 Патерсон, Роберт 148, 152, 242
 Паттон, Джордж 232, 238
 Паул, Рандольф 33
 Пелл, Гамильтон 109
 Перкинс, Мило 65
 Петен, Анри Филипп 48, 208
 Петерс, Карл 234, 235
 Пий XI 43, 112
 Пирсон, Дрю 221, 222
 Поул, Чарльз 189
 Поутит, Дуглас 149, 150
 Пробст, Отто 98
 Пуль, Эмиль 14, 18, 22, 23, 25,
 27, 28, 32, 33, 38—41, 45,
 47—49, 52, 99, 113, 114, 192,
 193, 239
 Пьюлстон, Джеймс 148
 Пэнсемэн, Анри 130
 Пюшё, Пьер 32, 183
- Рамели, Эдвард А. 167, 168
 Раскоб, Джон Якоб 186
 Рассел, Джордж 112
 Редер, Эрих 99, 119
 Редман, Джозеф 137, 138
 Рейман, Гюнтер 43
 Риббентроп, Иохим фон 93, 114,
 160, 192, 196, 215, 216
 Рибер, Торкильд 114—116, 195,
 203, 218
 Риган, Дэниэл 84—86
 Ригер, Ф. 92
 Рид, Филип 241
 Ридлбергер, Джон 198
 Рингер, Фриц 60
 Риос, Фернандо де лос 43
 Рифлер, Уинфилд 146, 147
 Рихтер, Георг 130
 Рогге, Джон 110
 Род, Фрэнсис 192
 Роджерс, Эдвард С. 168
 Родс, Сесил Джон 108, 109
 Розен, Гуго фон 139—145, 150,
 152, 153
- Рокфеллер, Авери 44
 Рокфеллер, Джон 44, 75, 76, 81
 Рокфеллер, Нельсон 65, 89, 120
 Рокфеллеры 12, 23, 41, 42, 44,
 56, 57, 65, 76
 Роммель, Эрвин 182, 210
 Ротемере, лорд 215, 216, 221
 Ротшильды 93
 Рузвельт, Франклин Делано 8,
 11, 17, 18, 24, 27, 46, 47, 51,
 59, 68—70, 74, 79, 91, 97,
 100—107, 109, 120, 125, 141,
 142, 144, 145, 159, 161—163,
 177, 186—189, 191, 193—196,
 206, 207, 218, 222, 225, 228,
 230, 231, 241
 Рузвельт, Элеанора 24, 206, 228
 Рут, Ивар 30
- Сайлинг, Филипп 129
 Саймон, Джон 26, 27, 31
 Сакс, Александр 243
 Салтен, Дэн 242
 Сандерс, Александр 235
 Сарнофф, Дэвид 125—127,
 129—133
 Свинт, Уэндел 185
 Селборн, лорд 147
 Селдес, Джордж 192
 Сириг, Вернер 173
 Слоан, Альфред 82, 186, 190,
 198, 199
 Смит, Ал 177
 Смит, Бен 207
 Смит, Джеральд 190
 Смит, Джон 199
 Смит, Леонард 46, 51, 53, 54
 Смит, Лоуренс 122, 123
 Соренсон, Чарльз 182, 185
 Спаатц, Карл 146
 Спенсер, Ричард 241
 Старнс, Р. 78, 79
 Стивенсон, Уильям 109, 217
 Стимсон, Генри 71, 148, 158
 Стоктон, Кеннет 136
 Стоун, И.Ф. 88, 164, 176, 213
 Стракош, Генри 26

Страусс, Джордж 26, 27, 31
Стюарт, Джеймс 196, 197
Стюарт, Кэмпбелл 129, 131
Суопе, Герберт Байард 219, 220

Тайер, Филип 174
Так, Пинкни 210, 211
Тамм, Эдвард 222, 223, 224
Телмедж, Юджин 190
Тигл, Уолтер 56—62, 68, 71,
73—77, 81, 82, 88, 89, 96, 154,
155, 159, 167, 204, 205, 216
Тиле, Франс 117, 118, 136, 235
Тилер, Л. 197, 198
Типпелькирх, барон фон 191
Тиссен 9
Тоби, Чарльз 35
Толедано, Ломбардо 98
Томсен, Ганс 116, 159—161, 196,
219
Тореси, Дж.С. 144
Торнбург, Макс 69, 70
Трумэн, Гарри 12, 72—77, 81,
110, 139, 171, 231, 241—243

Уайзман, Уильям 217—220, 225
Уайт, Гэрри Декстер 24, 37, 48,
51, 53, 67, 120, 149, 231, 244
Уейгенд, Максим 209
Уилер, Бэртон 105, 106, 108—
110, 137, 138, 192, 223
Уилки, Уенделл 106
Уильямсон, Хью 161, 240
Уингквист, Свен 140, 146
Уинтер, Эдуард 196, 198, 199
Уинтерботт, У. 129, 130, 132
Уитти, Фред 54
Уолдман, Генри 90
Уоллес, Генри Эгард 70, 120,
121
Уорен, Флетчер 196, 197
Уэбстер, Эдвин 180
Уэйс, Уильям 57, 115, 159, 166—
173, 178, 229
Уэллес, Сэмнер 64, 90, 128, 195,
198

Фае, Чарльз 240
Фат, Крикмор 43, 80
Фельгибель, Эрих 135, 136, 235
Фергюсон 243
Флинн, Эррол 13, 205
Фоксвортс, Перси 221, 223
Фолей, Эдвард 66, 67
Форд, Генри 19, 20, 56, 57, 84,
114, 116, 154, 167, 178—182,
192, 196, 234
Форд, Эдзел 20, 57, 115, 116,
154, 159, 178—185, 216
Форды 12, 167, 184, 185
Форрестол, Джеймс 8, 64, 159,
229, 232
Фразер, Инграм 219, 220
Франк-Фале, Гюнтер 233
Франко Баамонде, Франсиско
43, 44, 90, 91, 102, 112, 113,
119
Фрезер, Леон 33—35
Фрейденберг, Рихард 234
Функ, Вальтер 18, 22, 23, 25, 35,
39, 40, 45, 47, 114, 239
Фэриш, Уильям Стампс 55, 59—
64, 67—82, 84, 229

Хаббард, Бернард Р. 157, 158
Хамберг, Гарольд 149, 150
Хейдер, Карл фон 233
Хейс, Джордж 131, 133
Хейс, Карлтон 90, 120
Хельфферих, Эмиль 42
Хенгглер, Генри 84, 85
Хертслет, Иоахим 99—104
Хёфкен-Хемпель, А. 205
Хилл, Джеймс 172
Хилл-младший, Джеймс 54
Хокинс, Филипс 242, 243
Холбах, Эрнст К. 161, 163, 236,
240
Холлоуэр, Мартин 132
Холт, Раш 108, 161
Худек, Карл 115
Хэлл, Корделл 10, 25, 28, 35, 36,
52, 62, 64, 66, 69, 83, 89—91,

- 102, 115, 116, 131, 196, 201,
202, 210, 220, 222, 230, 231
Хэлл, Литл 220, 222
Хэслем, Р. 92
- Цезарь, Ганс-Иоахим 42, 47, 48,
50, 51, 114, 209
Цех-Буркерсрода, Юлиус фон
207, 208
- Чемберлен, Невилл 10, 11, 26,
207, 215
Черчилль, Уинстон 27, 207, 208,
218
- Шахт, Гельмар 21, 22, 31, 35, 43,
96, 154, 191, 205, 229
Шеклин, Джордж 129
Шелленберг, Вальтер 17, 111,
117, 135, 136, 156, 157, 208,
214—218
Шмидт, Орвис А. 18, 37—40
Шмиц, Герман 22, 25, 26, 32,
56—59, 61, 62, 93, 96, 115,
154—159, 162, 166, 170, 171,
179, 181, 185, 187, 204, 214,
216, 230, 236—238, 242, 243
Шмиц, Дитрих 115, 153, 156—
159, 161, 230
Шофилд, Лемюзел 220—224,
226—228
Шрёдер, Бруно фон 44, 46
Шрёдер, Курт фон 22, 25, 27, 28,
32, 38, 42, 44, 46, 93, 96, 97,
111—114, 117, 118, 155, 156,
170, 179, 187, 206, 212, 237
Шрёдер, Генри 44
Штюльпнагель, Отто фон 210
- Эйзенхауэр, Дуайт 12, 32, 125,
183, 212, 231—233, 237, 238
Эмбрастер, Говард 170, 176
Эммануил, Виктор 163, 164
Эриксон, П. 124
Эрхард, Людвиг 223
- Юнг, Оуэн 22
Юстиниано, Марио 174

Оглавление

Предисловие <i>В. А. Матвеева</i>	5
От автора	13
Глава I. Банк на все случаи	21
Глава II. Деньги нацистов в американском банке	42
Глава III. Секреты «Стандард ойл»	56
Глава IV. Хозяин мексиканской нефти	93
Глава V. Телефонный заговор	111
Глава VI. Стальные шарики на вес золота	139
Глава VII. Махинации кинопромышленников	154
Глава VIII. Автомобильная промышленность и преступное сотрудничество	178
Глава IX. Магнат-изобретатель	203
Глава X. Графиня-шпионка	214
Глава XI. «Братство» замечает следы	229
Именной указатель	247

Чарльз Хайэм
«ТОРГОВЛЯ С ВРАГОМ»

ИБ № 13641

Редактор
Т. Л. Комарова
Художник
В. В. Кулешов
Художественный редактор
В. А. Пузанков
Технический редактор
Т. И. Юрова
Корректор
Т. А. Шустина

Сдано в набор 05.10.84. Подписано в печать 03.04.85. Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура гельветика. Печать высокая. Условн. печ. л. 13,44. Усл. кр. отт. 13,75. Уч.-изд. л. 13,90. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3824. Цена 60 к. Изд. № 39144

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.

60 коп.

Чарльз
Хайэм

Торговля с врагом

Новые факты, разоблачающие закулисный сговор финансовых и промышленных монополий США с гитлеровской Германией, приводит в своей книге американский писатель и публицист Чарльз Хайэм. Руководствуясь принципом «бизнес прежде всего», американские магнаты в годы второй мировой войны сотрудничали с нацистами, предавая интересы собственного народа и своих союзников по антигитлеровской коалиции.

Москва
ПРОГРЕСС